

ИЗДАТЕЛЬ И УЧРЕДИТЕЛЬ
НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЕЛОВОГО И
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ В СФЕРЕ БИЗНЕСА

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

**ВОПРОСЫ
ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

Выпуск 1 (49)

Москва

2023

Издатель и учредитель:

«Некоммерческое партнерство «Национальное Объединение
Преподавателей Иностранных Языков Делового и Профессионального
Общения в сфере бизнеса», созданное при поддержке РУДН
Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Малюга Е.Н., академик РАЕН, доктор филологических наук,
профессор (ответственный редактор, Москва, РУДН),
Бауэр Карин, доктор, профессор (Канада, университет Макгилла),
Битти Кен, доктор, профессор (США, Университет Анахайм)
Доллерун Кай, доктор, профессор (Дания, Копенгагенский ун-т),
Клюканов И.Э., доктор филологических наук, профессор (США, Восточно-Вашингтонский
университет)
Круглов Алекс, доктор филологических наук, профессор (Великобритания, Университетский
колледж Лондона),
О’Дауд Роберт, доктор, профессор (Испания, Леонский университет),
Томалин Барри, профессор (Великобритания, Лондонская дипломатическая академия),
Ханзен Фолькмар, доктор, профессор (Германия, ун-т Дюссельдорфа),
Александрова О.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Волкова З.Н., доктор филологических наук, профессор (Москва, УРАО),
Дмитренко Т.А., академик МАНПО, доктор педагогических наук, профессор (Москва, МПГУ),
Лебедева И.С., кандидат филологических наук, доцент (Москва, МГЛУ),
Михеева Н.Ф., академик МАН ВШ, доктор филологических наук, профессор (Москва, РУДН),
Назарова Т.Б., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Пономаренко Е.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО
(Университет) МИД России)
Радченко О.А., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГЛУ),
Харьковская А.А., кандидат филологических наук, профессор (Самара, СамГУ),
Храмченко Д.С., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО (Университет) МИД
России),
Шевлякова Д.А., доктор культурологии, профессор (Москва, МГУ).

Материалы посвящены актуальным проблемам преподавания иностранного языка делового общения, современным тенденциям профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, использованию новых информационных технологий в учебном процессе, стратегиям обучения переводу в неязыковом ВУЗе, актуальным проблемам современной лингвистики. Тексты материалов печатаются в авторской редакции. Журнал индексируется ВАК, РИНЦ, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals, Crossref, EBSCO.

Некоммерческое партнерство НОПДиПО создано при поддержке РУДН.

**2306-1286 (Print)
2541-7614 (Online)**

© Российский университет дружбы народов,
Издательство, 2023
© Коллектив авторов, 2023

**PUBLISHER AND FOUNDER
THE BUSINESS AND VOCATIONAL FOREIGN LANGUAGES TEACHERS
NATIONAL ASSOCIATION**

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

**ISSUES
OF APPLIED
LINGUISTICS**

Issue 1 (49)

Moscow

2023

Publisher and founder:

Non-profit organization “The Business and Vocational Foreign Languages Teachers National Association”
created with the support of RUDN University

Address: 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya, 6

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Malyuga E.N., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof.
(Editor-in-chief. Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia),

Bauer Karin PhD Prof. (Canada, University McGill),

Beatty Ken Prof. Dr. (USA, Anaheim University)

Dollerup Cay PhD Prof. (Denmark, University of Copenhagen),

Klyukanov Igor Prof. (USA, Eastern Washington University),

Krouglov Alex, Prof. Dr. (Great Britain, University College London),

O’Dowd Robert Prof. Dr. (Spain, University of León)

Tomalin Barry Prof. (Great Britain, London Academy of Diplomacy),

Hansen Volkmar Prof. Dr. (Germany, University of Duesseldorf),

Alexandrova O.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology,
Prof. (Moscow, Moscow State University),

Volkova Z.N., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, University of Russian Academy of Education),

Dmitrenko T.A., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of
Pedagogy, Prof. (Moscow, Moscow State Pedagogical University),

Lebedeva I.S., Cand. of Sc. (Philology), Assoc. Prof. (Moscow State Linguistic University)

Mikheeva N.F., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of
Philology, Prof. (Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia),

Nazarova T.B., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State University),

Ponomarenko E.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology,
Prof. (Moscow, MGIMO University),

Radchenko O.A., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State Linguistic University),

Kharkovskaya A.A., Cand. of Sc. (Philology), Prof. (Samara, Samara State University),

Khramchenko D.S., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),

Shevlyakova D.A., Dr., Prof. (Moscow, Moscow State University).

The Journal is indexed by Higher Attestation Commission, Russian Science Citation Index, Google Scholar,
Ulrich’s Periodicals, Crossref, EBSCO.

The non-profit partnership BVFLTNA was created with the support of RUDN University.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

- АНИСИМОВА А.Г., ТИХОНОВА Н.Ю.* 7
Комическое в современной английской литературе:
способы создания и особенности перевода
- БУРИКОВА С. А., СМИРНОВА И.В., УЗАКОВА О.Э.* 31
Коммуникативный аспект в авиационной
фразеологии английского языка в процессе
радиообмена между пилотом и диспетчером
- МУРАШОВА Е.П.* 58
Междисциплинарные основы лингвистической
гибридизации (на материале ретро-компонента в
англоязычных политических медиатекстах)
- ТЮКИНА Л.А., БАБАЯН В.Н.* 78
Этнический юмор как репрезентация языковой
картины мира (на примере немецкоязычного
анекдота)
- ЦЗИНЬ Т.* 99
От значения к мотивированности: когнитивный
подход к интерпретации результивной
конструкции в китайском языке
- ЛИ Ч., ЯКИМЕНКО Н.Е., ПИСАРСКАЯ Т.Р.* 122
Способы структурной оптимизации словарных статей
лингвокультурологического словаря эвфемизмов

CONTENTS

Scientific articles

<i>ANISIMOVA A.G., TIKHONOVA N.YU.</i> Humour in modern English literature: methods of creation and features of translation	7
<i>BURIKOVA S.A., SMIRNOVA I.V., UZAKOVA O.E.</i> The communicative aspect in the English aviation phraseology of radiotelephony between a pilot and an air traffic controller	31
<i>MURASHOVA E.P.</i> The interdisciplinary basis of linguistic hybridization (an analysis of the retro-component in English-language political media texts)	58
<i>TYUKINA L.A., BABAYAN V.N.</i> Ethnic humour as a representation of the linguistic worldview (on the example of a German-language joke)	78
<i>TSZIN T.</i> From meaning to motivation: cognitive approach to the interpretation of resultative construction in the Chinese language	99
<i>LI ZH., YAKIMENKO N.E., PISARSKAYA T.R.</i> Means of structural optimization of dictionary entries of a linguocultural dictionary of euphemisms	122

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 81'25

А.Г. Анисимова

Московский государственный университет имени

М.В. Ломоносова;

Н.Ю. Тихонова

Финансовый университет при Правительстве

Российской Федерации

КОМИЧЕСКОЕ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА

Целью исследования является определение основных путей и средств создания комического в современных произведениях художественной литературы на английском языке, которые представляют собой материал исследования, а также проанализировать способы перевода юмора с английского языка на русский на конкретных примерах, взятых из выбранных современных художественных англоязычных произведений. Главный фокус анализа на юморе влечет за собой необходимость проведения семантического анализа плана содержания отдельных лексических единиц, изучения сосуществования в рамках одного или нескольких предложений вербальных и невербальных средств коммуникации. В статье акцентируется внимание на гиперболизации и совмещении разных/противоположных стилистических/семантических лексических единиц как фундаменте построения комического вербального описания. Научная новизна исследования состоит в выборе материала для анализа – детективной повести Риз Боуэн «Дворцовый переполох», которая ранее не изучалась с данной точки зрения. Авторы выявляют наиболее частотный способ создания комического, а также определяют переводческие приемы передачи юмора на русский язык. В результате исследования было установлено, что гиперболизация является преобладающим способом выстраивания комического в тексте, тогда как компенсация представляется наиболее популярным приемом перевода с английского языка на

русский язык. Итоги исследования представляются интересными с научной точки зрения для широкого круга филологов, лингвистов (сюда можно отнести и когнитивную лингвистику), переводоведов, а также могут оказаться полезными с точки зрения преподавания таких дисциплин высшей школы, как практический курс перевода с английского языка на русский язык, лингвострановедение.

Ключевые слова: юмор; комизм; литература; детективная повесть; английский язык; русский язык; перевод; семантика; синтаксис; стиль; лексика; гипербола; гиперболизация; переводческий прием; компенсация; синтаксическое уподобление; дословный перевод; конкретизация; добавление; антонимический перевод

UDC 81'25

A.G. Anisimova

Lomonosov Moscow State University;

N.Yu. Tikhonova

Financial University under the Government of the Russian Federation

HUMOUR IN MODERN ENGLISH LITERATURE: WAYS OF CREATION AND TRANSLATION

The purpose of the study is to determine the main ways and means of creating humour in a work of fiction in Modern English, which is the material for the present research, to analyze the ways of translating humour from English into Russian on the basis of specific examples taken from the selected modern English-language literary works. The main focus on humor analysis entails the need to conduct a semantic analysis of the content plane of individual lexical units and study coexistence of verbal and non-verbal means of communication within the framework of one or more sentences. The article focuses on hyperbolization and combination of different/opposite stylistic/semantic lexical units as the foundation for constructing a comic verbal description. The scientific novelty of the study lies in the choice of the material for analysis – a detective story “Her Royal Spyness” by Rhys Bowen, as well as in establishing the recurrent ways of creating humour

and selecting translation devices in Modern English. As a result of the study, it was found that hyperbolization is the predominant way of building humour in the text, while compensation turns out to be the most popular method of translating from Modern English into Russian. The results of the study may be interesting for a wide range of philologists, linguists (cognitive linguistics can also be mentioned in this regard), and can also be useful from the point of view of teaching such disciplines of higher education as a practical course of translation from the English language into the Russian language, country studies through language.

Keywords: humor; comedy; literature; detective story; the English language; the Russian language; translation; semantics; syntax; style; vocabulary; hyperbola; hyperbolization; translation technique; compensation; syntactic assimilation; literal translation; specification; addition; antonymic translation

Введение

Для любого произведения, принадлежащего миру художественной литературы, характерна определенная система языковых и речевых средств, на которых автор, руководствуясь сложившимися в языке нормами грамматики и синтаксиса и собственным чувством стиля, вкуса, а также полетом фантазии и вдохновением, останавливает свой выбор и организует их в тексте в стремлении достичь определенные коммуникативные, эстетические, нравственные цели (Monakhova, 2019). При переводе подобных текстов перед переводчиком стоит задача не лишить текст того смыслового, символистского, изобразительного наполнения, которое заложил в него автор, при этом принимая в расчет специфику допустимых средств и способов выражения по отношению к передаваемому содержанию.

Актуальность данной работы обуславливается темой исследования, находящейся в определенной степени в промежуточном положении между лингвистикой, переводоведением и психологией, поскольку исследуется юмор в современной английской литературе как явление, средства его вербального выражения в тексте и приемы перевода комического на другой язык. Настоящая работа призвана решить следующие задачи:

1) отобрать примеры из детективной повести Риз Боуэн «Дворцовый переполох» (Rhys Bowen “Her Royal Spyness”) на английском языке и русском языке, содержащие в себе комические описания ситуаций, предметов, персонажей, их мыслей, чувств, мнений, идей;

2) проанализировать способ выражения комического в каждом отобранном примере на английском языке и русском языке;

3) классифицировать данные примеры на основании обнаруженного способа выражения комического.

В ходе исследования были использованы три основных метода: сплошной выборки, семантического анализа и обобщения.

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные положения переводоведения, сформулированные в исследованиях Л. С. Бархударова (1975), В. Н. Комиссарова (1990), А. Д. Швейцера (1988), Я. И. Рецкера (1988). Кроме того, решению поставленных задач содействовали труды исследователей С. В. Змитраковича (2016), Кейт Фокс (2004).

Практическая значимость работы состоит в возможности включения привлеченного материала и полученных результатов исследования в ряд учебных дисциплин по иностранному языку и межкультурной коммуникации, таких как практический курс английского языка, практический курс перевода с английского языка на русский язык, переводоведение.

Основная часть

Общеизвестно, что язык неразрывно связан с культурой. Изучая язык с целью использовать его как средство, инструмент коммуникации, невозможно обойти стороной исследование, пусть даже поверхностное, культуры стран или страны изучаемого языка. Понятие «английский юмор» является по своей сути многоаспектным. Подразумевая определенную национальную принадлежность, оно предполагает и особый взгляд на мир и его «наполнение», и неповторимый способ мышления, и уникальную культурную традицию, в первую очередь литературную (Bebbington, 2018, Malyuga, Krouglov & Tomalin, 2018). Отличительная черта английского юмора – это самоирония, т. е. умение смеяться над собой. В целом же объектом шулки может стать все что угодно: погода, окружающие люди, национальные особенности, политика. По словам британского социального

антрополога Кейт Фокс, «В беседе на английском языке всегда присутствует не выраженный явно юмор. <...> Для англичан правила юмора являются культурным эквивалентом законов природы — мы им подчиняемся. автоматически, так, как мы подчиняемся закону гравитации» (перевод авторов) (Fox, 2004, с. 25).

Английский юмор во многом построен на так называемом understatement, т. е. нечто подразумеваемое, недосказанное. (Radyuk, 2022). В словаре английского языка Macmillan Dictionary лексической единице understatement дается определение a statement that makes something seem less important, serious, big etc than it really is. Merriam-Webster Dictionary следующим образом трактует understatement: a statement that represents something as smaller or less intense, or less important than it really is; the avoidance of obvious emphasis or embellishment. Английский писатель-юморист Джордж Микеш пишет: All this is very deep: and just soul, nothing else. The English have no soul; they have the understatement instead (Mikes, 1986, с. 34).

Такая отличительная черта обыгрывается самими носителями данной культуры. Например, в одной из детективных повестей того же автора – Риз Боуэн – можно встретить следующую характеристику, которую героиня дает своему мужу (далее приведено высказывание мужа и ее реакция на его слова):

I awoke to the rain peppering my window and the wind moaning through the chimneys.

“The weather doesn’t look too great,” Darcy said **with his normal understatement** as he pulled back the curtains.

“Too great?” I said as there was the rattling crash of a slate tile being blown from the roof. “It’s a howling gale out there. Do you think the ships will be allowed to cross the Channel?” (Боуэн, 2022, с. 17).

Героиня явно не считает наблюдаемые погодные условия всего лишь «не слишком хорошими», как отмечает ее супруг; она сомневается, что в такой ужасный день можно будет отправляться в намеченное путешествие.

В данном исследовании будет проанализирован юмор, выраженный в словесной форме, т. е. вербальный юмор, обусловленный выбором определенных элементов языка в известных значениях или средствами грамматики и синтаксиса.

Исследователь С. В. Змитракович пишет о таких приемах: «Лексико-семантические средства создания комического эффекта задействуют единицы лексемного уровня языка в разнообразии как семантических значений лексических средств первичной номинации, так и неисчерпаемой образности, выразительности и эмоциональности средств вторичной номинации. <...> Грамматико-синтаксическими средствами предлагаем называть синтаксические обороты, построения текстового уровня и фигуры речи, конструкции которых в сочетании с мотивированным выбором языковых единиц и семантикой лексем формирует эффект комизма» (Змитракович, 2016, с. 184).

Английский вербальный юмор, как будет очевидно из проанализированных групп примеров, в основном построен на основе гиперболизации, или преувеличения, и/или сочетании противоположностей, в частности лексических единиц высокого регистра (высокая лексика) и низкого регистра (стилистически сниженная лексика) или же лексических единиц с негативной (отрицательной) и позитивной (положительной) семантикой. Реже встречается юмор, основанный на литоте (преуменьшении) (Malуga, 2020).

В данном исследовании, первым будет рассмотрен пласт примеров, в которых юмор в разной форме (ирония, сарказм, самоирония, самоуничижение) представлен за счет гиперболизации. Далее будет проанализирована группа примеров, являющихся предложениями с совмещением лексики разных регистров и/или разной семантики. В рамках каждого набора иллюстративных примеров при переводе с английского языка на русский язык будут задействованы аналогичные приемы и техники, а именно компенсация, уподобление, конкретизация, добавление.

Под компенсацией в теории перевода следует понимать восполнение ускользающего смыслового наполнения, когда лексические элементы оригинала, несущие в себе задуманное автором семантическое содержание, утрачиваются при переводе, однако передаются другой лексической единицей, «причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале» (Комиссаров, 1990, с. 247).

При задействовании синтаксического уподобления, или дословного перевода, синтаксическая структура составленного

автором текста превращается в подобную структуру на языке перевода. Такой прием следует считать «нулевой» трансформацией (Комиссаров, 1990, с. 178).

Конкретизация подразумевает замену слова или словосочетания более широкой семантики на слово или словосочетание более узкой семантики. По замечанию Л. С. Бархударова, действие конкретизации в ряде случаев «особенно важно при переводе художественной литературы, в которой неуместно слишком частое употребление слов абстрактного, обобщенного значения» (Бархударов, 1975, с. 212).

Наконец, добавление, под которым следует понимать встраивание в текст перевода дополнительных, отсутствующих в оригинале лексических единиц, служит цели «добиться максимально полного понимания переведенного текста носителями» (Бархударов, 1975, с. 126).

Итак, первой будет проанализирована категория примеров, где явно прослеживается тенденция к гиперболизации изображаемых персонажей, случающихся с ними ситуаций и высказываемых ими идей и мнений.

Компенсация

Apparently the only acceptable destiny for a young female member of the house of Windsor is to marry into another of the royal houses that still seem to **litter** Europe, even though there are **precious few** reigning monarchs these days.

Все уверены, что для девушки из рода Виндзоров существует только один достойный путь устроить свою судьбу — выйти замуж за отпрыска другого королевского дома. Похоже, их и сейчас в Европе **полным-полно**, хотя по-настоящему правящих монархов **можно пересчитать по пальцам**.

Гипербола в данном случае кроется в выборе слова *litter*, подразумевающего огромное количество чего-то. Здесь можно наблюдать синтаксическую трансформацию, заключающуюся в замене частей речи. Так, глагол *litter* в оригинале, имеющий семантику *to be spread around a place in large numbers, to leave litter in a place*, т. е. «усеивать, захламлять, мусорить», употребляется, как правило, по отношению к неодушевленным объектам. В приведенном же предложении *litter* относится к королевским особам Европы, и поэтому возникает комический эффект. В

переводе имеем вместо теоретически возможного глагола из числа упомянутых наречие «полным-полно», которое звучит иронично, однако, вероятно, не достигает той же степени эмоционального воздействия на читателей. Фраза *precious few* преобразуется в самостоятельную грамматическую основу «можно пересчитать по пальцам», являющуюся равноценной синтаксической заменой.

I am constantly being reminded that it is my duty to make a good match with some **half-lunatic, buck-toothed, chinless, spineless, and utterly awful** European royal, thus cementing ties with a potential enemy.

Я со всех сторон слышу, что мой долг — составить партию какому-нибудь **пучеглазому, рахитичному полудурку со скошенным подбородком**, но непременно королевской крови, и все ради того, чтобы установить дружественные связи с потенциальным врагом нашей страны.

Подбор прилагательных, описывающих молодого человека, в оригинальной версии рисует крайне нелицеприятный портрет, а последнее в ряду *utterly awful* словно подводит безрадостный итог характеристике князя. При этом адъективные элементы стоят парами: два первых составлены с помощью дефиса, два последних – с добавлением одинакового суффикса *less*. Все это работает на создание комического эффекта. В переводе эта парность теряется, на месте ряда прилагательных появляются сочетания прилагательных с существительными.

It's a polite way of advertising "Here she is, chaps. **Now for God's sake somebody marry her and take her off our hands.**"

Это такой способ вежливо объявить миру: «Смотрите, вот она, наша красавица! **А теперь, ради бога, друзья, возьмите ее замуж и снимите эту обузу с нашей шеи**».

В варианте на русском языке добавляется лексическая единица «обуза», «руки» в оригинале заменяются на «шею» ради сохранения фразеологической сочетаемости.

My gown with its long train, not to mention three ridiculously tall ostrich feathers bobbing in a hair ornament, was **a recipe for disaster.**

На меня надели платье с длиннющим шлейфом, а прическу украсили тремя нелепыми и длинными страусовыми перьями — так что **катастрофа была гарантирована.**

Синтаксическая связь управление в английском предложении трансформируется в самостоятельную часть сложного предложения, при этом ключевое существительное, передающее комическое отношение к ситуации, сохраняется (disaster – катастрофа).

She gave birth to my brother, looked around at her utterly bleak Highland surroundings, **and promptly died.**

Она родила ему моего братца, окинула взором безрадостные шотландские просторы, **да и умерла.**

Наречие promptly через синтаксическую замену передается на русский язык другой частью речи – союзом «да и» (не прости «и», как в изначальном варианте). Такая трансформация позволяет выстроить гиперболизированную цепочку событий из мгновенно сменяющих друг друга трех перечисленных действий (родила, окинула взором, умерла), которая покажется читателю комичной.

With that she **poured dangerous amounts from any number of bottles into a shaker**, finished them off with something bright green, then poured the shaken result into a glass and dropped in a couple of maraschino cherries.

С этими словами она **щедро наплескала в шейкер что попало из разных бутылок**, сверху плюхнула какой-то зеленой жидкости, потрясла, вылила в бокал и увенчала свое творение парочкой ликерных вишен.

Вместо прилагательного dangerous, имеющего значение «опасный», в переводе употребляется наречие «щедро», в сочетании с глаголом «наплескала» создающее комический эффект. Выражение «что попало» в отношении алкогольных напитков, компенсирующее английскую фразу с местоимением и существительным from any number of bottles, аналогичным образом указывает на то, что воспринимать описываемую ситуацию приготовления коктейля следует в юмористическом ключе.

What's more, the suitable young men I have met have been **so dull that assassination actually seems preferable than a long life with them.**

Больше того, подходящие молодые принцы, которые мне попадались, — **такая тоска, что поневоле думаешь: пусть его лучше убьют, чем прозябать с ним всю жизнь.**

Здесь наречие с прилагательным *so dull* трансформируются в местоимение с существительным «такая точка». Кроме того, отмечается ряд других заслуживающих внимания компенсационных изменений в переводе: существительное преобразуется в глагол (*assassination* – убьют), появляется глагол «прозябать». Наконец, можно отметить семантический сдвиг: если в английском тексте под *assassination* понимается скорее убийство не просто самого принца, но и его гипотетической супруги (ведь именно перспектива брака с принцем так пугает героиню), то в переводе имеем «пусть лучше его убьют», что несколько искажает смысл оригинала и лишает отрывок определенной иронии.

*I can speak passable French, play the piano, and I know where to seat an archbishop at table. **This hardly makes me employable, does it?***

Я неплохо говорю по-французски, играю на фортепьяно, знаю, куда посадить архиепископа на званом обеде. **На такие умения вряд ли будет спрос, верно?**

Курьезным кажется сам набор умений девушки; тут перевод предложения является практически дословным, буквальным. В следующем же предложении прилагательное *employable* преобразуется в существительное «спрос», в отношении перечисленных навыков являющий собой скорее шутку, нежели серьезную характеристику.

*The heel came free and **I was catapulted** farther into the throne room as if I had been shot from a cannon at the very moment I should have been backing out of the royal presence.*

Каблук высвободился, и **меня швырнуло** вперед, как ядро из пушки — в тот самый миг, когда мне полагалось, птясь, покинуть зал.

Гиперболизирована неловкая и затруднительная ситуация, произошедшая с героиней повести, что прекрасно передает комичное сравнение с пушечным ядром. Компенсация же здесь состоит в замене грамматической основы: *I was catapulted* – буквально «я была вышвырнута, я была катапультирована», однако вместо этого имеем «меня швырнуло». Такая компенсация вполне оправдана, потому что в английском тексте присутствует пассивная глагольная форма, на русский язык зачастую переводящаяся соответствующей безличной глагольной формой. Тем самым

можно говорить о невозможности героини повлиять на случившееся, переиначить ход развития событий.

There are some advantages to being a minor royal. The old man **turned beetroot red**.

Все-таки иногда неплохо быть королевских кровей. Пожилой джентльмен **побагровел как свекла**.

Гиперболизированное сравнение со свеклой делает описание джентльмена комичным. Переводческий прием компенсации направлен на передачу глагола: вместо возможного варианта «стал красным/багровым как/словно свекла» в переводе видим «побагровел как свекла». Тем самым имеет место замена частеречного состава предложения. Такой образованный от прилагательного глагол живо рисует перед читателями портрет персонажа.

Следует отметить, что таких примеров чрезвычайно много. По сравнению с приведенными далее отрывками из текстов их в действительности абсолютное большинство. Такое преобладание можно объяснить необходимостью выстраивать в переводе новые синтаксические связи, соответствующие сложившимся в языке формам и структурам.

I never knew her. I never met my fearsome Scottish grandfather either, although the servants claim that his **ghost** haunts Castle Rannoch, playing the bagpipes on the ramparts (which in itself is strange as he couldn't play the bagpipes in life).

Бабушку в живых я не застала, как не застала и шотландского жутковатого дедушку, хотя слуги клянутся, будто его **неупокоенный дух** блуждает по замку и по ночам играет на волынке (что странно, поскольку при жизни он играть на ней не умел).

С точки зрения синтаксиса, два оригинальных предложения объединяются в одно, что позволяет плавно и размеренно, «без запинки» вести изложение. Английское слово *knew* трансформируется в целое высказывание «в живых не застала», что помогает точно выразить мысль героини, а *ghost* превращается в «неупокоенный дух» – словосочетание, навевающее трепет и наводящее страх. Выбор возвышенного по стилю прилагательного – «неупокоенный» – в сочетании с упоминанием будничного факта из жизни почившего предка создает комический эффект.

Уподобление (дословный перевод)

Her look implied that I was **liable to become pregnant or dance naked on the lawn** if I went out to Woolworths unchaperoned.

Взгляд ее ясно предупреждал: тебя только отпусти в «Вулворте» без присмотра, и ты **или забеременеешь, или пойдешь плясать нагишом на газоне.**

Юмор в данном случае содержится в самом выборе вербальных составляющих, когда выбор перспектив, стоящий перед молодой девушкой, ограничивается абсурдными и крайне маловероятными вариантами, что и составляет прием преувеличения.

In fact, it crossed my mind that HM might sit me down to tea and then produce Prince Siegfried and a convenient Archbishop of Canterbury **to perform the wedding ceremony on the spot.**

У меня даже мелькнула мысль, что ее величество усадит меня пить чай, а сама тут же предъявит мне князя Зигфрида и вдобавок архиепископа Кентерберийского, **чтобы обвенчать нас на месте.**

В приведенном примере смешно и нелепо предположение о внезапном проведении церемонии бракосочетания, т. е. юмор также заключается в вербальной гиперболизации, которая переводится на русский язык аналогичным способом.

She was wearing an emerald green satin opera cape—the kind where the sides are joined together to make the sleeves, thus **making most people look like penguins.**

С плеч ее ниспадала изумрудно-зеленая атласная накидка, какие надевают в театр. В таких накидках **большинство смахивает на пингвинов**, потому что полы соединены в подобие рукавов.

В данном случае можно говорить о гиперболизированном сравнении, когда предмет одежды делает человека непохожим на самого себя. Выбор глагола – «смахивает» – делает сравнение еще более забавным, уморительным. К тому же пингвин – очаровательное, милое животное, сравнение с которым поневоле вызывает улыбку.

“Working behind the counter at a department store?” I sounded shocked.

“Darling, **I’m not suggesting you work as a belly dancer** in the casbah. It’s a perfectly respectable department store. I shop there all the time.”

— Работать продавщицей в универсальном магазине? Стоять за прилавком? — голос мой задрожал от изумления.

— Душечка, **я ведь не предлагаю тебе плясать танец живота** перед матросами в порту. Магазин весьма почтенный и приличный. Я сама туда постоянно хожу.

Комично в данном контексте невероятное предположение подружки героини, что она могла предложить той столь неподобающее ее статусу занятие. При этом здесь же можно наблюдать случай описательного конкретизирующего перевода: *in the casbah (a North African castle or fortress)* – «перед матросами в порту», что также добавляет отрывку гиперболизированности.

Таких примеров, в противоположность рассмотренному ранее приему компенсации, относительно немного. При этом ни один из процитированных отрывков не подходит под понятие абсолютного уподобления, представляя собой лишь частично дословный перевод.

Добавление

They are vast, cavernous places with high ceilings, tartan wallpaper, and plumbing that **hisses, groans, clanks, and have been known to cause more than one heart attack, as well as such instant fits of insanity that one guest leaped from an open bathroom window into the moat.**

Они здесь просторные, гулкие, с высоченными потолками, обоями в шотландскую клетку и старыми трубами, которые **шипят, стонут, клацают и уже не раз были причиной сердечных приступов, а также случаев внезапного помешательства. Однажды обезумевший от страха гость сиганул из окошка в замковый ров.**

Глаголы, описывающие издаваемые трубами в замке звуки, переданы на русский язык максимально близко к изначальному варианту. Однако второе предложение на русском языке (тут можно отметить синтаксический прием разделения оригинального предложения на несколько на языке перевода) начинается с обозначения на определенную реакцию одного из гостей (обезумевший от страха), чего не наблюдается в английском тексте. Такая нестандартная, чрезмерная реакция на шум, пусть даже источник его неизвестен и непонятен, вызывает улыбку, смех.

Единственный пример добавления демонстрирует, что присоединение новых лексических элементов в основном проигрывает по частотности применения перестройке предложений с помощью компенсации.

Конкретизация

I felt perspiration trickling down my bare back. (Yes, I know **ladies** don't sweat, but something was trickling down my back.)

По обнаженной спине у **меня потекла струйка пота**. (Да, знаю, **настоящие леди** не потеют, но по спине у меня что-то потекло.)

Гиперболизация в этом случае заключается в отрицании самой возможности потеть определенной категорией людей. Сразу два наглядных примера конкретизации можно отметить в цитируемом отрывке: просто леди (*ladies*) в оригинале становится настоящей леди в переводе, вместо существительного «пот» (*perspiration*) как ближайшего эквивалента *perspiration* имеем струйку пота в тексте на русском языке. Это добавляет переводу эмоционального наполнения, поскольку работает на более яркое, выразительное описание конфуза героини. Кроме того, в данном фрагменте наблюдается переводческий прием компенсации, так как в первом предложении в переводе меняется грамматическая основа: потенциально возможный вариант «я чувствовала пот» (*I felt perspiration*) преобразуется в отвечающую нормам русского языка с точки зрения грамматики и стилистики версию «у меня потекла струйка пота».

Рассмотрим следующей вторую категорию примеров, где юмор основывается на соединении противоположностей, а именно лексических единиц с негативной и позитивной семантикой или же высокой лексики и стилистически сниженной лексики. Такое смешение позволяет взглянуть на знакомые положения и ситуации под новым углом, увидеть неожиданные черты в известных объектах. Сразу же необходимо подчеркнуть, что примеров такого типа удалось обнаружить лишь по одному на каждый прием (компенсация, синтаксическое уподобление, конкретизация, добавление), что можно объяснить, вероятно, более сложным путем создания шутки.

Компенсация

She looked at me sharply. “So do I gather that **life isn’t too wonderful for you at the moment?**” “**Life is pretty bloody**, if you really want to know,” I said.

— Тебя, как я понимаю, **жизнь сейчас не балует?**

— **Жизнь обходится со мной чертовски скверно**, если уж хочешь знать, — ответила я.

За прилагательным wonderful в реплике подруги главной героини повести следует в ответной реплике наречие с прилагательным pretty bloody. Именно это выражение можно отнести к сниженной лексике; ему в переводе соответствует аналогичное с точки зрения составляющих частей речи «чертовски скверно». Однако непосредственно компенсация касается других элементов данного отрывка: форма глагола to be с наречием и прилагательным isn’t too wonderful преобразуется в самостоятельно семантически наполненный глагол «не балует».

My grandmother was **the least attractive** of Queen Victoria’s daughters, who consequently never managed **to snare a Romanov or a Kaiser**, for which I am truly grateful and I expect she was too.

Бабушка была **самой некрасивой** из дочерей королевы Виктории, и потому ей не удалось **заполучить жениха ни из русского, ни из германского царствующего дома**, за что я благодарна судьбе, и она, как я думаю, тоже.

Здесь, помимо собственно компенсации, можно наблюдать применение приема антонимического перевода, когда буквально «наименее привлекательная» (the least attractive) становится «самой некрасивой», что, несомненно, звучит гораздо прямолинейнее, грубее, а это английскому языку несвойственно. Компенсация в данном случае касается перевода императорской фамилии (речь идет о династии Романовых) и германского титула монарха: a Romanov or a Kaiser. Для русского читателя могло бы быть недостаточным лишь указание фамилий, поэтому переводчик решил компенсировать возможное неведение путем описательного перевода. Кроме того, интерес представляет выбор переводного эквивалента глагола snare – «заполучить». Однако в словаре Macmillan Dictionary дается следующее толкование: to catch an animal using a snare; to trick someone into an unpleasant situation that they cannot escape from. Следовательно, перевести данный глагол можно, например, как «заманить, завлечь, поймать», что в

сочетании с последующим существительным «жених» вызвало бы у читательской аудитории улыбку. Еще более комичного эффекта можно было бы достичь, если дополнить один из предложенных глаголов («заманить, завлечь, поймать») существительным «западня, ловушка».

The young Englishmen were **revoltingly proper**, maybe because our chaperons lurked in the background. If they took one outside for a stroll and tried **a quick and hopeful grope**, one stern rebuke would make them gush out apologies. “So sorry. **Damned bad form**. Can’t think what came over me. Won’t happen again, I promise.”

Молодые англичане держались с нами **до отвращения чопорно**, возможно, потому, что поблизости все время реяли дамы постарше. Если такой кавалер уводил девицу одну на прогулку и торопливо пытался **пообжиматься** в надежде на большее, его легко было поставить на место суровыми упреками. Тогда он рассыпался в извинениях: «Простите великодушно. **Что-то я сам не свой**. Не знаю, что на меня нашло. Обещаю, такое больше не повторится».

Комично в данном контексте сочетание наречия и прилагательного **revoltingly proper** – «до отвращения чопорно», так как чопорность, пусть и представляющаяся негативным свойством характера, вызывает отвращение в каких-то крайних случаях, то есть здесь неприятие такого поведения доведено до абсолюта. Улыбку вызывает выбранный переводчиком глагол «пообжиматься» вместо оригинального сочетания прилагательных с существительным (**a quick and hopeful grope**). Наконец, перевод **damned bad form** как «что-то я сам не свой» (здесь можно отметить применение техники компенсации) кажется пусть и приемлемым, но не самым удачным вариантом. Возможно, вариант вроде «чертовски дурной тон/ проклятый дурной тон/ треклятый дурной тон» смотрелся бы в переводе более звучно и гладко.

Уподобление (дословный перевод)

My brother, Binky, having been conditioned to do so at school, insisted on taking his morning walks around the estate and arrived home looking like **the abominable snowman** — sending his son Hector, affectionately known as Podge, screaming for Nanny.

Мой братец Бинки еще со школьных времен был приучен к прогулкам в любую погоду и каждое утро упрямо разгуливал по окрестностям. Домой Бинки возвращался похожий на **жутковатого**

снеговика, так что его сын Гектор, в домашнем обиходе известный как Пончик, при виде отца ударялся в слезы и звал няню.

Здесь следует отметить совмещение в словосочетании прилагательное + существительное адъективного элемента с отрицательной семантикой и номинативного элемента с положительной семантикой, благодаря чему возникает комичность.

Конкретизация

When he learned that he'd lost what remained of his fortune, he went up onto the moors **and shot himself with his grouse gun, although how he managed to do it has always been the object of speculation, my father never having been a particularly good shot.**

Узнав, что он потерял остатки своего состояния, отец вернулся в Раннох, ушел далеко на болота и **застрелился из охотничьего ружья, чем удивил всех, потому что стрелком он был никудышным.**

В цитируемом отрывке трагичный факт смерти отца главной героини соединяется с будничным сообщением о его неумелости как стрелка. Сочетание таких истин, выраженных в словесной форме, производит комический эффект на читательскую аудиторию. При этом вариант на русском языке в определенной степени построен на приеме конкретизации. Так, в переводе можно обнаружить указание на вовлеченных в описываемую ситуацию лиц (все), более детальную информацию об их реакции (удивление), более прямую и точную характеристику персонажа (никудышный стрелок).

In due time she dutifully produced my father, the second duke, before succumbing to the sort of diseases brought on by **inbreeding and too much fresh air.**

В положенный срок бабуля добросовестно произвела на свет моего папеньку и только затем позволила себе поддаться болезням, которые возникают от **кровосмешения и избытка свежего воздуха.**

Комичным может показаться упоминание свежего воздуха как вероятной причины возникновения болезни. Конкретизация же касается выбора в переводе существительного «бабуля» вместо местоимения she, однако тут же можно заметить отсутствие в переведенном тексте словосочетания the second duke – к нему не

был подобран эквивалент, хотя само по себе оно не составляет ровно никакой проблемы – «второй герцог».

Добавление

I wonder how many people have had **life-changing experiences while on the loo?**

Не знаю, часто ли **мысль, которая коренным образом изменяет жизнь, приходит в голову в уборной?**

Данный пример, с одной стороны, содержит английскую фразу с абстрактной семантикой, которую можно считать возвышенной (life-changing experiences). С другой стороны, здесь же можно отметить слово loo – уборная, что сразу снижает определенный пафос предложения и наводит читателя на комическое восприятие ситуации.

Отдельно стоит прокомментировать примеры, юмор в которых сохраняется в русском тексте именно за счет использования приема антонимического перевода. Применение такого метода следует также отнести на счет несовпадения синтаксических структур в английском и русском языках. По замечанию ученого А. Д. Швейцера, «одним из наиболее частых побудительных мотивов, заставляющих переводчика прибегать к конверсивным трансформациям [к ним можно отнести антонимический перевод – комментарий автора статьи], являются различия в языковой реализации коммуникативной структуры (актуального членения) высказывания» (Швейцер, 1988, с. 142). Для демонстрации действия такого приема приведем следующие примеры из рассматриваемой детективной повести:

I am one of those people whose **limbs don't always obey** them in times of crisis.

Я принадлежу к тем, у кого от волнения **руки и ноги перестают слушаться.**

Отрицательная глагольная форма передается на русский язык через утвердительную глагольную форму (перестают слушаться). Кроме того, в предложении можно обнаружить действие приема конкретизации, поскольку английское существительное, ближайшим эквивалентом которого в русском языке будет слово «конечности», переводится как «руки и ноги».

Итак, из двух групп примеров, которые по сути являются комическим описанием персонажей и ситуаций, преобладающим

оказывается использование гиперболизации как основы для шутки, ей уступает по частотности комбинирование в рамках одного предложения семантически и/или стилистически противоположных лексических единиц. Если комментировать собственно приемы, касающиеся лексики, грамматики и синтаксиса, наиболее популярным является компенсация как способ провести необходимые адекватные замены в тексте перевода, нацеленные на приведение его в коммуникативное и эстетическое соответствие с оригиналом. Далее следуют равноценные по частотности приемы синтаксического уподобления, добавления и конкретизации.

Заключение

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1) доминирующим оказывается использование гиперболизации как основы для шутки по сравнению с семантическим или стилистическим смещением лексических единиц в контексте одного предложения;

2) наиболее частотным переводческим приемом является компенсация;

3) компенсации как переводческому приему по частотности уступают примерно равноценные по количественному показателю задействования при составлении текста приемы синтаксического уподобления, добавления и конкретизации.

Перспективы дальнейшего исследования вопроса состоят в подробном изучении переводческих приемов, способных максимально передать комический эффект от прочитанного. Интерес для исследователей может представлять и детальный анализ проблемы определения типов речевых ситуаций, в которых уместно употребление шуток.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
2. Боуэн Риз. Дворцовый переполох. Серия: Шпионка Ее Величества. Издательство Аркадия, 2019.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2004.

4. Головушкина М. В., Воячек О. С. Английский юридический юмор как социокультурный феномен // Наука. Общество. Государство. № 2 (2). 2013.
5. Змитракович С. В. Вербальные средства создания комического в англоязычном кинодиалоге // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 17-18 ноября 2016 г. / редколл. О. И. Уланович [отв. ред.] и др. Минск: Издательский центр БГУ, 2016.
6. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. М.: Инъязиздат, 2008.
7. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: Издательство ЛКИ, 2007.
8. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2011.
9. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
10. Латышев Л. К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. Москва: Издательство Международные отношения, 1981.
11. Лучковский Р. Я. Лингвокультурологические особенности английского юмора (на материале произведений П. Г. Вудхауза) // Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Пятигорск, 2005.
12. Любимов Н. Перевод – искусство. М.: Советская Россия, 1982.
13. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2007.
14. Симакова А. В., Шмырева Д. Е., Еремеева Н. А. Национальные черты английского юмора // Academy, 2019.
15. Соколов А. Б. Юмор как черта английского национального характера (по сочинениям путешественников конца XVIII – первой половины XIX в.) // Диалог со временем. Выпуск 44, 2013.
16. Тасенко П. С., Нелюбова Н. Ю., Ершов В. И. Использование приема адаптации при переводе текстов художественной литературы (на примере перевода на русский язык романов

- «Дама с камелиями» и «Грозовой перевал») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Том 20. № 2. 2016.
17. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
 18. Филиппова М. М. Словари юмористических цитат и парадоксы межкультурного общения // Сборник: Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 14, М.: МАКС Пресс, 2000.
 19. Шабунина Э. В. Английский юмор как лингвокультурное явление (на материале творчества П. Г. Вудхауза) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. № 1, 2012.
 20. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
 21. Baker Mona. In *Other Words: A Coursebook on Translation*. New York: Routledge, 2011.
 22. Baker Mona. *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. New York: Routledge, 2011.
 23. Bebbington B. The defeat of radical singularism in Russian, English and French literature // *Training, Language and Culture*. – 2018. – Vol. 2(4). – Pp. 39-54. doi: 10.29366/2018tlc.2.4.3
 24. Bowen Rhys. *Her Royal Spyness (The Royal Spyness Series Book 1)*. Berkley, 2008.
 25. Bowen Rhys. *Peril in Paris. (The Royal Spyness Series Book 16)*. Berkley, 2022.
 26. Fox Kate. *Watching the English*. Hodder & Stoughton, 2004.
 27. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/>
 28. Malyuga E.N. Funktsii iumora v angloyazychnom ekonomicheskom diskurse [Functions of humor in the English-language economic discourse] // *Moscow University Philology Bulletin*. 2020. Vol. 6. Pp. 31-43.
 29. Malyuga E.N., Krouglov A., Tomalin B. Linguo-cultural competence as a cornerstone of translators' performance in the domain of intercultural business communication // *XLinguae*. – 2018. – № 11(2). – Pp. 566–582 DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.46
 30. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

31. Mikes George. How to Be an Alien. Penguin Readers, 2000.
32. Mikes George. How to Be a Brit. Penguin Books, 1986.
33. Monakhova E. Cognitive and pragmatic approach to using stylistic devices in English literary discourse // *Training, Language and Culture*. - 2019. - Vol. 3(1). - Pp. 37-52. doi: 10.29366/2019tlc.3.1.3
34. Newmark Peter. A textbook of translation. London: Prentice Hall, 1988.
35. Radyuk K.A. Comic Language Means in the English-Language Comic Books // *Professional Discourse & Communication*. – 2022. – Vol. 4(3). – Pp. 29-38.

References

- Barkhudarov, L.S. (1975). *Iazyk i perevod (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda)* [Language and translation (Issues of general and specific theory of translation)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Bebbington, B. (2018). The defeat of radical singularism in Russian, English and French literature. *Training, Language and Culture*, 2(4), 39-54. doi: 10.29366/2018tlc.2.4.3 /
- Bowen, R. (2004). *Dvortsovyi perepolokh. Serii: Shpionka Ee Velichestva* [Her Royal Spyness. Her Royal Spyness Series] Izdatel'stvo Arkadiia.
- Garbovskii, N.K. (2004). *Teoriia perevoda* [Theory of translation]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Golovushkina, M.V., & Voiachek, O.S. (2013). Angliiskii iuridicheskii iumor kak sotsiokul'turnyi fenomen [English legal humor as a sociocultural phenomenon]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2 (2).
- Zmitrakovich, S.V. (2016) Verbal'nye sredstva sozdaniia komicheskogo v angloiazychnom kinodialoge [Verbal Means of Comic Creation in English Film Dialogue]. In *Iazykovaia lichnost' i effektivnaia kommunikatsiia v sovremennom polikul'turnom mire: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, (pp. 183-186).
- Kazakova, T.A. (2008). *Khudozhestvennyi perevod. Teoriia i praktika* [Literary translation. Theory and practice]. Moscow: In'iazizdat.

- Komissarov, V.N. (2007). *Lingvistika perevoda* [Linguistics of translation]. Moscow: Izdatel'stvo LKI.
- Komissarov, V.N. (2011). *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]. Moscow: R. Valent.
- Komissarov, V.N. (1990). *Teoriia perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow: Vysshaia shkola.
- Latyshev, L.K. (1981). *Kurs perevoda: Ekvivalentnost' perevoda i sposoby ee dostizheniia* [Course of translation: Equivalence of translation and ways to achieve it]. Moscow: Izdatel'stvo Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Luchkovskii, R. Ia. (2005). Lingvokul'turologicheskie osobennosti angliiskogo iumora (na materiale proizvedenii P. G. Vudkhauza) [Linguistic and cultural features of English humor (based on the works of P. G. Wodehouse)]. In *Materialy regional'noi mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*, (pp. 196-203).
- Liubimov, N. (1982). *Perevod – iskusstvo* [Translation as art]. Moscow: Sovetskaia Rossiia.
- Malyuga, E.N. (2020). Funktsii iumora v angloyazychnom ekonomicheskom diskurse [Functions of humor in the English-language economic discourse]. *Moscow University Philology Bulletin*, 6, 31-43
- Malyuga, E.N., Krouglov, A., & Tomalin, B. (2018). Linguo-cultural competence as a cornerstone of translators' performance in the domain of intercultural business communication. *XLinguae*, 11(2), 566–582 DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.46
- Monakhova, E. (2019). Cognitive and pragmatic approach to using stylistic devices in English literary discourse. *Training, Language and Culture*, 3(1), 37-52. doi: 10.29366/2019tlc.3.1.3 /
- Retsker, Ia.I. (2007). *Teoriia perevoda i perevodcheskaia praktika. Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda* [Theory of translation and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation]. Moscow: R. Valent.
- Simakova, A.V., Shmyreva, D.E., & Eremeeva, N.A. (2019). *Natsional'nye cherty angliiskogo iumora* [National features of English humor]. Academy.
- Sokolov, A.B. (2013). Iumor kak cherta angliiskogo natsional'nogo kharaktera (po sochineniiam puteshestvennikov kontsa XVIII –

- pervoï poloviny XIX v.) [Humor as a feature of the English national character (according to the writings of travelers of the late 18th - first half of the 19th century)]. *Dialog so vremenem*, 44, 310-327.
- Tasenko, P.S., Neliubova, N.Iu., & Ershov, V.I. (2016). Ispol'zovanie priema adaptatsii pri perevode tekstov khudozhestvennoi literatury (na primere perevoda na russkii iazyk romanov «Dama s kameliiami» i «Grozovoi pereval») [The use of the adaptation technique in the translation of fiction texts (on the example of the translation into Russian of the novels "The Lady of the Camellias" and "Wuthering Heights")]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Lingvistika*, 20 (2), 128-141.
- Ter-Minasova, S.G. (2000). *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo.
- Filippova, M.M. (2000). Slovari iumoristicheskikh tsitat i paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniia [Dictionaries of humorous quotes and paradoxes of intercultural communication]. *Sbornik: Iazyk, soznanie, kommunikatsiia*, Moscow: MAKS Press, 14, 31-54.
- Shabunina, E.V. (2012). Angliiskii iumor kak lingvokul'turnoe iavlenie (na materiale tvorchestva P. G. Vudkhauza) [English humor as a linguistic and cultural phenomenon (based on the work of P. G. Wodehouse)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 1, 196-203.
- Shveitser, A.D. (1988). *Teoriia perevoda: Status, problemy, aspekty* [Translation Theory: Status, Problems, Aspects]. Moscow: Nauka.
- Radyuk, K.A. (2022). Comic Language Means in the English-Language Comic Books. *Professional Discourse & Communication*, 4(3), 29-38.
- Baker, M. (2011). *In Other Words: A Coursebook on Translation*. New York: Routledge.
- Baker, M. (2011). *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. New York: Routledge.
- Bowen, R. (2008). *Her Royal Spyness (The Royal Spyness Series Book 1)*. Berkley.
- Bowen, R. (2022). *Peril in Paris. (The Royal Spyness Series Book 16)*. Berkley.
- Fox, K. (2004). *Watching the English*. Hodder & Stoughton.
- Macmillan Dictionary. Retrieved from: <https://www.macmillandictionary.com/> (Accessed 1.02.2023)

Merriam-Webster Dictionary. Retrieved from: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed 1.02.2023)

Mikes, G. (2000). *How to Be an Alien*. Penguin Readers.

Mikes, G. (1986). *How to Be a Brit*. Penguin Books.

Newmark, P. (1988). *A textbook of translation*. London: Prentice Hall.

УДК 81'276.6

С. А. Бурикова

И.В. Смирнова

О.Э. Узакова

Российский университет дружбы народов

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ В АВИАЦИОННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ РАДИООБМЕНА МЕЖДУ ПИЛОТОМ И ДИСПЕТЧЕРОМ

Статья посвящена рассмотрению особенностей формирования и использования авиационной фразеологии английского языка. Фокус внимания авторов обращен на коммуникативный аспект как основополагающий фактор, который дал начало всем грамматическим и фонетическим изменениям в структуре авиационного английского языка. Объектом данного исследования является англоязычная фразеология радиообмена. В процессе анализа материала были выделены следующие особенности использования фразеологии, которые влияют на эффективность коммуникации: скорость передачи информации, краткость и точность описания проблем, степень понимания команд, уровень владения авиационным английским, наличие акцента, технические особенности работы радиооборудования.

Материалом практического исследования стал документальный сериал «Air crash investigation», который содержит примеры использования авиационного английского языка, поскольку опирается на официальные документы предприятий авиационной отрасли (такие как ICAO, National Transportation Safety Board, Federal Aviation Administration), записи бортовых самописцев, а также интервью участников событий.

Авторы пришли к выводу, что коммуникативный аспект имел огромное влияние на формирование авиационной фразеологии

радиообмена. Эффективная коммуникация всегда являлась мотивацией к оптимизации речевых процессов в профессиональном общении между пилотом и диспетчером. Результатом проведенной работы является график, содержащий количественное сравнение наиболее часто встречающихся структурных преобразований в речи экипажа и авиадиспетчеров.

Ключевые слова: фразеология, радиообмен, коммуникативный подход, язык для специальных целей, технические языки, разговорная речь

UDC 81'276.6
S.A. Burikova
I.V. Smirnova
O.E. Uzakova
RUDN University

THE COMMUNICATIVE ASPECT IN THE ENGLISH AVIATION PHRASEOLOGY OF RADIOTELEPHONY BETWEEN A PILOT AND AN AIR TRAFFIC CONTROLLER

The article is devoted to the peculiarities of the formation and usage of English aviation phraseology. The authors' attention is focused on the communicative aspect as a fundamental factor that gave rise to all grammatical and phonetic changes in the structure of aviation English. The object of this study is the English phraseology of radio traffic, the discourse of which we have considered in the theoretical part of the work. During the analysis of the material, the following features, which affect the effectiveness of communication, were identified: the speed of information transmission, the brevity and accuracy of the description of the problem, the degree of understanding of the commands, the level of proficiency in aviation English, the presence of an accent, the technical features of the radio equipment.

The material of the practical research was the documentary series "Air crash investigation", which contains examples of the use of aviation English, since it is based on official documents of aviation industry enterprises (such as ICAO, National Transportation Safety Board, Federal Aviation Administration), cockpit voice recordings, as well as eyewitness accounts.

The authors concluded that the communicative aspect was of great influence on the formation of aviation phraseology of radio traffic. Effective communication has always been a motivation to optimize speech processes in professional communication between the pilot and the dispatcher. The result of this work is a graph containing a quantitative comparison of the most common structural transformations in the speech of the crew and air traffic controllers.

Keywords: phraseology, radio traffic, communicative approach, language for special purposes, technical languages, colloquial speech

Введение

Английский язык не просто является средством международного общения в гражданской авиации, он стал неотъемлемой составной частью во взаимодействии элементов «авиадиспетчер – пилот – воздушное судно – окружающая среда». Особенностью языка в данной отрасли является тот факт, что любое нарушение установленных правил формирования речевых актов влечет за собой угрозу безопасности воздушного движения. Сегодня ИКАО относит авиационный английский язык к фактору риска, наравне с отказом оборудования и сложными метеорологическими условиями.

В нашем исследовании используются методы контекстуального и прагматического анализа команд диспетчеров для выявления приемов и их степени воздействия на адресанта. Также мы использовали метод количественного анализа для статистического подсчета структурных изменений языка.

Целью нашего исследования является рассмотрение специфики англоязычной авиационной фразеологии радиообмена сквозь призму функционально-коммуникативного подхода.

Актуальность статьи состоит в необходимости исследования коммуникативного аспекта в рамках радиообмена между пилотом и диспетчером с целью нахождения наиболее эффективных способов передачи информации в данной сфере, необходимости обучения профессиональной терминологии (Malyuga & Orlova, 2016).

Теоретическая база исследования коммуникативных особенностей англоязычной авиационной фразеологии

Фразеология радиообмена — это набор стандартных фраз, команд и выражений, которые необходимо использовать при

ведении радиосвязи. Она предназначена для описания всех рутинных ситуаций. Это пример специального языка (LSP), то есть который ограничен набором шаблонов и используется для конкретных коммуникативных ситуаций (Elder, 2004).

Тема особенностей авиационной фразеологии остро стоит в исследованиях, однако освещена не так широко, как многие другие разделы. Причина этому может состоять в том, что фразеология является узкоспециализированной областью, и для ее изучения нужны глубокие знания не только дискурса лингвистического, но и профессионального (Malyuga & Aleksandrova, 2022). Многие лингвисты сконцентрированы только на национальных и культурологических особенностях коммуникации своей страны (Корея, Япония, Тайвань, Индия, Россия), в чем прослеживается еще большее сужение области исследования. Однако, это не значит, что данная сфера исследована плохо. С самого начала развития международной авиации и последовавшим взрывным развитием географии полетов, умы специалистов неустанно анализировали все акты коммуникации взаимодействия человека и машины. Большинство принятых изменений, стандартов и исследований были мотивированы крайне важной необходимостью – обеспечением безопасности и недопущения нарушения коммуникации, которое могло бы повлечь угрозу жизни участников этого процесса.

Одной из первых научных работ, проводимых специалистами авиационной отрасли и основанных на официальных исследованиях компаний, является работа Шарлотты Линде и Дж. А. Гогуэна “Linguistic methodology for the analysis of aviation accidents”. Это исследование проведено специалистами НАСА в 1983 г. с целью выявления причин, которые ведут к нарушению в когнитивном восприятии команд. Подробно анализируются акты речевой деятельности на разных этапа полета и предполетной подготовки. Поскольку данную работу проводили специалисты научно-технического отдела, они располагали большой методологической базой, на которую опираются все пособия по подготовке пилотов и авиадиспетчеров. Они разработали методы идентификации причин возникновения коммуникативных сбоев. Для этого дискурс был разделен на 4 части: планирование, объяснение, команды и контроль. В каждом из них были

определены лингвистические структуры, затем выявлены значимые лингвистические переменные, основанные на таких концептах, как речевой акт и тема (topic). Результаты работы были разделены на 3 категории: обучение экипажа использованию наиболее эффективных коммуникативных моделей, использование лингвистических переменных как показателя таких качеств экипажа как внимание, разработка руководств для организации процедур и оборудования, связанных с речевой деятельностью. Данное исследование сконцентрировано, в основном на сборе статистических данных и построении на их основе реальной картины восприятия речи экипажем, как когнитивного процесса. Некоторые выводы, сделанные командой по завершению исследования: тишина после произнесения команды не дает экипажу представления о корректном понимании информации; высокую степень согласованности дискурсивных единиц команды и контроля имеют цепочки речевых актов, планирование, объяснение; дискурсивные единицы, обнаруженные только в согласованности контроля и не связанные с командой – нарратив, включая псевдонарратив, в кабине пилота, который не имеет операционного значения. Эти факторы означают, что наиболее оперативным и четким взаимодействием экипажа является высокая степень согласованности командования и контроля. Тематическая согласованность может как иметь, так и не иметь операционного значения. Однако, операционно значимая тематическая согласованность является фактором, влияющим на степень согласованности команды и контроля. В целом, данная работа крайне подробно и внимательно изучает принципы влияния одних речевых актов на другие, а также их характер и коннотации. В качестве результата работы были выдвинуты принципы, на которых должны основываться методические пособия для развития лингвистических способностей участников коммуникации. Основные статистические выводы, сделанные специалистами НАСА:

1. Было выявлено преобладающее количество смягчения запросов, исходящих от подчиненных к начальству. Рекомендовано обучить персонал формулировать запросы более уверенно;

2. Обнаружены значительные региональные различия в восприятии смягчений. Этот фактор может иметь большое влияние на неправильное толкование фраз в кабине экипажа;
3. Во время возникновения нештатных ситуаций, команды менее подвержены смягчению. Данный факт имеет положительную тенденцию в контексте процесса обучения экипажа большей уверенности;
4. Начальники производят больше речевых актов объяснений и планирования, чем подчиненный. Данный феномен требует дальнейшего изучения;
5. Планирование и объяснение встречается чаще при выявлении экипажем проблем, но реже при возникновении чрезвычайных ситуаций;
6. Операционно значимые темы, вводимые смягченными формулировками реже, становятся предметом обсуждения. Это требует обучения экипажа не использовать смягчающие формулировки;

Результаты исследования Шарлотты Линде предполагают дальнейшие лингвистические исследования переменных на предмет определения эффективности коммуникации экипажа в кабине. К таким переменным относятся: степень согласованности команд и контроля, частота запросов-ответов-подтверждений, скорость планирования и обоснования, частота простых подтверждений. Авторы надеются на активное применение их методологии для оптимизации коммуникативных процессов в авиационной фразеологии. (Linde, 1983)

В своей диссертации Салли Велленброк Хинрик "The use of questions in international pilot and air traffic controller communication" освещает особенности использования вопросительной формы в процессе коммуникации между пилотом и диспетчером. Он подчеркивает, что особенность такого вида коммуникации заключается в том, что ни пилот, ни диспетчер никогда не видят друг друга в лицо и осуществляют все свое общение посредством радиосвязи. Этим объясняется направленность языка на наиболее точную и эффективную передачу информации. В работе Хинрик исследует, как участники коммуникации формируют запросы и подтверждения, поскольку вопросы, как вид предложения по цели высказывания, не являются частью активного лексикона в данной

сфере. Основываясь на документах ИКАО и FAA он делает вывод, что все речевые процессы между пилотом и диспетчером должны проходить в режиме команды или инструкции. Однако в таких документах не указан шаблон, либо порядок использования фразеологии для описания ситуации. Поэтому участники вынуждены задавать друг другу вопросы, чтобы донести правильную картину происходящего до собеседника. Именно в таких нестандартных ситуациях кроется проблема коммуникативной эффективности в авиации. Хинрик заключает, что интонация, контекст и синтаксис вместе с прагматическими особенностями способствуют полному взаимопониманию между участниками коммуникации. ИКАО разработало свой ограниченный язык фразеологии для уменьшения роли синтаксиса и интонаций, чтобы более эффективно передавать информацию посредством использования шаблонных фраз. Несмотря на пристальное внимание к обеспечению безопасности, подобные действия привели к тому, что любое нарушение в структуре этих фраз становится угрозой и может привести к фатальным последствиям. Однако, на практике было выявлено, что рутинная коммуникация зачастую отклоняется от установленных стандартов. Таким образом в речи нередко используются и вопросы, и интонирование наравне с повелительным наклонением. Это может свидетельствовать о том, что язык авиации постоянно изменяется, модифицируется внутри собственной обособленной сферы применения. В результатах исследования Хинрик говорится, что авиационный персонал на самом деле не выделяет форму вопроса как нечто чуждое своей отрасли. Частое использование прямых вопросов предполагает, что такие структуры могут быть жизнеспособными и будут добавлены к стандартному словарю авиационной фразеологии. Еще один провокационный вывод для авиации гласит, что интонация может быть важным элементом в подготовке специалистов с целью развития их лингвистических способностей восприятия. В качестве главного вывода выносятся высказывание о том, что авиационный английский, несмотря на ограниченность своего лексикона, продолжает развиваться как отдельный язык, отвечая на актуальные потребности своих пользователей. Подчеркивается необходимость дополнительных исследований региональных особенностей использования

фразеологии, поскольку английский является международным языком авиации и проблема поиска наиболее эффективных способов коммуникации всегда будет стоять на первом месте. (Hinrich, 2008)

Хеджонг Ким и Катерин Элдер в статье “Understanding aviation English as lingua franca: perceptions of Korean aviation personnel” затрагивают тему разницы в восприятии авиационного английского экипажами разных стран, в частности Кореи. Разбираются примеры и причины возникновения сложностей в ведении радиообмена пилотами и диспетчерами не англоговорящих стран. Основа проблемы корейской международной авиации заключается в низком уровне знания авиационного английского, который устанавливается ICAO и на основе которого выдается разрешение международных полетов. Экипажи корейских авиалиний высказали недовольство системой оценивания ICAO и заключили, что язык не является ключевым фактором угрозы, а является лишь частью комплекса причин сложности ведения радиообмена. Авторы статьи уточняют особенности радиосообщения в Корее: один диспетчер поддерживает связь с несколькими пилотами на одной частоте. Английский является языком международной авиации, но наравне с ним используется язык наземных радиостанций. Следовательно, в Корее используется одновременно и корейский, и английский язык, в зависимости от того, кто является собеседником. Материалом исследования данной работы стали записи двух разных центров управления воздушным движением. Диспетчеры были носителями как английского языка, так и корейского со знанием авиационного английского. Авторы статьи анализировали случаи, когда разница во владении языком могла привести к недопониманию между пилотом и диспетчером. Подробно разобран пример, когда пилот-носитель английского языка запрашивает разрешение на дозаправку и просит перестроить маршрут полета. Диспетчер-носитель английского языка не понимает конкретный объяснений пилота по какой причине он хочет развернуться, что увеличивает время принятия решения. Посредством задавания дополнительных вопросов диспетчер понимает, куда именно летит самолет. Затем диспетчер дает команду лететь на необходимый маяк, но пилот не понимает произношение и просит повторить название. Диспетчер в свою очередь не понимает просьбу повторить название маяка, на

который должен лететь самолет. Трижды повторив просьбу, пилоту удается добиться произношения названия маяка по буквам. Данная ситуация иллюстрирует крайнюю необходимость знания авиационной фразеологии на одном уровне среди пилотов и диспетчеров. Также авторы хотят обратить внимание ИКАО на существование проблемы восприятия информации при разговоре между носителями разных языков. В особенности эта проблема становится критичной, когда один из участников коммуникации использует нестандартную фразеологию там, где должны звучать только шаблонные фразы. Несмотря на то, что приведенный эпизод не привел к риску возникновения чрезвычайной ситуации, он проиллюстрировал как подобная ситуация нарушает эффективность ведения радиообмена. Главной причиной недопонимания в данном случае авторы выделили особенности произношения некоторых букв в корейском, китайском и японском языках. Это значит, что ИКАО должно уделить особое внимание обучению персонала в этих странах. Также ошибкой англоговорящего пилота было не обратить внимание на подбор слов для описание проблемы и неправильная расстановка приоритетной информации. Чрезмерное использование разговорного английского также сильно влияет на восприятие информации собеседниками с разным уровнем владения языком. Авторы заключают, что причина возникновения коммуникативных сбоев является комплексом нескольких факторов, за которые ответственны оба участника процесса вне зависимости от языка, на котором они говорят. Также авторы выдвигают гипотезу о том, что если обычно при ведении радиообмена используется английский, разговорный или нет, и поскольку участники этого процесса могут оба не быть носителями языка, то можно рассматривать авиационный английский в качестве языка лингва-франка (Kim, 2009).

Щетинина Н.А. в своей работе «Коммуникативные особенности англоязычного дискурса радиообмена гражданской авиации» фокусируется на самом процессе коммуникации между диспетчером и пилотом. Она подчеркивает свойство синкретичности, то есть полифункциональности или многозначности, дискурса радиообмена как сочетания разнородных членов, коммуникативное единство участников процесса и

стандартизированный характер терминов. Также Щетинина выделяет присущую авиационному дискурсу сочетаемость профессионального, разговорного и технического языка. Она провела колоссальную исследовательскую работу по анализу нарушений процесса коммуникации в рамках российской авиации и разработке/тренировке языковой личности пилота для международной авиации, составлению стандартизированного flight-сценария для разных этапов полета (взлет, посадка, полет по маршруту). Центральным вопросом, на который ищет ответ автор работы, являются причины возникновения сбоев коммуникации, а ключевой целью – поиски способов их предупреждения и превентивной борьбы с ними. Щетинина делит терминологическое поле радиообмена на 7 микрополей, которые соответствуют этапам полета: руление, исполнительный старт и взлет, набор высоты, полет по маршруту, снижение, заход на посадку (Щетинина, 2013, С. 5). В каждом микрополе выделяются свои ядра и периферийные зоны. Автор предполагает формирование восприятия информации по нисходящей, от смысла к звуковой материи у русскоговорящих пилотов при обмене радиосообщениями на английском языке. В качестве причин сбоев коммуникации называется ряд информационных, профессиональных, языковых и технических факторов, компенсировать которые могут дополнительные коммуникативные шаги. Именно таким принципом руководствуются методисты, составляющие рекомендации и стандарты для радиообмена в международной гражданской авиации для минимизации рисков для безопасности (Щетинина, 2013).

Одно из самых новых исследований на тему коммуникации в сфере авиации было опубликовано в июле 2022 года. Омар Алхарасеес в соавторстве с Даниэлем Рохаксом написал статью “Aviation communication: the effect of critical factors on the rate of misunderstanding”, посвященную влиянию чрезвычайных ситуаций, которые возникают во время полета, на степень восприятия информации членами экипажа. Работа нацелена на определение нагрузки, которую приходится преодолевать пилоту и диспетчеру в процессе коммуникации посредством автоматизированных систем, а также выделение ошибок, которые эти системы могут создавать. Авторы обращают внимание на то, что в связи с развитием

международных перевозок в ближайшей перспективе вырастет и нагрузка на радиосообщение, равно как и на авиадиспетчеров. Это не может не привести к росту риска возникновения чрезвычайных и фатальных ситуаций. Авторы приводят статистику: более 2000 человек погибли по причине ошибок коммуникации. Чтобы не упустить время на принятие решения до точки невозврата, необходимо научиться доносить сообщения максимально быстро и корректно. На возникновение ошибок, считают авторы, влияют разные факторы: интерференция частот, заблокированная радиопередача, неисправность оборудования в режиме земля/воздух, помехи, качество воздуха в кабине пилота или «спящий» сверхвысокочастотный приемник. Но помимо технических факторов, есть еще и фактор человеческий, к которому можно отнести уровень знаний английского языка, темп речи и нестандартную фразеологию. Для компетентного ответа на запросы пилота, диспетчер должен сам уметь управлять воздушным судном и иметь представление о его оснащении. Но несмотря на все это, советы и рекомендации будут бесполезны, если диспетчер не будет иметь полное представление о возникшей ситуации. Поскольку ни о каком визуальном контакте речи быть не может, единственная нить, которая связывает самолет и наземные службы — это радиосвязь. В исследовании с разных точек зрения рассматриваются критические факторы, влияющие на недопонимание (язык, опыт и техническое оснащение). Рассматриваются ограничения в данных сферах и предлагается усовершенствованная модель коммуникации для авиадиспетчеров. Высокая коммуникативная нагрузка объясняется спецификой работы Управления воздушным движением. Диспетчеры постоянно находятся в быстро изменяющемся потоке информации, исходящем от нескольких рейсов одновременно, что добавляет нагрузку на не англоговорящих сотрудников. Авторы заключают, что радиообмен играет ключевую роль в формировании авиационной безопасности. Большинство пилотов считают сложным эффективным общение посредством радио, и вдвойне сложным если оно происходит с не англоговорящим диспетчером. Основными причинами нарушения коммуникации они считают: уровень владения языком, несвоевременный ответ или пропуск фраз в потоке речи, использование сленга, жаргона, диалекта или наличие акцента,

культурологический и социальный аспект. Также авторы отмечают важную роль развития технологий, в частности связи «диспетчер-пилот» по линии передачи данных (CPDLC). Для улучшения адаптации специалистов к работе в современных условиях, предлагается дополнить подготовительный курс с фокусом на новейшее оборудование; адаптировать такое оборудования для условий работы с перегрузкой коммуникации; продолжать дополнять стандартную авиационную фразеологию, беря во внимание опыт работы и обратную связь от авиадиспетчеров. В дополнение к этим выводам, современные исследователи проблем коммуникации рекомендуют ближе знакомить сотрудников сферы авиации с культурологическими особенностями и идиоматическими выражениями представителей разных стран (Grigoryeva & Zakirova, 2022).

Ключевым документом, регламентирующим принципы и состав передачи сообщений посредством радиообмена, является ICAO Doc 9432 Manual of Radiotelephony. Дополнительные правила, которые существуют в отдельных регионах воздушного пространства описаны в ICAO Doc 7030 Regional supplementary procedures. Существование данного документа подтверждает важность для системы международной авиации региональных и культурологических особенностей всех участников воздушного движения. Таким образом, если литературные нормы любого языка закреплены в словарях, то нормы, которым подчиняется авиационный английский, закреплены в специальных документах, составленных ответственными подразделениями Международной организации гражданской авиации (ICAO). Таким правилам обязаны подчиняться все экипажи, ведущие международный радиообмен.

Результаты исследования

Примеры фатального нарушения коммуникации в радиообмене между пилотом и диспетчером

В качестве материала исследования был выбран канадский документальный сериал “Air crash investigation”, также известный как “Mayday”. Причина выбора кроется в возможности наблюдать за поведением и рутинным общением экипажа и авиадиспетчера в условиях, приближенных к реальным. Целью нашего анализа является определить какие структурные изменения привнесла

потребность оптимизации радиообмена в авиационный английский язык. Также мы хотим выявить, где находится грань допустимых изменений, когда чрезмерное использование таких искажений или использование нестандартной фразеологии приводит к возникновению чрезвычайных ситуаций.

В первую очередь мы обратили внимание на нестандартные случаи нарушения коммуникативного процесса между диспетчером и пилотом.

Первый пример, связанный с человеческим фактором и использованием английского языка: рейс KL 4805, Тенерифе, 1977 г. В аэропорту Лос-Родос совершили столкновение при взлете два пассажирских самолёта. Данный инцидент стал серьёзным аргументом для ИКАО отнести авиационный английский к фактору риска, наряду с отказом техники и сложными метеорологическими условиями.

Чтобы рассмотреть данный случай с точки зрения эффективности коммуникации, нам потребуется визуализировать расшифровку переговоров из вышки Управления воздушным движением.

Таблица 1

Обращение	Расшифровка
Диспетчер командиру KL 4805	KLM four eight zero five, how many taxiways did you passed?
Командир KL 4805 диспетчеру	I think we just passed Charley four now
Диспетчер командиру KL 4805	At the end of the runway make one-eighty and report...ready for ATC clearance
Диспетчер командиру PA 1736	Clipper one seven three six, leave the runway... three one... out to your left
Командир PA 1736	I'm sorry, say again please
Диспетчер командиру PA 1736	Leave the runway, the third one to your left
Командир PA 1736	Okay, taxi down the runway and leave the runway at the first intersection on the left. Is that correct?

Диспетчер командиру РА 1736	Negative. The third one. The third one.
Командир РА 1736	Would you confirm that you want Clipper one seven three six to turn left at the third intersection?
Диспетчер командиру РА 1736	The third one, sir. One two three. The third one, third.

В данном отрывке мы можем найти два случая коммуникативного сбоя. Фраза “three one out to your left” была услышана экипажем в кабине РА 1736. Однако, на самом деле диспетчер говорил “third one to your left”. Подобные нарушения коммуникации зачастую происходят по причине плохого качества радиосвязи, несмотря на то что участники процесса оба находятся на земле, в одной плоскости.

Вторым случаем стало использование диспетчером ряда цифр, не все из которых необходимы экипажу для ориентации в пространстве. Подобные действия затрудняют восприятие информации в потоке речи, во-первых, поскольку радиосвязь может некорректно передавать логические паузы. Во-вторых, потому что, согласно авиационному протоколу, многие обозначения, состоящие из ряда цифр, передаются произношением каждой единицы отдельным словом (1736 – one seven three six). Такое решение принято с целью избежания возможности перепутать цифры из-за плохой передачи окончаний слов. Использование лишних цифр в ситуации принятия решения может привести к возникновению чрезвычайной ситуации.

Возникшее недопонимание потребовала дополнительных вопросов со стороны экипажа самолета с целью уточнения команды. Это заняло время и внимание диспетчера в то время, как другой самолет остался без внимания. К сожалению, в итоге это стало одним из факторов катастрофы, случившейся после.

Однако в этой ситуации был упущен главный факт. Данный тип самолета физически не мог совершить то действие, которое просил выполнить диспетчер. Экипаж понимал это, но не стал уточнять целесообразность действия у диспетчера поскольку, вероятнее всего, слишком долго пытался разобраться с направлением движения и большим количеством цифр. Так, один

коммуникативный сбой привел к еще большему нарушению коммуникации (McGee, 2019).

В приведенном отрывке можно найти несколько примеров искажения классической грамматики английского языка:

“how many taxiways did you passed?” – поскольку самолет на момент данного вопроса находился в процессе руления, необходимо было использовать форму Present Perfect. Однако в авиационном английском большинство форм являются простыми с целью облегчения восприятия для не англоговорящих экипажей и диспетчеров.

“Charley four” – можно заметить, что в разговорной речи используются слова, заменяющие собой буквенные обозначения (С-4). Это пример использования фонетического алфавита ICAO, который был установлен с целью недопущения неправильного восприятия названий маяков и курсов полета. При необходимости уточнения обозначений диспетчер или пилот обязан повторить слово, произнося побуквенно каждый элемент обозначения (RUGMA – Romeo Uniform Golf Mike Alfa).

“report...ready for ATC clearance” – в данной фразе опущена часть “when you are”. В разговорной речи экипажа часто опускаются местоимения и глагол “to be” с целью экономии времени и упрощения восприятия. Это делает авиационный английский похожим на простой английский (plain English).

“Okay, taxi down the runway and leave the runway at the first intersection on the left” – в данном случае опущено действующее лицо (we are to) так же с целью экономии лексических средств. Однако слово “runway” второй раз опущено не было поскольку ориентация в пространстве является приоритетной проблемой, требующей решения. Пилот старается подробно дать понять диспетчеру план своих действий.

Таблица 2

Командир диспетчеру	KL 4805	KLM is ready for takeoff, waiting for ATC clearance
Диспетчер	командиру KL 4805	You are cleared to the Papa beacon. Climb to and maintain flight level niner zero. Right turn after takeoff

Командир KL 4805	Roger, clear to Papa beacon. Flight level nine zero, right turn out. We are now AT takeoff
Диспетчер командиру KL 4805	Okay... stand by for takeoff. I will call you

В данном отрывке также находятся две ошибки коммуникации, которые привели к фатальному недопониманию между диспетчером и двумя экипажами самолетов. Командир KLM использовал разговорную лексику “we are now at takeoff”, когда был обязан использовать специальную фразеологию. Данная ситуация привела к недопониманию со стороны диспетчера, который посчитал выражение “at takeoff” сигналом к тому, что самолет ожидает дальнейшей команды ПЕРЕД выходом на исполнительный старт в конце взлетной полосы. Однако фактически командир констатировал готовность к процедуре взлета, неправильно обозначив свое положение. Диспетчер считает, что все участники коммуникации знают свое местоположение и порядок действий. Однако на само деле это не так. Коммуникативный сбой заключается в том, что диспетчер должен был дополнительно сообщить экипажу об опасной близости друг от друга. Экипаж в свою очередь должен был с использованием стандартной фразеологии оповестить диспетчера о своем местоположении и плане действий.

Особенности авиационной фразеологии в данном отрывке:

“You are cleared” – прилагательное “clear”, которое в повседневном лексиконе обозначает «чистый, понятный», в данной сфере используется для обозначения подтверждения совершения действия. Эта форма так же строго регламентирована ICAO в целях однозначной трактовки термина.

“clear to Papa beacon” – опущен глагол направления движения поскольку говорящий преследует цель наиболее быстро повторить команду для совершения дальнейших действий. Прослеживается чрезмерное упрощение структуры предложения, находящегося на грани понимания действия.

Таблица 3

Капитан PA 1736 диспетчеру, одновременно с	And we are still taxiing down the runway, Clipper one seven three six
---	---

радиоразговора диспетчера командира KL 4805	
Диспетчер капитану PA 1736	Papa Alpha one seven three six, report runway clear
Капитан PA 1736	Okay, we will report when we are clear
Диспетчер капитану PA 1736	Thank you

Оба экипажа используют одну радио частоту и слышат переговоры обоих командиров с диспетчером. Эта коммуникативная особенность, к сожалению, также повлияла на восприятие информации диспетчером, который не успел обратить внимание на то, что один из его экипажей находится на полосе. Здесь прослеживается проблема, поднятая в теоретической части работы – коммуникативная перегруженность авиадиспетчеров в современном потоке движения.

В то же время экипаж KLM принял ответ диспетчера “Okay” в качестве подтверждения разрешения на взлет. Это не предусмотрено никакими стандартами ICAO, но факт такого прецедента ставит сразу несколько особенностей коммуникации в фокус внимания. Во-первых, на качество восприятия информации участниками коммуникации влияла их культурная принадлежность. Родным языком авиадиспетчера был испанский, экипаж KLM был немецким, и только экипаж PA был англоговорящим. Каждый из них говорил на авиационном английском, но каждый понимал его по-своему. Во-вторых, огромную роль в происходящем играло техническое оснащение. Сильный акцент диспетчера усложнял восприятие речи посредством радиосвязи. В-третьих, разные уровни владения авиационным английским не позволил участникам понимать друг друга на том уровне, чтобы обнаружить проблему нарушения коммуникации раньше. В-четвертых, использование нестандартной лексики там, где предусмотрено строгое использование фразеологии привело в комплексе со всем остальным к фатальным последствиям в виде крупнейшей по сей день авиакатастрофы в истории авиации. Точкой невозврата стал тот факт, что вторая часть сообщения “Okay... stand by for takeoff, I will call you” подверглась интерференции и не была услышана экипажем в кабине. Однако,

это не отменяет тот факт, что ошибка не стала бы фатальной, если бы участники предприняли дополнительные коммуникативные шаги для разрешения недопонимания.

Этот беспрецедентный случай дал начало серьезным реформам в международной гражданской авиации. Так, авиационную фразеологию пополнило требование о том, что принятые указания не могут подтверждаться только словами "Okay" или "Roger". Команды должны быть произнесены повторно с использованием термина: Copied (я вас понял). При запросе подтверждения диспетчер обязан произносить фразу: Read back (повтори вслух). Термин "Take off" теперь можно было употреблять только в двух фразах: "Cleared for take off" (взлет вам разрешаю) и "Cancel take off departure". В остальных случаях следовало употреблять термин "Departure", например "Ready for departure" (готов к взлету). Также при передаче команды диспетчером экипажу воздушного судна, находящемуся на исполнительном старте, следовало перед разрешением на взлет произнести фразу "Hold position" (оставайся на месте и жди дальнейшего разрешения).

Второй наш пример также затрагивает случай возникновения аварийной ситуации по причине нарушения коммуникации в поле диспетчер-пилот. Рейс Avianca 052, Нью-Йорк, 1990 г., послужил новой причиной пересмотреть отношение к коммуникативному аспекту в международной авиации. Для иллюстрации речевых сбоев мы приведем расшифровку переговоров экипажа из кабины.

Таблица 4

Экипаж Avianca 052 диспетчеру	Did you asked Boston about delays or are we going to approach Kennedy?
Диспетчер экипажу	Okay Avianca zero five two heavy, it look as though New York center may have to hold you for possibly up to thirty minutes. Expect clearance on course just momentarily with... stands right now an additional holding of at most thirty minutes. That in mind, you want to check on an altenate airport? I believe Boston is... I will check up Boston.
Экипаж Avianca 052 диспетчеру	Okay, we are now descending to one niner zero and expecting information about Boston

Диспетчер экипажу	Okay Avianca zero five two, I have been advised Boston is open and excepting traffic if you do need that as an alternate airport
-------------------	--

В свою очередь данный пример иллюстрирует крайне неэффективную коммуникацию, причина которой заключается, в том, что диспетчер забыл просьбу экипажа. Повторная попытка запроса заняла слишком много времени, которое оказалось фатальным для данного воздушного судна. Авиадиспетчер перешел на разговорный английский в то время, когда должен был отвечать согласно предписаниям. В этом заключается причина данного коммуникативного сбоя. Во втором ответе диспетчер использует уже специальную фразеологию, значительно экономя лексические средства для ускорения выполнения запроса.

Важно отметить проблему, поднятую в теоретической части нашего исследования. Экипаж не был достаточно настойчив в адресации просьбы найти запасной аэропорт, несмотря на то что понимал ограниченность времени на поиск решения. Причиной этому может служить языковой барьер для не англоговорящих экипажей, владеющих авиационным английским на недостаточном уровне.

“We are now descending to one niner zero and expecting” – считаем важным заметить, что использование герундия и грамматических форм, выражающихся окончание -ing, нетипично для авиационного английского языка, однако допустимо в тех случаях, когда важно указать этап совершения действия.

Таблица 5

Диспетчер экипажу	Hey, Avianca zero five two, expect for the clearance time zero two zero five. Expect for the clearance in twenty minutes
Экипаж Avianca 052 диспетчеру	Zero two zero five...uh, well, I think we need priority. We are passing out of fuel
Диспетчер экипажу	Avianca zero five two, roger. How long can you hold and what is your alternate
Экипаж Avianca 052 диспетчеру	Yes, sir. I will be able to hold for five minutes. That's all we can do

Диспетчер экипажу	Avianca zero five two, roger. And what's your alternate?
Экипаж Avianca 052 диспетчеру	We said Boston... but it's full of traffic I think
Диспетчер экипажу	Avianca zero five two, say your alternate again
Экипаж Avianca 052 диспетчеру	It was Boston... but we can't do it now... we'd... we will run out of fuel
Диспетчер экипажу	Avianca zero five two, clear to land at Kennedy via heading zero four zero. Maintain one one thousand at speed one eight zero

Главной причиной возникшего этого коммуникативного сбоя являются нечеткие объяснения экипажа и недостаточно точное описание ситуации. С другой стороны, авиадиспетчер обращается к экипажу не по стандарту фразеологии, что говорит о его не полной вовлеченности в диалог.

“I think we need priority. We are passing out of fuel” – данная фраза является ключевой причиной возникновения аварийной ситуации. Для не англоговорящего экипажа такой способ описания ситуации казался достаточно убедительным основанием для запроса приоритета. Однако для англоговорящего диспетчера формулировка “passing out of fuel” не означала, что самолет находится на грани катастрофы. Далее экипаж не смог четко ответить на вопрос диспетчера, что потребовало формирования дополнительных речевых актов. Поскольку потребовалось время, на решение этого сбоя коммуникации, никто не обратил внимание на то, что была упущена главная суть запроса – приоритет на посадку.

Таблица 6

Диспетчер экипажу	Avianca, descend and maintain... uh descend and maintain three thousand
Экипаж Avianca 052 диспетчеру	Descend and maintain three thousand, Avianca zero five two heavy.
Диспетчер экипажу	Avianca zero five two heavy, contact Kennedy tower one one niner point one. Good day

Диспетчер экипажу	Avianca zero five two heavy, Kennedy tower two two left. You are number three following seven two seven traffic on a niner mile final.
Экипаж Avianca 052 диспетчеру	Avianca zero five two heavy, roger
Диспетчер экипажу	Avianca zero five two, what is your airspeed?
Экипаж Avianca 052 диспетчеру	Avianca zero five two, one four zero knots
Диспетчер экипажу	Avianca zero five two, can you increase your airspeed one zero knots
Диспетчер экипажу	Increase. Increase
Диспетчер экипажу	Avianca zero five two, two two two left. Wind one niner zero at two zero. Cleared to land
Экипаж Avianca 052 диспетчеру	Cleared to land. Avianca zero five two heavy, wind check please
Диспетчер экипажу	One niner zero at two zero
Диспетчер экипажу	Avianca zero five two, say airspeed
Экипаж Avianca 052 диспетчеру	Four five knots

Ожидая разрешения на посадку, пилоты были уверены в том, что диспетчер понимает, что у них почти не осталось топлива. Однако, экипаж так и не запросил подтверждения этому факту. Возможно, именно этого коммуникативного акта не хватило для разрешения этого сбоя.

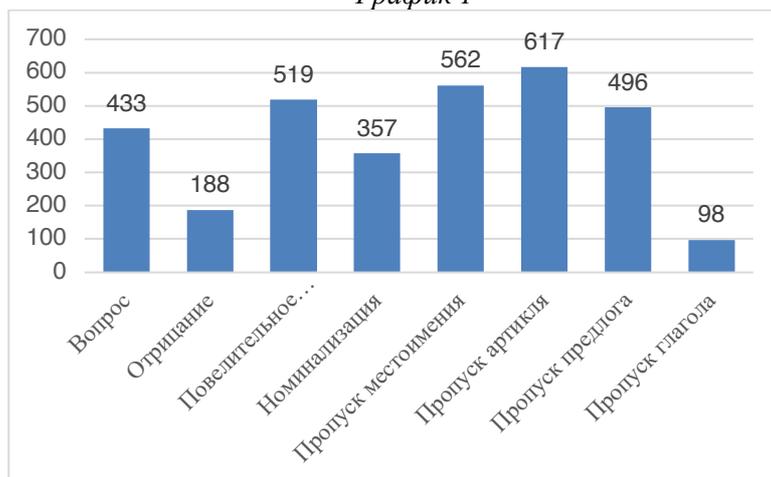
Также в данном примере можно заметить, что в момент возникновения аварийной ситуации все команды диспетчера и экипажа претерпевают максимальную компрессию. В речи преобладают номинализованные глаголы, опускаются все предлоги и артикли. Остается исключительно простой английский, которого достаточно для наиболее быстрого понимания команды.

График подсчета структурных трансформаций в речи между пилотом и диспетчером

Мы проанализировали 1000 команд, передаваемых диспетчерами и пилотами посредством радиосвязи, в документальном сериале “Air crash investigation”. Команды разбирались на предмет наличия в них изменений, относительно

устоявшихся норм классического английского языка с целью выявления наиболее часто встречающихся отклонений.

График 1

Номинализация и вопросительные предложения чаще всего встречались на этапах возникновения коммуникативных сбоев.

Пропуск местоимений, артиклей и предлогов встречается повсеместно на всех этапах полета, однако наиболее выражен во время возникновения аварийных ситуаций.

Реже всего происходит пропуск глагола, поскольку это главный инструмент в передаче команд посредством радиосвязи.

В рутинном режиме работы общение между пилотом и диспетчером может ничем не отличаться от повседневной нормы.

Выводы

Проанализировав множество примеров использования авиационного английского в штатном и аварийном режиме, примеры использования стандартизированной и не стандартизированной фразеологии, уровень компрессии языка на разных этапах полета, мы пришли к выводу, что наиболее часто встречающимися структурными отклонениями от нормы являются: преимущественное использование повелительного наклонения в сообщениях диспетчера; номинализация глаголов; избегание использования вопросительных и отрицательных форм (вместо них чаще используется форма запроса подтверждения выполнения

действия); опущение определяющих слов, предлогов, местоимений, артиклей; опущение вспомогательных глаголов “to be” и “to have”; замена форм сложных времен простыми; измененные правила произношения букв и цифр. В целом, авиационный английский характеризуется упрощением грамматических и фонетических форм. Причиной данного явления мы считаем коммуникативный аспект, который по ряду критериев имеет решающее влияние на формирование требований к языку в данной области. К таким критериям мы относим: скорость передачи информации, подверженность лексических средств искажению со стороны радиосвязи, полнота передачи технической информации, отсутствие возможности неоднозначной трактовки команд. Как показывает наше исследование, что в большинстве случаев в аварийных ситуациях диспетчерам не хватает полного представления о ситуации в кабине пилота.

На основе проведенного анализа мы можем сделать вывод, что главными причинами коммуникативных сбоев зачастую являются: разный уровень владения авиационным английским языком, национальный акцент участников коммуникации, разное восприятие ситуации у англоговорящих и не англоговорящих сотрудников, использование не стандартизированной фразеологии там, где предусмотрена стандартизированная, коммуникативная перегруженность авиадиспетчеров. Наблюдается тенденция к упрощению грамматических форм, что может иметь отрицательное влияние на эффективность коммуникации. Также наблюдаются серьезные коммуникативные сложности у не англоговорящих экипажей при радиообмене с англоговорящими авиадиспетчерами. Недостаточная настойчивость запросов от таких экипажей может быть спровоцирована «языковым барьером», из-за которого они чаще переходят к использованию не стандартизированной лексики.

Несмотря на узконаправленность и ограниченный диапазон шаблонов в авиационной фразеологии, авиационный английский стал обособленной частью языка и продолжает развиваться по собственным правилам, отвечая главным потребностям отрасли – эффективной коммуникации и обеспечение безопасности полетов.

Литература

1. Акимова А.С. Особенности фразеологии радиообмена // Тенденции развития науки и образования. – № 49–4. – 2019. – С. 44-46. <https://doi.org/10.18411/lj-04-2019-84>
2. Прохожай И.Н. Когнитивно-прагматические и психолингвистические особенности дискурса радиообмена при выполнении международных полетов // Саратовский государственный университет. – 2011. – С. 171.
3. Щетинина Н.А. Коммуникативные особенности англоязычного дискурса радиообмена гражданской авиации // Тверской государственный университет. – 2013. – с. 186.
4. Alharasees O., Jazzar A. Aviation communication: the effect of critical factors on the rate of misunderstanding // Aircraft engineering and aerospace technology. – 2022. – P. 10. <http://dx.doi.org/10.1108/AEAT-02-2022-0052>
5. Cada O. Discourse analysis of air traffic phraseology//Masaryk University BRNO. – 2016. – P. 69.
6. Crystal D. World English: Past, Present, Future//Paper to the ASKO Europa-Stiftung Symposium. – 1999. – P. 9.
7. Cushing S. Fatal words: communication clashes and aircraft crashes//The University of Chicago Press. – 1994. – P. 176.
8. Grigoryeva L. L., Zakirova R. R. The role of English in intercultural communication: Past, modernity and future global perspectives // Training, Language and Culture. – 2022. – Vol. 6(2). – Pp. 45-55. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-2-45-55
9. Hinrich S. The use of questions in international pilot and air traffic controller communication//Oklahoma State University. – 2008. – P. 292.
10. Howard J. “Tower am I cleared to land?”: problematic communication in aviation discourse//Human communication research. - № 34. – 2008. - P. 370-391. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2958.2008.00325.x>
11. Kim H. Elder C. Understanding aviation English as a lingua franca: perception of Korean aviation personnel//Australian review of applied linguistics. – № 32(3). – 2009. – P. 23.1 – 23.17. <https://doi.org/10.2104/ara10923>

12. Linde C. Goguen J.A. Linguistic methodology for the analysis of aviation accidents//NASA technical reports server. – 1983. – P.113. <https://ntrs.nasa.gov/citations/19840007067>
13. Lopez S. Condamines A. Analysis of English phraseology and plain language in Air-Ground communication//Journal of Air transport studies. – 2013. – № 4(1). – P. 44-60. <https://doi.org/10.38008/jats.v4i1.84>
14. McGee P. Cross-cultural pragmatic failure // Training, Language and Culture. – 2019. – №3(1). – Pp. 73-84. DOI: 10.29366/2019tlc.3.1.5
15. Malyuga E.N., Aleksandrova O.V. A closer look at manipulative rhetoric in professional communication // Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication – TILTM 2022. European Publisher, London. – C. 180-188.
16. Malyuga E.N., Orlova S.N. Teaching Professional English Terminology to Students of Economic Universities // 8th International Conference on Education and New Learning Technologies (EDULEARN). – 2016. – Barcelona, SPAIN. – pp. 7236-7241. <http://dx.doi.org/10.21125/edulearn.2016.0575>
17. Manual of Radiotelephony//International Civil Aviation Organization (ICAO). – 2007. P. 114.
18. Manual on the Implementation of ICAO Language Proficiency Requirements//International Civil Aviation Organization (ICAO). – 2010. – P. 150.
19. Paltridge B. Starfield S. The handbook of English for specific purposes// John Wiley & Sons, Inc. – 2013. P. 577.
20. Philps D. Linguistic security in the syntactic structures of the Air Traffic Control//English World-Wide. - № 12 (1). – 1991. – 103-124. <https://doi.org/10.1075/eww.12.1.07phi>
21. Pliso A.–M. Non-Standard phraseology in aviation English//University of Basel. – 2014. – P. 28. <http://dx.doi.org/10.13140/2.1.4185.9848>
22. Prado M. The pragmatics of aeronautical English: an investigation through corpus linguistics // Revista de estudos da Linguagem. - № 29(2). – 2021. P. 1381-1414. <http://dx.doi.org/10.17851/2237-2083.29.2.1381-1414>

23. Sailer W. English as a lingua franca in aviation// English Today. - № 25(02). – 2009.- P. 43-48. <https://doi.org/10.1017/S0266078409000182>
24. Tajima A. Fatal miscommunication: English in aviation safety//World Englishes. – № 23(3). – 2004. P. 451-470. <https://doi.org/10.1111/j.0883-2919.2004.00368.x>

References

- Akimova, A.S. (2019). Osobnosti phraseologii radioobmena. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 49-4, 44-46. <https://doi.org/10.18411/lj-04-2019-84>
- Alharasees, O., & Jazzar, A. (2022). Aviation communication: the effect of critical factors on the rate of misunderstanding. In *Aircraft engineering and aerospace technology* (p. 10). <http://dx.doi.org/10.1108/AEAT-02-2022-0052>
- Cada, O. (2016). *Discourse analysis of air traffic phraseology*. Masaryk University BRNO.
- Crystal, D. (1999). *World English: Past, Present, Future*. Paper to the ASKO Europa-Stiftung Symposium (p. 9).
- Cushing S. (1994). *Fatal words: communication clashes and aircraft crashes*. The University of Chicago Press (p. 176).
- Grigoryeva, L. L., & Zakirova, R. R. (2022). The role of English in intercultural communication: Past, modernity and future global perspectives. *Training, Language and Culture*, 6(2), 45-55. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-2-45-55
- Hinrich, S. (2008). *The use of questions in international pilot and air traffic controller communication*. Oklahoma State University.
- Howard, J. (2008). “Tower am I cleared to land?”: problematic communication in aviation discourse. *Human communication research*, 34, 370-391. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2958.2008.00325.x>
- Kim, H. & Elder, C. (2009). Understanding aviation English as a lingua franca: perception of Korean aviation personnel. *Australian review of applied linguistics*, 32(3), 23.1 – 23.17. <https://doi.org/10.2104/ara10923>
- Linde, C., & Goguen, J.A. (1983). *Linguistic methodology for the analysis of aviation accidents*. NASA technical reports server. P.113. <https://ntrs.nasa.gov/citations/19840007067>

- Lopez, S., & Condamines, A. (2013). Analysis of English phraseology and plain language in Air-Ground communication. *Journal of Air transport studies*, 4(1), 44-60. <https://doi.org/10.38008/jats.v4i1.84>
- McGee, P. (2019). Cross-cultural pragmatic failure. *Training, Language and Culture*, 3(1), 73-84. doi: 10.29366/2019tlc.3.1.5
- Malyuga, E.N., & Aleksandrova, O.V. (2022). A closer look at manipulative rhetoric in professional communication. In *Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication - TILTM 2022* (pp. 180-188). European Publisher, London.
- Malyuga, E.N., & Orlova, S.N. (2016). Teaching Professional English Terminology to Students of Economic Universities. In 8th International Conference on Education and New Learning Technologies (EDULEARN) (pp. 7236-7241). Barcelona, SPAIN. <http://dx.doi.org/10.21125/edulearn.2016.0575>
- Manual of Radiotelephony*. (2007). International Civil Aviation Organization (ICAO).
- Manual on the Implementation of ICAO Language Proficiency Requirements*. (2010). International Civil Aviation Organization (ICAO).
- Paltridge, B., & Starfield, S. (2013). *The handbook of English for specific purposes*. John Wiley & Sons, Inc.
- Philps, D. (1991). Linguistic security in the syntactic structures of the Air Traffic Control. *English World-Wide*, 12(1), 103-124. <https://doi.org/10.1075/eww.12.1.07phi>
- Pliso, A.-M. (2014). *Non-Standard phraseology in aviation English*. University of Basel. <http://dx.doi.org/10.13140/2.1.4185.9848>
- Prado, M. (2021). The pragmatics of aeronautical English: an investigation through corpus linguistics. *Revista de estudos da Linguagem*, 29(2), 1381-1414. <http://dx.doi.org/10.17851/2237-2083.29.2.1381-1414>
- Prokhozhay, I.N. (2011). *Kognitivno-progmaticheskie i psikholingvisticheskie osobennosti diskursa radioobmena pri*

- vipolnenii mezhdunarodnih poletov. Saratovskii gosudarstvennii universitet.*
- Sailer, W. (2009). English as a lingua franca in aviation. *English Today*, 25(02), 43- 48. <https://doi.org/10.1017/S0266078409000182>
- Shchetinina, N.A. (2013). *Kommunikativnie osobennosti discursa radioobmena grazhdanskoi aviatsii.* Tverskoi gosudarstvennii universitet.
- Tajima, A. (2004). Fatal miscommunication: English in aviation safety. *World Englishes*, 23(3), 451-470. <https://doi.org/10.1111/j.0883-2919.2004.00368.x>

УДК 811.111/81'42

Е.П. Мурашова

Московский государственный лингвистический университет,
Московский энергетический институт

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОСНОВЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГИБРИДИЗАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕТРО-КОМПОНЕНТА В
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ)**

Настоящая статья посвящена гибридации как объекту лингвистического изучения. Термин «гибридизация» был интегрирован в терминологический оборот гуманитарных наук, в том числе лингвистики, посредством метафорического переноса из биологии. Несмотря на наличие устойчивого исследовательского интереса к гибридации, ее методологический статус в лингвистике еще не был определен. Цель статьи – выявить биологические, философские и собственно лингвистические основы гибридации, демонстрирующие ее междисциплинарный характер. Междисциплинарные основы иллюстрируются с помощью ретро-компонента современного политического медиадискурса. Материалом исследования послужили более 500 англоязычных текстов публикаций в Твиттер («твитов»), опубликованных британскими, американскими и канадскими политиками и политическими организациями в период с 2010 по 2022 гг. Эмпирический материал был проанализирован с

привлечением комплексных методов лингвистического анализа, анализа текста и дискурсивного анализа. В результате исследования были сделаны следующие основные выводы. Во-первых, есть основы гибридизации, общие для биологии, философии и лингвистики. К ним относятся дискретность «родителей», отсутствие ограничений на взаимодействие, выраженная потребность в гибридизации, возникновение нового свойства и некомпозициональность гибрида. Во-вторых, есть основы, специфичные для лингвистической гибридизации, а именно наличие минимального коммуникативного контекста и вербальная выраженность «идентичностей» (голосов).

Ключевые слова: гибридизация, лингвистическая гибридизация, метафоризация, ретро, политический медиадискурс, постмодернизм, полифония

UDC 811.111/81'42

E.P. Murashova

**Moscow State Linguistic University,
Moscow Power Engineering Institute**

**THE INTERDISCIPLINARY BASIS OF LINGUISTIC
HYBRIDIZATION
(AN ANALYSIS OF THE RETRO-COMPONENT IN
ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL MEDIA TEXTS)**

The article is devoted to hybridization as an object of linguistic study. Having originated from biology, through metaphorical rethinking the term “hybridization” was transferred to different humanitarian sciences, including linguistics. Despite the growing research interest in hybridization, its methodological status in linguistics has not been decided upon yet. The aim of the present article is to reveal the facilitators of hybridization in biology, philosophy, and linguistics which constitute its interdisciplinary basis. The facilitators are illustrated with the retro-component of modern political media discourse that was retrieved from over 500 English-language texts of Twitter posts published between 2010 and 2022 by British, American, and Canadian politicians and political organizations. The research material was analyzed with methods of linguistic, text and discourse analysis, yielding

the following conclusions. First, there are facilitators that are common to the three sciences, which is probably a consequence of metaphorization as a universal means of term transfer. The common facilitators include discretion of the “parents” and absence of constraints on interaction, a pronounced need for hybridization, emergence of a new property, non-compositionality of the hybrid. Second, there are properties specific to linguistic hybridization. These are the presence of a minimal communicative context and discernable verbalized identities.

Keywords: hybridization, linguistic hybridization, metaphorization, retro, political media discourse, postmodernism, polyphony

Introduction

Hybridization is a relatively new cultural and civilizational phenomenon which is believed to have risen to prominence against the background of the ongoing globalization and digitalization in various spheres of social life. Being essentially human-caused, hybridization has an explicit anthropological dimension and hence has long been an object of humanitarian study. For the most part of the XX c. hybridization predominantly fell within the scope of anthropology, sociology, cultural studies, and history, until it was taken up by post-colonial and literary studies in the 1980s (Ackermann, 2012, p. 5). In anthropology, sociology and cultural studies hybridization is mainly approached as the mixing of cultures fostered by the world-scale sociocultural processes of colonization, decolonization, migration, and globalization (Burke, 2009, Canclini, 2005, Freyre, 1946, Pieterse, 1993, Young, 1995).

Linguistic hybridization is most often studied from the perspective of sociolinguistics and communicative linguistics. In sociolinguistics the study of hybridization mainly focuses on changes induced by language contact, such as creolization, pidginization, borrowing, code-mixing, and code-switching (Hall & Nilep, 2015, Rahman & Rahman, 2021, Whinnom, 1971). In communicative linguistics research into hybridization most frequently aims to describe its mechanisms, strategies and scenarios and model the “hybrid” product, drawing upon methods of discourse analysis and genre analysis (Bunia, 2012, Guseinova, 2011, Ivanova, 2017).

The problem of determining the methodological status of hybridization remains essentially unresolved in linguistics, which makes

it topical to review the different approaches to hybridization across related and unrelated disciplines, both natural and humanitarian. An interdisciplinary study of hybridization, on the one hand, helps to elaborate the most effective approach to it and enables mutual enrichment of the different disciplines involved and, on the other hand, goes in line with the complex, multifaceted character of the phenomenon under consideration.

The current research seeks to reveal and substantiate the interdisciplinary character of linguistic hybridization. To this end, an account is given of what is understood by “hybridization” in three disciplines, both distant from each other and adjacent (Tarasova, 2022) – biology, philosophy and linguistics.

It is worth mentioning that there are also sociocultural and culturological bases that are not considered within the scope of the current research, particular emphasis being laid on biological, logico-philosophical and proper linguistic bases.

The practical value of the research is that it expands the interdisciplinary theoretical framework essential to understanding linguistic hybridization and thereby helps to work out the most effective ways to implement it.

Theoretical background: The roots of hybridization

Hybridization as an object of biological study goes back to Carolus Linnaeus’ experiments on plant breeding in the XVIII c. In the course of his extensive work on plant classification and especially after his encounter with the new *Peloria* genus Linnaeus assumed that the biodiversity resulted from interbreeding of the limited number of species initially created by God.

Charles Darwin in his fundamental work “On the Origin of Species” (1859) dismissed hybridization as a way of producing an intermediate between two very distinct parents, but later he attributed more significance to hybridization in producing new breeds.

Both Linnaeus and Darwin acknowledged the role of hybridization in the evolution of species, which was quite innovative for their times since up to the XX c. it had been widely believed that God made hybrids sterile to keep species immutable.

Today the biological perspective on hybridization is mainly represented in genetics, “the branch of biology concerned with the study of heredity and variation” that began to actively develop in 1900 when

Hugo de Vries, Karl Correns and Erich von Tschermak independently rediscovered Gregor Mendel's findings on inheritance in garden peas (Hine, 2019). It is Gregor Mendel who is credited with laying the foundation for classical genetics with his theory of heredity, now known as "Mendelism", which he proposed in 1865 after a series of pea-plant experiments conducted between 1856 and 1863.

Gregor Mendel set out the main conditions and mechanisms of hybridization in his report "Experiments in Plant Hybridization" in 1865, published a year later. It is stated that the main success factors of hybridization are universal for most experiments, i.e. "the fitness of the material to the purpose" and the way the experiment is conducted (Mendel, 1902, p. 42). The experimental plants should be carefully selected and meet the following requirements: "possess constant differentiating characters" and "the hybrids of such plants must, during the flowering period, be protected from the influence of all foreign pollen, or be easily capable of such protection" (Ibid.). The division and arrangement of the experiments are predetermined by Mendel's observation that the common characters are transmitted to the hybrids unchanged and each pair of differentiating characters, on the contrary, unite in the hybrid to form a new character. This new character is a factor of the so-called hybrid vigour (heterosis) which is increased viability of the hybrid organism as compared to its parents. Thus, hybridization holds the potential to improve the survivability of species.

Material and methods

The research material includes over 500 English-language texts of Twitter posts ("tweets") published between 2010 and 2022 by British, American, and Canadian politicians and political organizations on twitter.com (access to Twitter has been limited in Russia since 4 March 2022). The texts were selected by the method of continuous sampling and analyzed for the retro-component with the help of a combination of methods of linguistic, text and discourse analysis such as linguocultural, linguostylistic and linguopragmatic analysis, methods of intertextual, contextual, and definitional analysis.

Political media discourse was chosen as the research material because it appears to be a vivid example of hybrid discourse, bringing together political and media discourses. The constitutive features (Karasik, 1999) of the discourses determining political media discourse together serve the aim and content of political communication – to fight for power and

publicly discuss “issues of power” (Sheigal, 2000, p. 34). One of the constitutive features demonstrating the impact of hybridization is the chronotope as represented by a mix of several temporal strata.

We believe that hybridization of temporal strata is best exemplified by the retro-component, retro being understood as “a linguocultureme, evoking images of the past by uniting in a single socio-cultural context phenomena, objects and processes of the past, present and the future with the aim of arousing the recipient’s nostalgia and representing a qualitatively new culturally significant item” (Murashova, 2020, p. 118, from here onwards translated from Russian by E. Murashova). As follows from the definition, retro is a hybrid in its own right. In the research material the retro-component is singled out to illustrate, or visualize, the interdisciplinary nature of hybridization. Since hybridization was transferred to linguistics via metaphorization, we proceed from the assumption that to this or that extent the bases of hybridization formulated in different disciplines are manifested in the retro-component.

Results and discussion

The biological basis of hybridization

As a result of his fundamental work on pea-plant breeding Gregor Mendel formulated three main principles of inheritance now referred to as “Mendel’s laws” (Mendel, 1902; Hine, 2019).

As follows from them, hybridization is facilitated by the presence of discrete organisms with independent, indivisible genetic features (Vavilov, 1935, p. 10; Flyaksberger, 1935, p. 18). Back in Mendel’s day the approach to inheritance tended to be rather mechanistic: the property of discreteness got absolutized, and an organism was, via exaggeration, most frequently studied as a “mosaic of features” (Vavilov, 1935, p. 10). At the beginning of the XX c. geneticists and cytologists came to understand the hereditary substance as both, discrete and non-discrete since chromosomes have a discontinuous structure but at the same time form a whole organic system in which the continuity, connectedness and interdependence of genes are brought to the fore. Hence the mechanistic approach was replaced by the holistic one, a “dialectical understanding of inheritance as a process” (Ibid.).

Discreteness of species along with gradualness of change is one of the key properties of biological evolution determining the conditions for hybridization (Markov, 2014, p. 337). Discreteness of species means that

“between species there are noticeable gaps (hiatuses) in both, genomic sequences and visible features” (Ibid.: 338). It is mainly discretion that makes biodiversity structured and researchable. Gradualness of change means that transition between species is inconspicuous until the final stages of change get compared.

German-born American evolutionary biologist Ernest Mayr is credited with developing the biological species concept that defines species as “groups of actually or potentially interbreeding natural populations, which are reproductively isolated from other such groups” (Mayr, 1942, p. 120). In Mayr’s concept reproductive isolation aims to prevent hybridization that would most likely lead to a “breakdown” and “production of disharmonious types”, thus ensuring discretion of species (Mayr, 1963, p. 109). Reproductive isolation is realized through a set of isolating mechanisms like temporal, behavioural and morphological barriers, geographical isolation, hybrid infertility and inviability (Ibid.).

To sum up, the main facilitators of hybridization in biology are **discretion of organisms** and **absence of reproductive constraints**. Both must have found their way into language through metaphorization (Murashova, 2021).

Without discretion of its components hybridization becomes unfeasible since it is the identifiability of “parents” that imparts an organized and systemic character to the process, making it different from simple mixing or eclectization. In language borrowed elements do not necessarily come from the “parents”, so in case the parental sources are unidentifiable, the mere presence of hybridization should be questioned. Discretion in the retro-component manifests itself in the stadiality of temporal representation, which means that each temporal stratum is discernible and tends to be introduced sequentially.

In political media discourse, history, as a rule, is represented as a chain of events that is, on the one hand, discontinuous in that it consists of discrete stages, and on the other hand, forms a spatial and temporal continuity (Kozlovskaya, Rastyagaev & Slozhenikina, 2020). The principle of objectifying history in political media discourse resembles the one behind the structure of a chromosome in a biological cell. The retro-component in the research material serves as a shifter between the temporal planes of the past, the present and the future, ensuring their interconnectedness and uniting them in a single observable hence researchable whole (Murashova, 2021, p. 233).

In the empirical material under research stadiality is marked by nouns like *chapter* (5), *day*, *decade*, *epoch*, *era*, *history* (2), (6), (13), *moment* (12), *period*, *stage* (1), precedent names (9), (10), adverbial modifiers of time (3), (7), (8), (11) and attributes (4) denoting historical periods, e.g.:

*At every **stage** (1) of its illustrious **history** (2), the RAF has been at the cutting edge of defensive technology.*

*Great to be at @RAFConingsby **today** (3), seeing how #GlobalCombatAir will keep this country safe for generations **to come** (4). (@RishiSunak, 09.12.2022)*

*@JoeBiden and I are ready to write the next **chapter** (5) in our nation's **history** (6). **On day one** (7), we're going to get to work building an economy that works for working families. (@KamalaHarris, 10.11.2020)*

***75 years ago** (8), Canadians began one of their most grueling but effective campaigns of the **Second World War** (9) - **the Italian Campaign** (10).*

***Today** (11), we arrived in Italy to commemorate this pivotal **moment** (12) in Canadian military **history** (13). (@L_MacAulay, 31.05.2019)*

The main constraint on hybridization in the retro-component of political media discourse is the absence of this or that event in the collective memory of the now-living people, so for an event to fall under the category of retro it is to be relatively recent and “rememberable”. For example, the precedent name *the Second World War* can be regarded as a retro-component because the event it denotes was witnessed by some of today’s contemporaries, whereas *the Hundred Years’ War* cannot be seen as such because there are no longer any living witnesses to the series of armed conflicts between England and France in the XIV – XV cc. that it refers to, so the latter event is a matter of historical rather than collective memory and hence pertains to history rather than retro.

The logico-philosophical basis of hybridization

In philosophy hybridization is studied within postmodernism, the philosophical movement of the second half of the XX c. – the beginning of the XXI c. that focuses on a special cultural condition of society called postmodernity (Harvey, 1989).

Postmodernism, as follows from its name, arose as a response to modernism, being both its continuation and an opposition to it.

One of the main works that is believed to have introduced the term “postmodernism” to the terminological apparatus of philosophy and laid

the foundation for the development of postmodernism as a movement is “The Postmodern Condition” of 1979 by the French philosopher, sociologist, and literary theorist Jean-François Lyotard. In “The Postmodern Condition” Lyotard formulates the characteristic of the postmodern era as “incredulity toward metanarratives” and builds upon Ludwig Wittgenstein’s language game theory to propose a possible solution to the “metanarrative” crisis (Lyotard, 1984, Introduction: xxiv). In Lyotard’s opinion, language games, a “heterogeneity of elements” (Ibid.), are a method of breaking down metanarratives characterized by sameness, unity, and totality into a multiplicity of discourses which demonstrate the contrasting features of difference, diversity and fractionality.

Another fundamental work elaborating the framework for postmodernism is “Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism” by the American philosopher Fredric Jameson which was published in 1991 but some of its parts had appeared earlier (1984 – 1990). In his book Jameson sets out several constitutive features of the postmodern (Jameson, 1984, p. 58) and works out a postmodern concept of **pastiche** which is a new method of text organization that came to replace parody after the collapse of value and semantic guidelines in society. Just like parody, pastiche is an imitation of a certain style, but, unlike parody, it is “devoid of laughter” and in this way represents “a neutral practice of such mimicry” (Ibid.: 65).

Having lost its referent, culture turns to the past for styles, masks, and voices “stored up in the imaginary museum of a now global culture” (Ibid.). Jameson emphasizes that pastiche is a ubiquitous and mass phenomenon in modern culture which he characterizes as “the culture of the simulacrum” because the simulacrum becomes an end in itself and the world gets filled with “sheer images of itself”, “pseudo-events” and “spectacles” that are nothing more than imitations of history (Ibid.: 66).

The French sociologist, philosopher, and poet Jean Baudrillard in the late 1970s and early 1980s suggested a social theory accounting for proliferation of simulacra in today’s postmodern “cybernetized” society (Baudrillard, 1994). According to his definition, simulacrum is a simulation of the “real”, the final phase of the development of an image: “it is the reflection of a profound reality; it masks and denatures a profound reality; it masks the absence of a profound reality; it has no

relation to any reality whatsoever; it is its own pure simulacrum” (Baudrillard, 1994, p. 6).

The need for simulacra arises once referents get lost, which is quite typical of the postmodern era called by Baudrillard “irreferential” (Baudrillard, 1994). According to Aristotle, *nature abhors a vacuum*, so when referents disappear, the gaps get filled with simulacra which, in their turn, mass spawn new imaginary referents. A relevant example is that people tend to prefer social media over live communication. The past which is meant to serve as a source of simulacra, cannot be treated as “real” either since it consists of simulacra itself. As Baudrillard puts it, “history is our lost referential, that is to say our myth” (Baudrillard, 1994, p. 43).

Paradoxical as it might seem, the only place where “real” referents, including historical ones, can still be found is human memory. It is memory that appears to connect the “real” past to the simulacra of the past. If the referent is lost, a simulacrum that arises to replace it is, as a rule, based on what society remembers about it, be it a natural memory or an artificially instilled one.

To sum up, the text-forming principle and the dominant aesthetics of the postmodern era is pastiche. Pastiche accounts for the intertextuality of postmodern culture and gets realized through the mechanism of hybridization. For hybridization to take place, two main conditions are to be met: first, there should be **referential gaps in culture**; second, there should be **a memory of the lost “real” referent**. Hybridization in postmodernism, thus, is a way to reconstruct knowledge of the world with the help of human memory.

In political media discourse referential gaps are most often realized through parallelization of temporal planes with the obligatory involvement of the plane of the past. As a rule, politicians draw upon history to fill in gaps in knowledge of the present or the future. Memories of past events are usually evoked with the help of memory-related words like *flashback*, *forget*, *memory*, *recall*, *remember*, etc.

In the following tweet by the UK’s former Prime Minister Boris Johnson memories of two historical events are evoked to form a negative attitude to the special military operation of Russia in Ukraine: Victory in Europe Day and the Second World War.

On VE Day, as we remember those who sacrificed their lives in WW2, we also think of those who've died and suffered in Russia's illegal invasion of Ukraine. <...> (@BorisJohnson, 08.05.2022)

The precedent names *VE Day*, *WW2* are used to build on the negative emotional background associated with the corresponding tragic pages of history. Apart from the choice of the precedent events the use of negatively coloured emotion-laden vocabulary helps to emotionalize the message (*sacrificed, died, suffered, illegal invasion*). The memory-related word *remember* serves to introduce the retrospect and ensure a connection between the temporal planes of the past and the present.

Linguistic basis of hybridization

In linguistics hybridization is most often studied as a cognitive mechanism of linguistic creativity in discourse, especially within the theory of nomination (Zykova, 2021; Iriskhanova, 2005; Jones, 2016; Tendahl, 2009, Malyuga, Poliakova & Tomalin, 2019). Other aspects of hybridization under linguistic study are dialogism and polyphony, genre mixing, multimodality, intertextuality and interdiscursivity, and conceptual integration.

The first scientist to apply the term “hybridization” to linguistic phenomena was the Russian philosopher and literary theorist Mikhail M. Bakhtin in his works devoted to polyphony in novels. Bakhtin defines hybridization as “mixing of two social languages within one utterance, an encounter in the arena of this utterance of two different, separated by an epoch or social differentiation (or both) linguistic consciousnesses” (Bakhtin, 1975, p. 170). In Bakhtin’s concept, hybridization is a category of techniques employed to create an “artistic image” of language along with dialogized interaction of languages and “pure” dialogues (Ibid.). Linguistic hybridization comes in two forms – conscious hybridization and unconscious hybridization (Bakhtin, 1975, p. 171). As follows from the terms, the former is used intentionally to create an “artistic image”, whereas the latter is to be treated as a mode of the historical evolution of language to be implemented in an uncontrolled and unintended way. The corresponding products of the two forms of hybridization are language hybrids – the “image of language” and the “historical organic hybrid” (Ibid.). Both types of hybrids are not always predictable and programmable as hinted by the term component “unconscious”, which cannot but speak in favour of the non-compositionality of hybrids (Sanchez-Stockhammer, 2012, p. 135).

In institutional discourse linguistic hybridization is likely to be realized through “voices” which represent different interacting social agents, or, more accurately, “identities set up for those involved” (Fairclough, 1995, p. 5). Since the research material is interdiscursive, let alone intertextual, one can expect it to be polyphonic, i.e. revealing several voices, and dialogical, i.e. involving some relationship set up between them. Given the hybrid character of political media discourse, one can expect it to bring together at least two voices – the voice of the politician and that of the media (Malyuga & Madinyan, 2021).

From the above, it follows that the prerequisites for hybridization as understood by Bakhtin are the presence of **an utterance**, meaning a minimal communicative context, and linguistically marked (hence discernable) **interacting identities**.

In the following tweet the Canadian Prime Minister Justin Trudeau uses the everyday genre of gratitude and wishes to pay respect to the retiring Canadian journalist Pierre Bruneau. Informal vocabulary (*grilled, thanks*) and address (*Pierre*), simple syntax (*It’s the end of an era. <...> Thanks for all of your work, Pierre.*), the use of the second-person singular pronoun (*you, your*) and the tag referring to the TV network where Pierre Bruneau has been working (*@TVANouvelles*) set up an informal relationship between the politician and the journalist, imitating a real-life conversation between old friends:

*It’s the end of an era. For more than four decades, Pierre Bruneau has kept Quebecers informed and up to date from behind the @TVANouvelles desk – and he’s **grilled** me a time or two, as well. **Thanks for all of your work, Pierre.** I’m wishing **you** nothing but the best in retirement. (@JustinTrudeau, 25.03.2022)*

Another distinctive feature of linguistic hybridization is its ability to be realized at **different language levels**: phonetic, lexical, syntactic, textual, and discursive. The “parents” undergoing hybridization are to belong to one language level, which follows from the biological principle of reproductive compatibility (see the mechanisms of reproductive isolation). For example, in the above cited tweet hybridization covers the lexical level (neutral and informal vocabulary), the syntactic (simple and complex syntax) and the textual one (the genre of a political tweet and retirement gratitude and wishes) (Iriskhanova & Ivashko, 2011; Sanchez-Stockhammer, 2012, p. 135). This kind of classification is only

possible when the “parents” have at least one feature which serves as a basis for comparison, e.g. explicitness – implicitness.

Conclusion

The present article aimed to prove and visualize the interdisciplinary character of linguistic hybridization. Having analyzed a bulk of theoretical data in disciplines both distant and adjacent (biology, philosophy, and linguistics), we provided empirical material represented by hybrid political media texts to illustrate, or visualize, the interdisciplinary basis of hybridization found in language. We managed to arrive at several conclusions regarding the integral components of hybridization as a complex process taken in its most general form, i.e. plausible in any science.

To begin with, there are some facilitators that are common to all the three sciences since they have resulted from metaphorical rethinking of the biological process of hybridization.

First, the sources, or “parents” share certain features but at the same time are discrete in that they possess constant differentiating characters. Most importantly, the “parents” are not isolated from each other hence can freely interact with each other. Their differentiating characteristics should be compatible and comparable so that grounded conclusions about the change in the hybrid can be made.

Second, the process of hybridization is, paradoxically, hybrid because the concept itself does not fit the existing taxonomies and blurs demarcation lines between them. Hybridization is preconditioned by the need for a hybrid, the most obvious being adaptation to a new context. In addition, the “parents” themselves can be clearly hybrid or demonstrate elements of hybridity.

Third, the hybrid inherits the features of its parents, but necessarily has new ones which make it better in some way, e.g. more functional or resilient. The appearance of a new property constitutes the so-called synergetic effect of hybridization. It is worth mentioning that the hybrid, though it shares some of its characteristics with its “parents” is by no means compositional. Moreover, the results of hybridization are not always intentional and predictable, hence the term “unconscious hybridization”.

Linguistic hybridization generally follows all the aforementioned rules but has specific characteristics determined by the distinctive features of language as a system. Hybridization in language is realized

within an utterance and brings together several interacting identities. The effects of linguistic hybridization can be manifested at different language levels, hence are systemic in character.

It is noteworthy that hybridization appears to be even more understudied in linguistics than in biology or philosophy as it often gets overshadowed by adjacent interrelated phenomena such as multimodality, intertextuality, and interdiscursivity. A relevant and promising line of research in this connection could be disambiguation of all the possible linguistic terms involving different varieties of mixing and heterogeneity and placing hybridization within the corresponding terminological nomenclature.

Литература

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Вавилов Н.И. Менделизм и его значение в биологии и агрономии // Г. Мендель. Опыты над растительными гибридами; Пер. проф. К.А. Фляксбергера. – М.; Ленинград: Сельхозгиз, 1935. – С. 5–12.
3. Гусейнова И.А. Сценарии и стратегии гибридизации жанров в институциональном дискурсе // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. – М.: ИПК МГЛУ «Рема». – С. 162–197.
4. Зыкова И.В. и др. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: колл. моногр. / Отв. ред. И.В. Зыкова. – М.: Р.Валент, 2021. – 564 с.
5. Иванова С.В. Актовая речь как гибридная полидискурсивная практика // Russian Journal of Linguistics. – 2017. – 21(1). – С. 141–160.
6. Ирисханова О.К. Лингвокреативные основания теории номинализации: дисс. ... д. филол. н.: 10.02.19. – М., 2005. – 332 с.
7. Ирисханова О.К., Ивашко Е.А. Процессы гибридизации в языке. Лексические гибриды // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 57–74.

8. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5–19.
9. Марков А. Эволюция. Классические идеи в свете новых открытий / А. Марков, Е. Наймарк. – М.: АСТ: CORPUS, 2014. – 656 с.
10. Мурашова Е.П. Место "ретро" в текстах публичных выступлений политических деятелей США и Великобритании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – Вып. 5 (847). – С. 229–241.
11. Мурашова Е.П. Ретро как объект изучения лингвистики // Верхневолжский филологический вестник. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. – №4 (23). – С. 113–120.
12. Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: моногр. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 166 с.
13. Фляксбергер К.А. Грегор Иоганн Мендель (биографический очерк) // Г. Мендель. Опыты над растительными гибридами; Пер. проф. К.А. Фляксбергера. – М.; Ленинград: Сельхозгиз, 1935. – С. 13–23.
14. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д. филол. н.: 10.02.01, 10.02.19. – Волгоград, 2000. – 431 с.
15. Ackermann A. Cultural Hybridity: Between Metaphor and Empiricism / P.W. Stockhammer (ed.), Conceptualizing Cultural Hybridization: A Transdisciplinary Approach. – Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2012. – Pp. 5–25.
16. Baudrillard J. Simulacra and Simulations / trans. Sh.F. Glaser, A. Arbor. – MI: University of Michigan Press, 1994. – 164 p.
17. Bunia R. The Agony of the Signified: Towards a Usage-Based Theory of Meaning and Society // P.W. Stockhammer (ed.), Conceptualizing Cultural Hybridization: A Transdisciplinary Approach. – Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2012. – Pp. 195–214.
18. Burke P. Cultural Hybridity. – 1st ed. – Cambridge: Polity Press, 2009. – 160 p.
19. Canclini N.G. Hybrid Cultures: Strategies for Entering and Leaving Modernity. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. – 293 p.

20. Fairclough N. *Media Discourse*. – London: Edward Arnold, 1995.
21. Freyre G. *The Masters and the Slaves: A Study in the Development of Brazilian Civilization*. – New York: Alfred A. Knopf, 1946.
22. Hall K., Nilep Ch. Code-Switching, Identity, and Globalization // D. Tannen, H. Hamilton & D. Schiffrin (eds.), *Handbook of Discourse Analysis*. – 2nd ed. – Malden: Blackwell, 2015. – Pp. 597–619.
23. Harvey D. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. – Cambridge MA & Oxford UK: Blackwell, 1989. – 378 p.
24. Hine R (ed.). *A Dictionary of Biology*. – 8th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 1275 p.
25. Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism // *New Left Review*. – 1984. – №146. – C. 59–92.
26. Jones R. (ed.). *The Routledge Handbook of Language and Creativity*. – London, New York: Routledge, 2016. – 556 p.
27. Kozlovskaya, N. V., Rastyagaev, A. V., Slozhenikina, J. V. (2020). The creative potential of contemporary Russian political discourse: From new words to new paradigms // *Training, Language and Culture*. Vol. 4(4). Pp. 78-90.
28. Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. – 138 p.
29. Malyuga E.N., Madinyan E.I. Representation of events in the American news media discourse // *Scientific Journal Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches*. – 2021. – Vol. 2 (50). – Pp. 17-28.
30. Malyuga E., Poliakova N., Tomalin B. Syntactic Constructions Featuring Multifunctional Sentence Components in the Language of Modern Business Media // *International Journal of English Linguistics*. 2019. Vol. 9(4). Pp. 58-69.
31. Mayr E. *Systematics and the Origin of Species from the Viewpoint of a Zoologist*. – New York: Columbia University Press, 1942. – 334 p.
32. Mayr E. *Animal Species and Evolution*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1963. – 797 p.
33. Mendel G. *Experiments in Plant-Hybridisation* // W. Bateson. *Mendel's Principles of Heredity: A Defence*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1902. – Pp. 40–95.

34. Murashova E. P. The role of the cognitive metaphor in the hybridisation of marketing and political discourses: An analysis of English-language political advertising // *Training, Language and Culture*. – 2021. – Vol. 5(2). – Pp. 22-36. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-22-36
35. Pieterse J.N. Globalization as Hybridization // *Working Paper Series*. – The Hague: Institute of Social Studies, 1993. – №152. – Pp. 1–18.
36. Rahman A.R.M. Mostafizar, Rahman Abu Rashed Md. Mahbuber. Linguistic hybridization in a television talk show: A sociolinguistic analysis // *Journal of Language and Linguistic Studies*. – 2021. – 17(2). – Pp. 767–782. Doi: 10.52462/jlls.54.
37. Sanchez-Stockhammer Ch. Hybridization in Language // P.W. Stockhammer (ed.), *Conceptualizing Cultural Hybridization: A Transdisciplinary Approach*. – Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2012. – Pp. 133–157.
38. Tendahl M. Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics. – Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. – 282 p.
39. Twitter [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://twitter.com> (дата обращения: 28.12.2022).
40. Whinnom K. Linguistic hybridization and the “special case” of pidgins and creoles // D. Hymes (ed.), *Pidginization and Creolization of Languages*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – Pp. 91–115.
41. Young R. *Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race*. – New York: Routledge, 1995. – 236 p.

References

- Ackermann, A. (2012). Cultural Hybridity: Between Metaphor and Empiricism. In P.W. Stockhammer (ed.), *Conceptualizing Cultural Hybridization: A Transdisciplinary Approach* (pp. 5–25). Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag.
- Bakhtin, M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let [Questions of Literature and Aesthetics: Investigations from Various Years]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Baudrillard, J. (1994). *Simulacra and Simulations*/ trans. Sh.F. Glaser, A. Arbor. MI: University of Michigan Press.

- Bunia, R. (2012). The Agony of the Signified: Towards a Usage-Based Theory of Meaning and Society. In P.W. Stockhammer (ed.), *Conceptualizing Cultural Hybridization: A Transdisciplinary Approach* (pp. 195–214). Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag.
- Burke, P. (2009). *Cultural Hybridity*. 1st edn. Cambridge: Polity Press.
- Canclini, N.G. (2005). *Hybrid Cultures: Strategies for Entering and Leaving Modernity*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Fairclough, N. (1995). *Media Discourse*. London: Edward Arnold.
- Flyaksberger, K. (1935). Gregor Iogann Mendel' (biograficheskii ocherk) [Gregor Johann Mendel (A Biographical Sketch)]. In N.I. Vavilov (ed.), *Gregor Mendel. Experiments in Plant Hybridization* (pp. 13–23). Moscow, Leningrad: Selkhozgiz.
- Freyre, G. (1946). *The Masters and the Slaves: A Study in the Development of Brazilian Civilization*. New York: Alfred A. Knopf.
- Guseinova, I. (2011). Stsenarii i strategii gibridizatsii zhanrov v institutsional'nom diskurse [Scenarios and strategies of genre hybridization in institutional discourse]. In *Yazykovoe tvorchestvo v dinamike semioticheskikh vzaimodeistvii* (pp. 162–197).
- Hall, K. & Nlepp, Ch. (2015). Code-Switching, Identity, and Globalization. In D. Tannen, H. Hamilton & D. Schiffrin (eds.), *Handbook of Discourse Analysis* (pp. 597–619). Malden: Blackwell.
- Harvey, D. (1989). *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Cambridge MA & Oxford UK: Blackwell.
- Hine, R. (ed.). (2019). *A Dictionary of Biology*. 8th edn. Oxford: Oxford University Press.
- Iriskhanova, O. (2005). *Lingvokreativnye osnovaniya teorii nominalizatsii [The Linguocreative Basis of the Theory of Nomination]*. (Doctoral thesis, Russia, Moscow: Moscow State Linguistic University).
- Iriskhanova, O. & Ivashko, E. (2011). Protsessy gibridizatsii v yazyke. Leksicheskie gibridy [Hybridization processes in language. Lexical hybrids]. In *Yazykovoe tvorchestvo v dinamike semioticheskikh vzaimodeistvii* (pp. 57–74). Moscow: IPK MSLU “Rema”.
- Ivanova, S. (2017). Commencement Speech as a Hybrid Polydiscursive Practice. *Russian Journal of Linguistics*, 21(1), 141–160.

- Jameson, F. (1984). Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. *New Left Review*, 146, 59–92.
- Jones, R.(ed.). (2016). *The Routledge Handbook of Language and Creativity*. London, New York: Routledge.
- Karasik, V. (1999). Religioznyj diskurs [Religious discourse]. In V.I. Karasik et al. (eds.), *Language identity: problems of liguoculturology and functional semantics* (pp. 5–19). Volgograd: Peremena.
- Kozlovskaya, N. V., Rastyagaev, A. V., & Slozhenikina, J. V. (2020). The creative potential of contemporary Russian political discourse: From new words to new paradigms. *Training, Language and Culture*, 4(4), 78-90. Doi: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-78-90 /
- Lyotard, J.-F. (1984). *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Malyuga, E.N., & Madinyan, E.I. (2021). Representation of events in the American news media discourse. *Scientific Journal Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches*, 2 (50), 17-28.
- Malyuga, E., Poliakova, N., & Tomalin, B. (2019). Syntactic Constructions Featuring Multifunctional Sentence Components in the Language of Modern Business Media. *International Journal of English Linguistics*, 9(4), 58-69.
- Markov, A. & Naimark, E. (2014). *Evolyutsiya. Klassicheskie idei v svete novykh otkrytii [Evolution. Classical Ideas in the Light of New Discoveries]*. Moscow: CORPUS (AST).
- Mayr, E. (1942). *Systematics and the Origin of Species*. New York: Columbia University Press.
- Mayr, E. (1963). *Animal Species and Evolution*. Cambridge: Harvard University Press.
- Mendel, G. (1902). Experiments in Plant-Hybridisation. In W. Bateson *Mendel's Principles of Heredity: A Defence* (pp. 40–95). Cambridge: Cambridge University Press.
- Murashova, E. (2020). Retro kak ob'ekt izucheniya lingvistiki [Retro as an object of linguistic study]. *Upper Volga Philological Bulletin*, 4(23), 113–120. DOI 10.20323/2499-9679-2020-4-23-113-120.
- Murashova, E. (2021). Mesto "retro" v tekstakh publichnykh vystuplenii politicheskikh deyatelei SShA i Velikobritanii [The Place of Retro in Texts of U.S. and British Political Figures' Public Speeches]. *Bulletin of Moscow State Linguistic University*, 5(847), 229–241.

- Murashova, E. P. (2021). The role of the cognitive metaphor in the hybridisation of marketing and political discourses: An analysis of English-language political advertising. *Training, Language and Culture*, 5(2), 22-36. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-22-36
- Pieterse, J.N. (1993). Globalization as Hybridization. *Working Paper Series*. The Hague: Institute of Social Studies.
- Rahman, A.R.M. Mostafizar, & Rahman, Abu Rashed Md. Mahbuber. (2021). Linguistic hybridization in a television talk show: A sociolinguistic analysis. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 17(2), 767–782. Doi: 10.52462/jlls.54.
- Sanchez-Stockhammer, Ch. (2012). Hybridization in Language. In P. W. Stockhammer (ed.), *Conceptualizing Cultural Hybridization: A Transdisciplinary Approach* (pp. 133–157). Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag.
- Sheigal, E. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa [The Semiotics of Political Discourse]*. (Doctoral thesis, Russia, Volgograd: Volgograd State Pedagogical University).
- Tarasova, I. (2022). *Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya, metody [Cognitive Poetics: The Subject Matter, Terminology, Methods]*. Moscow: INFRA-M.
- Tendahl, M. (2009). *Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics*. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Twitter. Retrieved from: <https://twitter.com> (accessed 28 December 2022).
- Vavilov, N. (1935). Mendelizm i ego znachenie v biologii i agronomii [Mendelism and Its Significance in Biology and Agriculture]. In N.I. Vavilov (ed.), *Gregor Mendel. Experiments in Plant Hybridization* (pp. 5–12). Moscow, Leningrad: Selkhozgiz.
- Whinnom, K. (1971). Linguistic hybridization and the “special case” of pidgins and creoles. In D. Hymes (ed.), *Pidginization and Creolization of Languages* (pp. 91–115). Cambridge: Cambridge University Press.
- Young, R. (1995). *Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race*. New York: Routledge.
- Zykova, I. (ed.). (2021). *Lingvokreativnost' v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti [Linguistic Creativity in Discourses of Different Types: Limits and Opportunities]*. Moscow: R.Valent.

УДК 81'26

Л.А. Тюкина

Ярославский государственный технический университет

В.Н. Бабаян

Ярославский государственный педагогический университет

им. К.Д. Ушинского

**ЭТНИЧЕСКИЙ ЮМОР КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
(НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО АНЕКДОТА)**

В статье анализируются этнические немецкоязычные анекдоты с точки зрения стереотипов, существующих у представителей немецкой лингвокультуры не только относительно других народностей или национальностей, но и самих себя. Рассматривается разница между автостереотипными и гетеростереотипными анекдотами. Юмористический текст анекдота рассматривается как часть социокультурного контекста, как некий отражатель взаимоотношений в обществе. Целью статьи является определение того факта, что ментальные стереотипы этнических анекдотов являются не только средством репрезентации традиционных представлений о представителях своей и других лингвокультур, но данные стереотипы являются триггером к созданию новых анекдотов, основанных на этих стереотипах. В исследовании использованы такие методы исследований как описательный, метод анализа контекстов, метод сплошной выборки языкового материала и статистические методы обработки материала. В ходе анализа выявлено, какие именно черты высмеиваются в этнических анекдотах, выявлены наиболее часто встречающиеся стереотипные характеристики, которые прочно прикрепились к представителям той или иной национальности или народности. Авторы статьи сознательно не затрагивают этнические анекдоты на религиозную тематику, считая их оскорбительными для чувств верующих, поэтому корпус собранных этнических анекдотов не включает в себя анекдоты на тему религии. Делается вывод о том, что не всегда в анекдоте высмеивается именно та или иная черта, присущая той или иной

национальности, зачастую это просто выдуманная характеристика, не имеющая под собой достаточных оснований.

Ключевые слова: анекдот, этнический анекдот, стереотип, языковая картина мира, лингвокультура

УДК 81'26

L.A. Tyukina

Yaroslavl State Technical University

V.N. Babayan

Yaroslavl State Pedagogical University

named after K.D. Ushinsky

**ETHNIC HUMOUR AS A REPRESENTATION OF THE
LINGUISTIC WORLDVIEW
(ON THE EXAMPLE OF A GERMAN-LANGUAGE JOKE)**

The article analyses ethnic German-language jokes from the point of view of stereotypes that exist in German linguoculture not only in relation to other nations or nationalities, but also in relation to themselves. The difference between autostereotypical and heterostereotypical jokes is considered. The humorous text of the joke is seen as a part of the socio-cultural context, as a kind of reflector of the relations in the society. The aim of this article is to reveal the fact that ethnic jokes mental stereotypes are not only the means of representation of traditional ideas about the representatives of their own and other linguocultures, but they are also the triggers for the creation of new jokes, based on these stereotypes. The study used such research methods as descriptive method, context analysis method, method of continuous sampling of linguistic material and statistical methods of material processing. The analysis reveals what features are specifically mocked in ethnic jokes, identifying the most common stereotypical characteristics, which are firmly attached to the representatives of a particular nationality or ethnicity. The authors of the article intentionally avoid ethnic jokes referring to religion as they are considered insulting to religious feelings. Therefore, the corpus of collected ethnic jokes does not include jokes referring to religion. The author draws a conclusion that not always jokes poke fun at one or

another characteristic of a certain nationality, often it is just a fictitious characteristic with no sufficient grounding.

Keywords: joke, ethnic joke, stereotype, linguistic worldview, linguoculture

Введение

С помощью языка мы взаимодействуем с миром, устанавливаем социальные контакты и развиваемся на когнитивном уровне. Мы «создаем» наш мир с помощью языка. Это происходит потому, что языковые высказывания способствуют формированию специфических и в значительной степени субъективных представлений о мире, о людях и группах людей. Таким образом, принадлежность к сообществу также становится социально-значимой посредством лингвистических обозначений и, таким образом, превращается в интерактивно производимую и переживаемую реальность. Человек постоянно находится в «самоотнесении» себя к той или иной группе, а также наделяет теми или иными характеристиками других членов общества. В полной мере все эти явления можно отнести и к сфере юмора, а именно к этническим анекдотам. Именно в анекдоте ярко проявляются все стереотипы, как существующие десятилетиями, так и вновь появляющиеся. Так, в каждой стране есть определенные этнические группы, которые становятся объектом юмора: в Америке это долгое время были поляки, в Германии - фризы, во Франции - бельгийцы, затем шотландцы. Некоторые нации становятся объектом юмора и на международном уровне, в этом случае этнические анекдоты про ту или иную национальность появляются сразу в нескольких лингвокультурах, переплетаясь сюжетами и отличаясь лишь незначительными деталями. Безусловно, юмор присущ жителям любой страны, однако, «при этом он чрезвычайно разнообразен, поскольку в разных странах и культурах бытуют собственные представления о том, что может считаться «юмористическим» (Малюга, 2020, с. 32). Этнические анекдоты характеризуются шаблонностью, одними и теми же действующими лицами, и стереотипами; меняется только острота шутки, т.е. последнее, ударное предложение. Любой юмористический текст всегда является неотъемлемой частью социокультурного контекста, в котором проявляется как личность, так и социокультурно

обусловленная система ценностей. Вопрос всегда заключается в том, что считается «разумным» и «нормальным» в той или иной культуре. Если принятые образцы нарушаются, происходит отклонение от нормы, происходит либо непонимание анекдота реципиентом, либо же «представители различных лингвокультур могут неоднозначно отреагировать на юмор, поэтому при рассказывании анекдотов необходимо учитывать и культурные традиции страны адресата» (Тюкина, 2021, с. 100). Юмористический дискурс интерпретируется слушателем или читателем по-разному в зависимости от многих факторов. «Для интерпретации дискурса требуется учитывать знания участников коммуникации о мире, их знание языка и текущей ситуации, социальных правил, стратегий и конвенций, информацию культурологического характера и другие установки, и представления» (Сулейманова, 2020, с. 126). В то же время этнические группы иногда достигают позитивной оценки собственной группы через негативную оценку других. В последнем случае, когда стереотипы выражаются как оправдание собственного превосходства, анекдоты уже далеко не безобидны и не ограничиваются юмором. В данной статье рассматриваются наиболее распространенные стереотипы в этнических и/или национальных анекдотах на немецком языке, чтобы определить, какие социальные категории они отражают. Цель статьи - показать, что мыслительные стереотипы в этнических анекдотах не только воспроизводят традиционные представления, но и способствуют их созданию.

Материалы и методы

Теоретическая база исследования юмористического дискурса широко представлена работами известных отечественных (В.И. Карасик, Е. Я. Шмелева и А. Д. Шмелев, В. В. Химик, В. Д. Девкин, Н. Д. Миловская, М. А. Кулинич и др.) и зарубежных (Н. Kotthoff, В. Marfurt, V. Raskin, S. Attardo, В. Lopez, D. Mahrenke и др.) лингвистов. Отметим, что среди всех существующих анекдотов на немецком языке, примерно 25% занимают именно этнические анекдоты. Материал статьи представлен корпусом этнических анекдотов на немецком языке, всего авторами было собрано 230 этнических анекдотов как монологического, так и диалогического характера, для сбора корпуса авторы воспользовались сайтом

немецких анекдотов witze.net. Авторы не стали обращаться к другим немецкоязычным сайтам, коллекционирующим анекдоты, поскольку почти все анекдоты так или иначе перекликаются друг с другом, где-то незначительно изменяясь содержательно, где-то меняя только имена и географические названия. В соответствии с поставленными в статье целями и задачами, авторы применили в работе методику исследования, которая базируется на применении нескольких известных *методов исследования*. Авторы используют в своей работе описательный метод, метод интерпретативного семантического анализа контекстов, метод семантического и лексикографического анализа, а также несколько приемов классификации и систематизации, метод сплошной выборки языкового материала, статистическую обработку материала и формализованные приемы представления результатов (в качестве результата исследования авторы представляют диаграмму).

Результаты и обсуждение

Юмор в любом языке, и анекдот прежде всего, как представитель юмористического дискурса тесно связан с таким понятием как «языковая картина мира». В анекдотах фиксируются практически все аспекты национальной картины мира, о каком бы языке ни шла речь. Анекдот можно назвать репрезентантом той языковой картины мира, в которой этот анекдот создан и существует. Если мы говорим о немецкоязычных анекдотах, то, соответственно, можно предположить, что немецкоязычный анекдот отражает и характер того народа, который живет в этой языковой среде, и отношение этого народа к другим национальностям, с которыми либо приходится проживать бок о бок, либо о которых существуют многочисленные национальные стереотипы.

Каждый язык отражает определенный способ восприятия и формирования мира или его языковой образ. Совокупность представлений о мире, содержащихся в значениях различных слов и выражений языка, образует некую единую систему взглядов и установок, которую в той или иной степени разделяют все носители данного языка. Теория языковой картины мира была построена немецким ученым Лео Вайсгербером на основе учения Вильгельма Гумбольдта «О внутренней форме языка». Вайсгербер начал разрабатывать термин «языковая картина мира» в начале 1930-х годов. В статье “Die Zusammenhänge zwischen Muttersprache,

Denken und Handeln” (русское название «Взаимосвязи между родным языком, мышлением и поступками») еще в 1930 году Л. Вайсгербер писал, что словарный запас конкретного языка представляет собой набор концептуальных ментальных инструментов, которыми располагает языковое сообщество. Поскольку каждый носитель языка изучает этот лексикон, все члены языкового сообщества овладели этими ментальными средствами, поэтому можно сделать вывод, что родной язык содержит в своих терминах определенную картину мира и передает ее членам языкового сообщества. В упомянутой выше статье 1930 года Л. Вайсгербер вписывает образ мира непосредственно в сам язык и делает его своей основной принадлежностью. Но в ней картина мира все еще вводится только в словарный состав языка, а не в язык в целом. В статье “Sprache” («Язык»), опубликованной в 1931 году, он делает новый шаг в связывании понятия картины мира с языком, а именно вводит ее в содержательную сторону языка в целом. «В языке конкретного сообщества, - пишет он, - живет и действует духовное содержание, запас знаний, который справедливо называют картиной мира конкретного языка» (<https://ik-ptz.ru/de>). С другой стороны, размышления о развитии языковой картины мира можно найти и в работах Сепира-Уорфа, известных под названием «гипотеза лингвистической относительности». По мнению Сепира, язык, культура и личность сливаются в единое целое; язык — это «символический ключ к поведению», потому что опыт в значительной степени интерпретируется через призму конкретного языка и наиболее явно проявляется во взаимосвязи языка и мышления. Среди отечественных ученых, занимавшихся вопросами языковой картины мира и ее отдельными аспектами, можно выделить В.Н. Телия, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюнову, Г.Г. Слышкина, В.А. Маслову, а также лингвистов, исследовавших в своих трудах некоторые аспекты языковой картины мира в том числе и сточки зрения юмористического дискурса: В.И. Карасика, С.Г. Воркачева, А.Д. Шмелева и других лингвистов.

Отношения между языком и культурой могут рассматриваться как отношения части и целого. Язык может быть воспринят как компонент культуры и как орудие культуры (что не одно и то же). Однако язык в то же время автономен по отношению к культуре в

целом, и он может рассматриваться как независимая система знаков. Любой носитель языка одновременно является и носителем культуры своего народа, поэтому язык отражает в том числе и культурное восприятие, и культурную ментальность данного представителя народа. С помощью языка у человека с детских лет начинает формироваться представление о мире, формируются стереотипы не только поведенческие, но и культурные. При этом чем меньше индивид читает (слушает, смотрит) информации о других народностях и других странах, тем более стереотипно его мышление. Как правило, не особо образованному человеку можно навязать любые стереотипы, и он в них поверит. Чем более глубокими познаниями обладает человек о мире и культуре не только своего народа, но и о других культурах, тем меньше у него будет стереотипов. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что анекдоты являются не только трансляторами этнических стереотипов, но в некоторых случаях они их и порождают. Познавая мир, узнавая самого себя, изучая и исследуя другие культуры, производя некие действия, человек познает самого себя, а описывая эти действия, он словами выражает результаты своего познания. Так формируется некая совокупность знаний, которую и можно обозначить как «языковая картина мира». А уже этот термин можно использовать и как «картина репрезентации мира», учитывая, что ученые из различных областей знаний: лингвистики, философии, психолингвистики, социологии трактуют этот термин достаточно широко.

В этническом анекдоте можно найти не только отображение системы ценностей, но и увидеть традиции, а также стереотипы, которые прочно закрепились в сознании общественности.

По мнению польского лингвиста и этнолога Джерзи Бартмински (Jerzy Bartmiski), лингвистическое мировоззрение рассматривается как интерпретация действительности, содержащаяся в языке, которая может быть воспринята как набор мыслительных схем о мире, людях, предметах и событиях. Это не зеркальное отражение или фотография реальных объектов, а их интерпретация, субъективный портрет. Эта интерпретация функционирует как результат субъективного восприятия и концептуализации реальности пользователями конкретного языка. Поэтому она имеет явно субъективный, антропоцентрический

характер, но в то же время она интерсубъективна, поскольку эта интерпретация подвергается социализации и становится связующим звеном для членов общества. Эта интерпретация превращает людей, проживающих в конкретном социуме, в сообщество мыслей, чувств и ценностей и оказывает вторичное влияние на то, как члены этого сообщества воспринимают и понимают социальную ситуацию (Bartmiński, 2012, p. 266).

Стоит отметить, что немцы известны своим несколько слишком серьезным отношением к любым вопросам и одной из характерных черт немецкого характера является отсутствие юмора. Немецкие шутки и анекдоты редко бывают смешными - по крайней мере, таков стереотип, который существует не только за пределами Германии, но распространен и среди самих немцев. Большинство немецких анекдотов демонстрируют чувство юмора, которое иногда может быть довольно мрачным. Короткие анекдоты с каламбуром на немецком языке могут быть умными и включать ловкую игру слов, но при переводе на другой язык эти ударные фразы соль анекдота часто теряется. Чтобы полностью понять немецкий юмор и шутки, необходимо обладать довольно широкими экстралингвистическими знаниями.

По мнению Т.Н. Ямских, «высокая этнокультурная значимость анекдотов неоспорима. Они отражают восприятие окружающего мира, которое может являться как положительным, так и отрицательным. В анекдотах передается информация о нормах поведения, традиционно-мировоззренческих и социально-психологических установках народа, а также его этнических представлениях. Как правило, предметом осмеяния в анекдотах являются характерные национальные сверхценности культуры. Так, например, для русских ценностной доминантой выступает бестолковщина, для англичан – индивидуальная независимость и антифатализм. Непонимание национального юмора носителями иных лингвокультур связано с тем, что они, в силу отсутствия определенных культурологических и лингвистических знаний, не в состоянии выявить в них явной абсурдности или странного положения вещей» (Ямских, 2014, с. 56).

О воздействии анекдота на человека говорил немецкий фольклорист Лутц Рёрих (Lutz Röhrich): „Witze sind nicht immer nur zum Lachen da, sondern auch zum Nachdenken. Die über das eigene

Volk halten einem einen Spiegel vor, aus dem nicht nur Schmeichelhaftes reflektiert wird. Witze über einen selbst bringen einem erst zum Bewusstsein, wie man auf andere wirkt. Aber sie setzen zugleich einen Prozess der Bewusstwerdung und der Selbsterkenntnis in Gang“ (Röhrich, 1977, S. 291) // «Анекдоты предназначены не только для смеха, но и для размышлений. Анекдоты, которые говорят о своем народе, держат перед вами зеркало, в котором отражается не только лестное. Анекдоты о самом себе только помогают человеку осознать, как он действует на других. Но в то же время они запускают процесс осознания и самопознания» (перевод наш – Л.Т., В.Б.).

Антрополог Махадев Апте отмечает: «Юмор не только встречается во всех человеческих культурах, но и пронизывает все аспекты человеческого поведения, мышления и социокультурной реальности; он проявляется в бесконечном разнообразии форм и использует различные способы» (Апте, 1985, с. 218). Определенные выводы делает об этническом юморе и исследователь Кристи Дэвис, указывая, что «наилучшие шуточные отношения между двумя группами складываются тогда, когда группы демонстрируют «как привязанность, так и разделение, как социальное соединение, так и социальное разъединение». По словам Кристи Дэвиса, «в зависимости от контекста, юмор может быть оскорбительным (направленным на высмеивание этнической группы), - или он может быть защитным (направленным на защиту группы от высмеивания), - или же он может быть и тем, и другим одновременно». Кристи Дэвис говорит, что самые распространенные объекты этнического юмора «живут на географической, экономической или языковой окраине общества или культуры, где рассказываются анекдоты, живут в небольших общинах или в сельской местности на периферии страны, являются иммигрантами, сосредоточенными в местах, где работают «голубые воротнички». Нет никаких доказательств того, что объекты глупы, но они занимают места, где они глупы для общества» (Davies, 1990).

Говоря об этнических немецкоязычных анекдотах, можно выделить две большие группы анекдотов: это анекдоты о «других» немцах, проживающих на территории Германии, т.е. анекдоты о себе, о своей национальности и анекдоты об иностранцах, т.е. анекдоты о представителях других лингвокультур. По определению

Г.Т. Тавадова, анекдоты или шутки о себе и своей национальности относятся к разряду автостереотипных, а анекдоты о других народах и национальностях называются гетеростереотипные (Тавадов, 2002, с. 241).

Оригинальное определение этнических анекдотов К. Дэвиса гласит: „*jokes about peoples that consist of short narratives or riddles with comic endings which impute a particular ludicrous trait or pattern of behaviour to the butts of the joke...*“ (Davies, 1990, p. 11) // «анекдоты о народах, которые состоят из коротких повествований или загадок с комическими концовками, которые приписывают определенную смехотворную черту или модель поведения тем, о ком идет речь...» (перевод наш – Л.Т., В.Б.).

Во многих странах люди смеются над соотечественниками из другого региона или этнического происхождения, обычно называя их глупыми, медлительными или странными. В Германии эти немецкие шутки обычно относятся к людям из Восточной Фризии, Саксонии, Баварии или Берлина. После воссоединения Германии появилась новая шуточная категория, подчеркивающая различия, которые все еще существуют между восточными немцами (“Ossis”) и западными немцами (“Wessis”). В конце девятнадцатого века были типичными анекдоты про швабов. Согласно им, швабы считались большими, глупыми, лживыми, хитрыми и коварными. Такие предрассудки и стереотипы сохранялись на протяжении веков. Однако в 20 веке Швабия стала одновременно центром литературной и интеллектуальной жизни, что принесло переоценку всего связанного со швабами. Помимо швабов на юге, в немецких анекдотах часто встречается и другая этническая группа с севера Германии – восточные фризцы. Они представляют восточную ветвь фризской этнической группы и поэтому принадлежат к признанным меньшинствам в Германии, наряду с датчанами, сорбами, синти и рома. Восточные фризцы в основном живут в Восточной Фризии, которая расположена на северо-западе земли Нижняя Саксония. Из-за своей относительной уединенности в истории восточные фризцы часто изображаются в шутках глупыми, ленивыми, нечистыми и т.д. (Cui, 2008, S. 97 – 100). Примечательно, что большинство восточнофризских анекдотов - так утверждает их собиратель и редактор, пишущий под псевдонимом Онно Фриз, - исходит от самих восточных фризов (Röhrich, 1977, S. 273).

Приведем примеры:

(1) *"Was ist der Unterschied zwischen einem Sachsen und einem Fremden? - Man versteht einen Fremden, wenn er Deutsch spricht"* (<https://witze.net/>). // «В чем разница между саксонцем и иностранцем? - Вы понимаете иностранца, когда он говорит по-немецки» (перевод наш – Л.Т., В.Б.).

(2) *Was ist der Unterschied zwischen einem Türken und einem Bayern? - Der Türke kann besser Deutsch.* (<https://witze.net/>) // В чем разница между турком и баварцем? - Турок лучше говорит по-немецки (перевод наш – Л.Т., В.Б.).

Оба анекдота (1) и (2) высмеивают немецкие диалекты, которых в Германии довольно много (например, фризский, нижнесаксонский, франкий, тюрингский, верхнесаксонский, силезский, алеманский, баварский), но особое внимание в анекдотах уделяется именно этим двум диалектам. В Германии широко распространены шутки о том, что эти два народа, населяющие Баварию и Саксонию и сами-то не очень хорошо понимают друг друга.

Хотелось бы привести еще один анекдот, высмеивающий баварский диалект на фоне хорошего знания языка турками:

(3) *Ein Bayer hat sich verirrt und fragt einen Türken, der des Weges kommt: "Entschuldigung, wo gehts denn do noch Aldi?" - Der Türke verbessert: "Zu Aldi." - Darauf der Bayer: "Ach, Aldi hot scho zua?"* (<https://witze.net/>) // Баварец сбился с пути и спрашивает у идущего по дороге турка: «Извините, где здесь Aldi?» - Турок поправляет: «В Aldi». - Баварец отвечает: «О, Aldi уже закрыт?» (перевод наш – Л.Т., В.Б.).

«Соль» данного анекдота (3), к сожалению, теряется при переводе, поскольку данный анекдот относится к разряду лингвистических (или языковых) анекдотов, построенных на игре слов. Здесь и небрежное отношение баварцев к грамматическому строю немецкого языка, и их с трудом понимаемое остальными немцами диалектное произношение. И даже в ответе турка, который, поправляя баварца, говорит, что нужно использовать предлог *zu* (к, в), баварец слышит не то, что слышит человек, правильно использующий немецкую грамматику. Баварец переиначивает фразу «*Zu Aldi*» («В Алди») на фразу «*Aldi ist zu*» («Алди закрыт»).

В последние 15 лет очень популярными стали анекдоты о переселенцах. Волна миграции буквально захлестнула Германию, при этом немцев обижает неравное отношение правительства к коренному населению страны и к мигрантам, о чем может свидетельствовать следующий анекдот:

(4) *Ein afrikanischer Asylant spaziert durch Nürnberg. Er spricht die erste Person an, die er auf der Straße trifft, schüttelt ihr die Hand und sagt: "Danke lieber Deutscher, dass Sie mich in Ihrem Land aufnehmen und Unterstützung, Unterkunft und Krankenversicherung geben." Der Angesprochene guckt verdutzt und antwortet: "Ich bin kein Deutscher, ich bin Albaner." Der Afrikaner geht weiter und spricht eine weitere Person an: "Danke dafür, dass ich in Ihrem schönen Deutschland sein darf." Der Angesprochene sagt: "Sie irren sich, ich bin Ägypter." Wieder geht er weiter und spricht erneut eine Person an: "Danke für Ihr schönes Deutschland." Wieder war die Antwort ganz ähnlich: "Hmm...? Aber ich bin doch Rumäne." Dann sieht der Afrikaner eine nette ältere Dame und fragt: "Sind Sie Deutsche?" "Nein, ich bin Türkin." Die Stirn kratzend fragt er die Türkin: "Seltsam ... wo sind denn all die Deutschen?" Daraufhin blickt die ältere Dame kurz auf ihre Uhr und meint: "Wahrscheinlich arbeiten." (<https://witze.net/>) // Беженец из Африки идет по Нюрнбергу. Он подходит к первому встречному на улице, пожмимает ему руку и говорит: «Спасибо, дорогой немец, что принял меня в свою страну и дал мне поддержку, жилье и медицинскую страховку». Человек, к которому обращаются, выглядит озадаченным и отвечает: «Я не немец, я албанец». Африканец идет дальше и обращается к другому человеку: «Спасибо, что позволили мне находиться в вашей прекрасной Германии». Человек, к которому обращаются, говорит: «Вы ошибаетесь, я египтянин». Он снова идет дальше и обращается к другому человеку: «Спасибо за вашу прекрасную Германию». И снова ответ был очень похожим: «Хм...? Но я румынка». Затем африканец видит милую пожилую женщину и спрашивает. «Вы немка?» - «Нет, я турчанка». Почесав лоб, он спрашивает турчанку: «Странно... где все немцы?» Пожилая женщина некоторое время смотрит на часы и говорит: «Наверно, на работе» (перевод наш – Л.Т., В.Б.).*

Стоит отметить, что в немецкоязычном Интернете существует множество версий данного анекдота (4), и более коротких, и более

длинных, но все они имеют практически одинаковое содержание: в Германии на улицах в рабочее время вы можете встретить человека любой национальности, но только не немца. Причина этому проста: большинство мигрантов живут на государственные пособия, которые позволяют им существовать достаточно безбедно и при этом не устраиваться на работу. Немцам же приходится работать, платить налоги, на которые потом и живут мигранты – герои этих анекдотов.

Этому анекдоту созвучен и другой анекдот про переселенцев:

(5) *Kommt ein Flüchtling nach Deutschland und trifft auf eine gute Fee. Fee zum Flüchtling: "Du hast drei Wünsche frei!" Flüchtling: "Als erstes möchte ich ein Haus, ein Auto, genug Geld und keine Sorgen haben." Schwupps! Und sein Wunsch geht in Erfüllung. Flüchtling: "Außerdem möchte ich, dass alle meine Verwandten hier in Deutschland leben und ihnen soll es genauso gut gehen wie mir." Schwupps! Und auch dieser Wunsch geht in Erfüllung. Flüchtling: "Als letztes wünsche ich mir, Deutscher zu sein." Schwupps! Haus, Auto und Geld wieder weg. Da beklagt sich der Flüchtling: "Wo ist mein Haus, mein Auto, mein Geld und alles geblieben?" Fee: "Du bist doch jetzt Deutscher - da musst du für alles arbeiten!"* (<https://witze.net/>) // Беженец приезжает в Германию и встречает сказочную фею. Фея - беженцу: «У тебя есть три желания!». Беженец: «Прежде всего, я хочу иметь дом, машину, достаточно денег и никаких забот». Пуф! И его желание сбывается. Беженец: «Кроме того, я хочу, чтобы все мои родственники жили здесь, в Германии, и чтобы им было так же хорошо, как и мне». Пуф! И это желание тоже сбывается. Беженец: «Последнее, чего я хочу, это быть немцем». В мгновение ока дом, машина и деньги исчезают. Беженец жалуется: «Где мой дом, моя машина, мои деньги и все остальное?» Фея: «Но ты же теперь немец - ты должен зарабатывать на все!» (перевод наш – Л.Т., В.Б.).

Самая большая часть переселенцев в Германии – турки, они уже занимают целые районы, в которые опасаются заходить немцы. На наш взгляд, турки достаточно миролюбивы, поэтому не совсем понятно, почему именно в анекдотах об отношениях турок и немцев речь практически всегда идет о недоверии к туркам, о взаимной неприязни и т.д. Такое отношение демонстрирует следующий анекдот:

(6) *Fritzchen und Ali sitzen in der Schule. Lehrerin: "Bitte alle die Hand heben, die Deutsche sind." Alle außer Ali heben die Hand. Fritzchen: "Ali, du bist doch hier in Deutschland geboren und aufgewachsen, also bist du Deutscher. Melde dich." Ali meldet sich. Als Ali dann nach der Schule nach Hause kommt und dem Vater davon erzählt, holt dieser aus und haut dem kleinen Ali eine runter. Ali dreht sich um und sagt: "Oh man, kaum ist man Deutscher schon hat man Stress mit den Türken."* (<https://witze.net/>) // Фрицхен и Али сидят в школе. Учительница: «Пожалуйста, поднимите руку, если вы немец». Все, кроме Али, поднимают руку. Фрицхен: «Али, ты родился и вырос здесь, в Германии, поэтому ты немец. Поднимай руку». Али поднимает руку. Когда Али приходит домой после школы и рассказывает об этом своему отцу, тот выходит из себя и шлепает маленького Али. Али поворачивается и говорит: «О Боже, едва ты стал немцем, а у тебя уже проблемы с турками». (перевод наш – Л.Т., В.Б.).

Есть среди немецкоязычных анекдотов и достаточное количество анекдотов, посвященных русским. При этом, стоит отметить, что вторым или третьим участником анекдота в этом случае выступает вовсе не немец, а представитель какой-нибудь другой лингвокультуры. Приведем пример:

(7) *Warum klauen Russen immer 2 Autos? - Ist doch klar. Sie müssen auf ihrem Heimweg noch durch Polen* (<https://witze.net/>). // Почему русские всегда угоняют две машины? – Это очевидно. По пути домой им приходится проезжать через Польшу. (перевод наш – Л.Т., В.Б.).

Данный анекдот (7) хорошо укладывается в языковую картину мира немцев о русских и о поляках. И тех, и других немцы считают лентяями и воришками, поэтому, совместив в одном анекдоте сразу две национальности, они выразили свое отношение и к тем, и к другим.

Стоит отметить, что все анекдоты, где фигурируют поляки, описывают только одно качество поляков – способность украсть все что угодно, не только то, что плохо лежит. Приведем пример:

(8) *Auf dem Trafalgar Square in London öffnet sich ein Kanaldeckel, ein Kobold erscheint und fragt einen Passanten: „Guten Tag, ich bin das kleine rote Teufelchen mit den zwei kleinen grünen Eimerchen, und ich möchte hier gern etwas klauen – wo kann ich das*

denn am besten?“ Antwortet der Passant: Um Gottes Willen, hier ist überall Scotland Yard, die erwischen dich gleich, verschwinde lieber!“ Der Kobold verschwindet. Wenig später öffnet sich auf dem Champs Elysee in Paris ein Kanaldeckel, ein Kobold erscheint und fragt einen Passanten: „Guten Tag, ich bin das kleine rote Teufelchen mit den zwei kleinen grünen Eimerchen, und ich möchte hier gern etwas klauen – wo kann ich das denn am besten?“ Antwortet der Passant: Oh, oh, hier ist überall die Gendarmerie, die erwischen jeden, verschwinde besser!“ Der Kobold verschwindet. Als nächstes öffnet sich der Kanaldeckel in Warschau: „Guten Tag, ich bin das kleine rote Teufelchen mit den zwei – nanu, wo sind denn meine kleinen grünen Eimerchen?“ (<https://witze.net/>). // На Трафальгарской площади в Лондоне открывается крышка люка, появляется гном и спрашивает прохожего: «Здравствуйте, я маленький красный дьявол с двумя маленькими зелеными ведерками, и я хотел бы здесь что-нибудь украсть - где здесь лучшее место для этого?» Прохожий отвечает: «Ради Бога, здесь повсюду Скотланд-Ярд, они поймают тебя через минуту, лучше убирайся отсюда!». Гном исчезает. Чуть позже на Елисейских полях в Париже открывается крышка люка, появляется гном и спрашивает прохожего: "Здравствуйте, я маленький красный дьявол с двумя маленькими зелеными ведерками, и я хотел бы здесь что-нибудь украсть - где лучшее место для этого?». Прохожий отвечает: «О, о, здесь повсюду жандармы, они всех ловят, вам лучше уйти отсюда!». Гном исчезает. Далее открывается крышка люка в Варшаве: «Здравствуйте, я маленький красный чертик с двумя ... О, нет, где мои маленькие зеленые ведерки?» (перевод наш – Л.Т., В.Б.).

Несмотря на то, что в данном анекдоте (8), казалось бы, нет поляка в роли героя анекдота, тем не менее, имплицитно он присутствует.

К немецкоязычным анекдотам относится не только юмор на территории Германии, но и на территории других немецкоязычных стран, таких как Австрия и Швейцария, где также много этнических анекдотов, схожих по характеру и составу с анекдотами, бытующими на территории Германии. Приведем пример анекдота, диалог в котором происходит между швейцарцем и австрийцем:

(9) *Der österreichische Regierungschef besuchte den Schweizer Bundesratspräsidenten, um sich über all diese Österreicher-Witze zu*

beschweren, die man sich in der Schweiz erzählt. „Man könnte auf die Idee kommen, alle Österreicher seien dumm,“ sagte er. „Du solltest das nicht so ernst nehmen,“ antwortete der Bundesratspräsident, „Es handelt sich ja nur um Witze und nicht um Tatsachen. Und es gibt auch dumme Schweizer. Ich werde Dir das gleich beweisen.“ Er ging zu seinem Chauffeur und sagte: „Fahren Sie bitte zu mir nach Hause und sehen sie nach, ob ich dort bin.“ Der Chauffeur machte sich sogleich auf den Weg. „Der ist wirklich strohdumm,“ sagte der österreichische Regierungschef. „Da ist doch eine Telefonzelle. Es wäre doch viel einfacher gewesen anzurufen.“ (<https://witze.net/>) // Глава австрийского правительства посетил председателя Федерального совета Швейцарии, чтобы пожаловаться на все эти австрийские анекдоты, которые они рассказывают друг другу в Швейцарии. «У вас может сложиться впечатление, что все австрийцы глупые», - сказал он. «Не стоит воспринимать это так серьезно, - ответил президент Федерального совета, - в конце концов, это всего лишь шутки, а не факты. Есть также глупые швейцарцы. Я вам это сейчас докажу». Он подошел к своему шоферу и сказал: «Пожалуйста, езжайте к моему дому и посмотрите, дома ли я». Шофер немедленно отправился в путь. «Он действительно глуп», - сказал глава австрийского правительства. - «Там есть телефонная будка. Было бы гораздо проще позвонить». (перевод наш – Л.Т., В.Б.).

Анекдот (9) представляет собой автостереотипный тип анекдота, где швейцарцы смеются над самими собой, давая глупые поручения своим подчиненным.

Часто говорят, что юмор – это только развлечение и смех, и, возможно, это отчасти правда. Но только до тех пор, пока все участники общения согласны с нормами юмора. Открытость в интерпретации анекдота как юмора или оскорбления напрямую связана с общественным единодушием по поводу того, над чем разрешено смеяться публично. Этот консенсус – обычно в современном мире называемый политкорректностью - следует подвергнуть сомнению, поскольку юмор не является универсальным. Как набор ценностей и норм, юмор не может быть одинаковым в каждой стране, как, например, свобода прессы, которая в последнее время используется для легитимации этнических шуток, вызывая волны протестов в связи с

оскорблением чувств верующих. Поэтому мы сознательно не рассматривали в данной статье и не приводили примеры анекдотов на религиозную тематику, считая даже их наличие на сайтах анекдотов оскорблением чувств верующих. Но стоит отметить, что они есть, и их немало.

При исследовании корпуса этнических анекдотов авторы применили метод статистического анализа, классифицировав все собранные анекдоты по встречающимся в них национальностям и народностям. Данные результаты представлены на диаграмме 1 «Частотность использования национальности (народности) в текстах этнических анекдотов в % от общего числа».

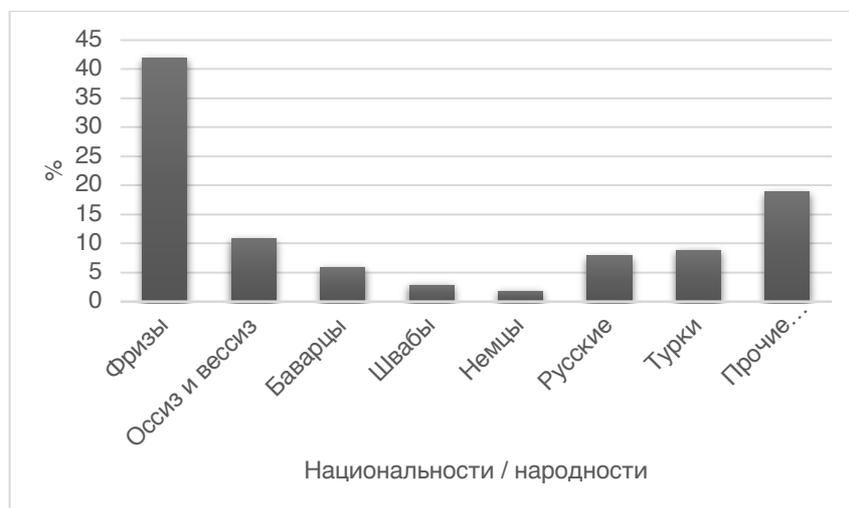

Диаграмма 1. Частотность использования национальности (народности) в текстах этнических анекдотов в % от общего числа

Как видим из представленной диаграммы, 42% всех этнических анекдотов посвящено фризам – жителям Восточной Фризии. На долю анекдотов, в которых упоминаются оссиз и вессиз, приходится 11%. Анекдоты о баварцах – 6%, замыкают эту «тройку» анекдоты о швабах (3%) и немцах (2%). Среди гетеростереотипных анекдотов особое место занимают анекдоты о

русских (8%) и турках (9%). 19% всех оставшихся этнических анекдотов делят между собой представители прочих национальностей: поляки, австрийцы, турки, американцы, итальянцы. Стоит отметить, что в этнических анекдотах прослеживается и набор некоторых характеристик, которыми создатели анекдотов одаривают те или иные национальности или народности. Так, шутя о жителях Восточной Фризии, чаще всего создатели анекдотов упоминают глупость. Если речь идет об оссиз, то скорее всего будет высмеиваться глупость и леность, а если о vessиз – то заносчивость и владение плохими машинами. Над баварцами смеются из-за их никому непонятного диалекта и глупости, якобы присущей этим людям. Швабов высмеивают за жадность и диалект. Сами над собой немцы смеются, упоминая в анекдотах немецкий бюрократизм, хитрость и лень; несмотря на то, что немцы считаются очень трудолюбивой нацией, в анекдотах часто можно увидеть такую самокритику лени. Если анализировать анекдоты о русских, то чаще всего в них встретится русская бесшабашность, алкоголизм, плохие машины и, как ни странно, немцы все еще шутят о недостатке товаров на полках русских магазинов, хотя времена пустых полок давно прошли.

Выводы

Проанализировав собранный корпус анекдотов статистическим методом, авторы получили следующие данные: большая часть этнических анекдотов (64 %) относится к разряду автостереотипных анекдотов, в которых немцы шутят о себе; меньшая часть (36%) анекдотов посвящена другим национальностям, т.е. относится к разряду гетеростереотипных. Стоит отметить, что большинство анекдотов отображают стереотипное отношение к той или иной нации и, соответственно, дают стереотипную картину мира. Большинство этнических анекдотов строится на определенных шаблонах, их сюжеты довольно часто созвучны, герои похожи на героев анекдотов других стран. Часто герои анекдотов попадают в типичные ситуации, что также может говорить о стереотипности. Не всегда в этническом анекдоте высмеиваются некие отрицательные черты, часто встречаются и анекдоты с беззлобным подшучиванием над представителями той или иной нации. Есть и схожесть, например, с русскоязычными анекдотами: если в «тройственном» анекдоте

(немец, русский и поляк или другие сочетания национальностей), созданном немцами, положительным героем всегда будет немец, то в русскоязычном анекдоте при таком же наборе героев положительным героем всегда будет русский. Не всегда (и даже в преобладающем большинстве анекдотов) представителю национальности, высмеиваемому в разных анекдотах, действительно присущи те черты, о которых говорится в анекдоте.

На наш взгляд, немецкоязычный этнический анекдот служит репрезентантом языковой картины мира немцев. Исходя из проанализированных анекдотов, можно понять, какое представление имеют немцы о самих себе и о других национальностях. Думается, можно полагать, что именно анекдоты служат трансфером лингвокультурной информации и заставляют слушателей поверить в то, что те или иные национальности действительно обладают приписываемыми им чертами.

Литература

1. Апте Махадев Л. Юмор и смех: антропологический подход. Итака, Нью-Йорк: Издательство Корнельского университета. – 1985. – 317 с.
2. Малюга Е. Н. Функции юмора в устном англоязычном экономическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2020. – № 6. – С. 31-43.
3. Сулейманова О. А., Фомина М. А., Тивьяева И. В. Принципы и методы лингвистических исследований: учебное пособие; отв. ред. О. А. Сулейманова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Языки Народов Мира; НВИ, 2020. – 352 с.
4. Тавадов Г.Т. Этнология. Учебник для вузов М.: Проект, 2002, с. 352.
5. Тюкина Л. А., Мельникова К. А., Бабаян В. Н. Проблема непонимания в юмористическом дискурсе // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам : Сборник научных статей по итогам IX Международной научно-практической конференции, Брянск, 14–16 октября 2021 года. – Брянск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный инженерно-технологический университет», 2021. – С. 95-100.

6. Ямских Т. Н. Использование анекдотов в качестве учебных текстов при обучении иностранным языкам // Научно-педагогическое обозрение. – 2014. – № 4(6). – С. 55-59.
7. Bartmiński Jerzy. Der Begriff des sprachlichen Weltbildes und die Methoden seiner Operationalisierung // Text und Diskurs. – 2012. – S. 261-289.
8. Cui Peiling. Deutscher und Chinesischer Humor - eine kontrastive Studie zu deutschen und chinesischen ethnischen und Familienwitzen // Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde durch den Promotionsausschuss Dr. Phil. der Universität Bremen. – Bremen, den 26. August 2008. – 217 S.
9. Davies Christie. Ethnic Humor around the World: A Comparative Analysis. Bloomington: Indiana University Press. – 1990. – 404 p.
10. Ik-ptz.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://ik-ptz.ru/de/9-ponyatie-yazykovoi-kartiny-mira-yazykovye-kartiny-mira.html> (дата обращения 10.02.2023).
11. Röhrich L. Der Witz: Figuren, Formen, Funktionen // Stuttgart: J.B. Metzler, 1977. – S. 342.
12. Witze.net. [Электронный ресурс]. URL: <http://witze.net> (дата обращения 06.02.2023).

Refereneces

- Apte, Mahadev L. (1985). *Yumor i smekh: antropologicheskij podhod [Humour and laughter: an anthropological approach]*. Itaka, N'yu-Jork: Izdatel'stvo Kornel'skogo universiteta.
- Malyuga, E. N. (2020). Funkcii yumora v ustnom angloyazychnom ekonomicheskom diskurse [Functions of humour in oral English-language economic discourse]. *Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology*, 6, 31-43.
- Sulejmanova, O. A. (2020). *Principy i metody lingvisticheskij issledovanij: uchebnoe posobie [The principles and methods of linguistic research: textbook]*. M: YAzyki Narodov Mira.
- Tavadov G.T. (2002). *Etnologiya. Uchebnik dlya vuzov [Ethnology. Textbook for Universities]*. M.: Proekt.
- Tyukina, L. A. (2021). Problema neponimaniya v yumoristicheskom diskurse [The problem of misunderstanding in the humorous discourse]. In *The issues of modern philology and language*

- teaching methodology problems: Collection of scientific papers on the IX International scientific conference, Bryansk, 14-16 October 2021*, (pp. 95-100). Bryansk: Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education Bryansk State Engineering and Technological University.
- Yamskix, T. N. (2014). Ispol'zovanie anekdotov v kachestve uchebnyh tekstov pri obuchenii inostrannym yazykam [The use of anecdotes as learning texts in teaching foreign languages]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*, 4(6), 55-59.
- Bartmiński, Jerzy. (2012). Der Begriff des sprachlichen Weltbildes und die Methoden seiner Operationalisierung. *Text und Diskurs*, 5, 261-289.
- Cui, Peiling. (2008). *Deutscher und Chinesischer Humor – eine kontrastive Studie zu deutschen und chinesischen ethnischen und Familienwitzen [German and Chinese Humor - A Contrastive Study of German and Chinese Ethnic and Family Jokes]*. (Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde durch den Promotionsausschuss Dr. Phil. der Universität Bremen. Bremen.)
- Davies, Christie. (1990). *Ethnic Humor around the World: A Comparative Analysis*. Bloomington: Indiana University Press.
- Ik-ptz.ru. (2023). Retrieved from: <https://ik-ptz.ru/de/9-ponyatie-yazykovoi-kartiny-mira-yazykovye-kartiny-mira.html> (Accessed 10.02.2023)
- Röhrich, L. (1977). *Der Witz: Figuren, Formen, Funktionen*. Stuttgart.
- Witze.net. (2023). Retrieved from: <http://witze.net> (Accessed 06.02.2023)

УДК 81'23

Т. Цзинь

Российский университет дружбы народов

**ОТ ЗНАЧЕНИЯ К МОТИВИРОВАННОСТИ:
КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ
РЕЗУЛЬТАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ ¹**

В статье рассматривается когнитивный подход к интерпретации функции показателей направления в результативной конструкции в китайском языке как альтернативная точка зрения по отношению к традиционной теории грамматикализации. Цель исследования – проанализировать причины неэффективности традиционной теории в плане формирования реальных грамматических навыков и продемонстрировать возможности альтернативного подхода в плане объяснения мотивированности выбора определенного показателя говорящим в определенных ситуациях. Основной метод исследования – дедукция. Для иллюстрации различий между двумя подходами рассмотрено применение трех показателей направления к действию «покупать». Выявлено, что ограниченность объяснительной силы теории грамматикализации обусловлена двумя не совсем верными исходными допущениями. Первое допущение заключается в тождестве между упорядочиванием языковых явлений и языковым упорядочиванием познаваемого. Второе допущение – в тождестве между самой семантикой и механизмом ее генерации. Показано, что схожая грамматическая функция показателей направления в разных языках – следствие отождествления человеком направленности движения в пространстве и направленности перемен во времени. Наблюдаемая «грамматикализация» в языке представляет собой процесс не семантический, а когнитивный. Выбор того или иного показателя направления прежде всего связан не с действием как

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Государственного фонда социальных наук Китая (проект №16ZDA209)

таковым, а с пропозициональной установкой человека-субъекта познания: при порождении сообщения о некоем результате человек оценивает состояния «до» и «после», определяя сущностные различия между ними. Новый подход в практическом плане может способствовать формированию у иностранных обучающихся навыков «угадать» видение носителей китайского языка, а в теоретическом плане может быть полезным для познания механизма генерации семантики.

Ключевые слова: познание, показатель направления, конструкция, ментальная модель, категоризация

UDC 81'23

T. Tszin

RUDN University

**FROM MEANING TO MOTIVATION:
COGNITIVE APPROACH TO THE INTERPRETATION OF
RESULTATIVE CONSTRUCTION IN THE CHINESE
LANGUAGE**

The paper deals with the cognitive approach towards the interpretation of direction attributes function in the resultative construction of the Chinese language as a perspective opposing the conventional theory of grammaticalization. The objective of the study is to analyze the reasons why the conventional theory is ineffective with regard to the formation of real grammar skills and to demonstrate the benefits of the alternative approach in explaining the reasons why the speaker chooses a certain attribute in particular situations. The basic method of the study is deduction. To illustrate the differences between the two approaches, the author has studied the application of three direction attributes to the action 'to buy'. Factors that limit the grammaticalization theory's explanatory power are two incorrect initial assumptions. The first is the assumed equality between regulation of language phenomena and the language regulation of the cognizable. The second is the assumed equality between the semantics itself and the mechanism of its generation. This study shows that the similar grammatical function of direction attributes in different languages is caused by the human equating trajectory in space to changes in time. The grammaticalization

observed in the language is not a semantic, but a cognitive process. The choice of one or another direction attribute is primarily connected not with the action by itself, but with the propositional mindset of the human knowing: by generating the message about a result, the person assesses the states 'before' and 'after,' defining the core differences between them. In practice, the new approach may help non-native speakers develop the skills to 'guess' the perspective of Chinese native speakers. In theory, it may be useful for learning the mechanism of the semantics' generation.

Key words: cognition, direction attribute, construction, mental model, categorization

Введение

Устоявшаяся теоретическая грамматика, как принято считать, дает общее представление о грамматическом строе языка и его функционировании. Однако и представление о самой грамматике, и базовые грамматические понятия были сформированы еще в эпоху, когда язык исследовался как самостоятельная система вне контекста человека. Несмотря на установление антропоцентризма и когнитивизма в лингвистике, позиция традиционной грамматики по-прежнему прочна и остается все еще той версией, по которой, в частности, язык обучается как иностранный. Но именно при обучении языку как иностранному особо видна оторванность грамматики в виде строя языковой системы от реальных правил функционирования языка как языковой способности человека. Получается парадоксальная ситуация: базовые грамматические навыки родного языка на самом деле формируются в дошкольные годы у ребенка в ходе естественного процесса филогенеза, т. е. без обращения к описанной лингвистами грамматике, а преимущество взрослого в плане восприятия абстрактных грамматических понятий и правил отнюдь не является тем фактором, способствующим формированию реальной грамматической компетенции в ходе изучения иностранного языка.

На эту проблему обращают внимание и преподаватели-практики, и лингвисты-теоретики. Первые видят решение в когнитивном подходе в обучении, направленном на повышение активности мышления у обучающихся и способствующем пониманию внутренних когнитивных форм и смысловой интенции языковых

единиц, привычных для носителей другого языка (Табаченко, 2009; Беляевская, 2013). Теоретики оценивают наблюдаемую «неэффективность» грамматики как сигнал необходимости смены описательного характера лингвистики на объяснительный (Кибрик, 2003), необходимости внесения корректировки существующих грамматических теорий и концепций (Тань Аошун, 2002). Нам особо близка точка зрения А. В. Кравченко о необходимости смены базовых положений когнитивизма о репрезентативной функции сознания и языка на представление о биосоциальной функции языка как когнитивной области кооперативных взаимодействий, в ходе которых формируется и развивается индивидуальное сознание (Кравченко, 2016, с. 14). Причина «неэффективности» грамматики коренится в том, что она изначально была направлена на описание языка как знаковой системы, а не на познание онтологии данной системы, т. е. не на познание языковой способности человека. Полученное при таком подходе знание о грамматических правилах, скорее, лишь «видимая часть айсберга», а реальная грамматическая компетенция в значительной степени опирается на ментальные процессы, которые происходят подсознательно и автоматизированно, но являются конвенциональными для определенного языкового коллектива. Таким образом, повышение «эффективности» грамматики в плане формирования реальных навыков в ходе обучения иностранному языку зависит от того, насколько интерпретация грамматических явлений сможет открыть для обучающихся доступ к подобным ментальным процессам. И эта цель вряд ли может быть достигнута лишь внесением корректировок в существующую теорию. Для этого требуется новый подход, отталкивающийся от того, что за всеми языковыми явлениями стоит человек – субъект познания.

В настоящей работе мы предпринимаем попытку предложить новую интерпретацию одного из сложных грамматических явлений китайского языка для иностранных обучающихся: способ выражения «результативности» события, в частности, когда «результативность» передается различными показателями направления движения, которые могут выступать и в качестве самостоятельного глагола для конструирования сообщения о перемещении в физическом пространстве.

Методология

Любое научное познание начинается с выбора исходных аксиом и определений, познание языка тоже не исключение. Разные лингвистические теории содержат в себе некие постулаты или ряд допущений по отношению к языку, взаимоотношению между языком, мышлением, действительностью (Кошелев, 2008; Глебкин, 2014). «Однако если в математике аксиоматика разных ее разделов является предметом рассмотрения специального раздела – теории математического вывода, – то в лингвистике проблемы аксиоматики не привлекают особого внимания исследователей» (Беляевская, 2008, с. 65). Между тем, вывод логично вытекает из исходных допущений, поэтому для поиска нового подхода мы прежде всего попытаемся определить, на каких допущениях основывается традиционный подход к интерпретации «результативной конструкции» в китайском языке и почему именно этими допущениями и обусловлена слабая объяснительная сила традиционной теории. В свою очередь, особое внимание обращено на обоснование нового допущения для альтернативного подхода. Основным методом исследования – дедукция. Для иллюстрации различий между двумя подходами проанализировано применение трех показателей направления движения к действию «покупать».

Конструкция как языковая единица и уязвимость идеи о грамматикализации

Традиционно возникновение грамматической функции у показателей направления рассматривается как процесс грамматикализации, под которой понимается феномен появления у знаменательной языковой единицы служебных функций и значений (Антонян, 2003, с. 77), согласно чему показатель в результативных конструкциях именуется китайскими исследователями как 趋向补语 («комплемент со значением направления»), русскими исследователями – «направительная морфема», «модификатор», «результатив». Все эти термины подразумевают, что единица «результативная конструкция» делится на глагол-основу и добавочную частицу, с помощью которой выражается «результативность» действия. На практике подобные конструкции описываются двумя способами: 1) перечисляются возможные варианты сочетания конкретного глагола с показателями направления и примеры их применения

(Ханьюйдунцыюнфацыдянь, 1999); 2) описываются возможные значения показателей направления при их сочетании с определенными глаголами (Лю Юэхуа, 1998). Фактически мы имеем в результате лишь списочное описание семантики, остаются за скобками вопрос о том, почему одни сочетания корректны, а другие недопустимы, а также вопрос о том, почему при определенном сочетании возникает определенное значение.

Если рассматривать конструкцию как двухкомпонентную единицу, то деление на глагол-основу и добавочную частицу может показаться совершенно естественным, но на самом деле достоверных аргументов в пользу такого определения основы – нет. Во-первых, мы не можем утверждать, что показатель направления имеет отношение лишь к самому действию, во-вторых, неоднозначен также вопрос о том, действительно ли действие каким-то образом «модифицируется» в ситуациях, когда к нему применяются разные показатели.

Вот пример: существует действие «обмен денежных средств на какой-то объект», обозначенное в китайском языке как 买 *mai*. Подобное действие, как правило, достигает своего результата после совершения действия во времени, и, как следствие, глагол 买 *mai* при комбинации с оператором переключения состояния 了² может указывать на достижение результата действия:

苹果我买了 ‘яблоки + я + 买 + оператор переключения состояния 了’ – Яблоки я уже купил (купила).

Но допускаются также комбинации этого глагола с несколькими показателями направления, в том числе:

买到 *maidao* ‘买 + показатель достижения некоего конечного пункта движения’;

买上 *maishang* ‘买 + показатель движения вверх’;

买下 *maixia* ‘买 + показатель движения вниз’.

² Термин заимствован у Тань Аошуан (Тань Аошуан, 2002, с. 386).

При применении разных показателей ни само действие 买 *mai*, ни его результат никак не модифицируются: инициатор действия получил / получит некий объект в свое распоряжение после затраты денежных средств. В принципе этими вариантами может быть обозначена покупка одного и того же объекта, например, 一套房子 *yitao fangzi* ‘один + комплект, набор + дом – *квартира*’:

买到一套房子 *maidao yitao fangzi* ‘买 + показатель достижения некоего конечного пункта движения + *квартира*’;

买上一套房子 *maishang yitao fangzi* ‘买 + показатель движения вверх + *квартира*’;

买下一套房子 *maixia yitao fangzi* ‘买 + показатель движения вниз + *квартира*’.

Впрочем, оператор переключения состояния 了 также вполне достаточен для передачи «результативности» данного процесса: 买了一套房子 *maile yitao fangzi* – процесс обмена завершен, инициатор действия получил квартиру.

Естественно, эти варианты не эквивалентны. Вывод очевиден: показатель направления имеет отношение далеко не только к самому действию.

Деление конструкции на составляющие и определение взаимоотношения между составляющими – подход, соответствующий познавательной стратегии, сложившейся в европейских научных традициях. Как пишет об этом видный биохимик и англиканский священник Артур Пикок: «...человек смотрит на мир как на чужой и противоположный себе объект. Такой взгляд на мир повлек за собой процесс абстрагирования, в котором мировые явления и процессы распались на составляющие. ... Требовался методологически редуционистский подход для ответа на вопросы ‘новой философии’: ‘Какие вещи существуют’ затем ‘В каких отношениях находятся они друг с другом’, и наконец ‘Какими законами описываются эти отношения’» (Пикок, 2013, с. 3–4). Но такая стратегия вообще не гарантирует истинность результатов познания. «Можно согласиться с необходимостью методологической редукиции, иными словами, с

тем, что, желая понять работу сложной системы и взаимодействие ее элементов, необходимо разложить ее на составные части и исследовать их по отдельности. Об этом никто не спорит. Спор начинается в вопросе об отношении нашего познания сложных систем к их онтологии, то есть о соотношении того, какими мы их видим, и того, каковы они на самом деле» (Пикок, 2013, с. 79–80). Предположение о языке как системе единиц с определенной структурой и соответствующий дифференцирующий подход к его исследованию отражает желание упорядочивать сами языковые явления, а аргументов для утверждения тождества между упорядочиванием языковых явлений и языковым упорядочиванием познаваемого – нет.

С установлением антропоцентризма в лингвистике активно ведется исследование семантики показателей направления движения в русле теории «ориентационной метафоры», выдвинутой в конце прошлого века Дж. Лакоффом и М. Джонсоном (Lakoff & Johnson, 1980), в ходе которого выявляется вариативность семантики показателя одного и того же направления в разных языках, и исследователи склонны рассматривать эту вариативность как проявление особенности культуры, менталитета, логики или мышления (Чэнь Яньпин, 2011; Сунь Цзянь, Цянь Чжифу, 2014; Антонян, 2014). Такой вывод, на наш взгляд, методологически предопределен. Дело в том, что исследование семантики показателей направления в целом проводится согласно теории о «семантической деривации», когда формирование семантического объема конкретных языковых единиц рассматривается как изменение исходного значения в результате семантических процессов (метафорических и метонимических переносов, расширения и сужения значения) (Кустова, 2000). Поскольку непространственная семантика показателей направления в разных языках объективно не совпадает, то придется признать, что «сдвиги» у показателей одного и того же направления движения из разных языков происходят по-разному. Однако полученное представление об обусловленности семантического объема определенного показателя в определенном языке менталитетом или мышлением носителей этого языка на самом деле мало что объясняет. Ведь процесс оформления у человека менталитета или особенного образа национального мышления вряд ли отделим от

процесса осваивания своего родного, национального языка. И при обучении языку как иностранному говорить о том, что носители понимают значение в определенных ситуациях определенным образом, потому что они представители своей культуры и своего национального менталитета, – бессмысленно.

Представление о семантической деривации, по сути, является еще одним проявлением упомянутой нами выше познавательной стратегии методологической редукции: сначала выделяются отдельные значения, затем выявляются связи между ними, потом последует попытка объяснить, какими законами регулируются эти связи. Естественно, когда мы смотрим на семантику как некую систему с определенной структурой, в результате ее исследования непременно выявляется какая-то структура, и она вполне реальна для тех, кто ее выявляет. Но встает опять же вопрос онтологического характера: на самом ли деле семантика развивается согласно намеченным семантическим процессам? Зарождается ли семантика непосредственно из семантики? Опирается ли понимание нового смысла на какие-то операции непосредственно над значениями? Ответы на эти вопросы, скорее, отрицательные. Достаточно представить, что перед нами идеальный обучающийся, который выучил многочисленные значения каждого из этих показателей направления в китайском языке и встречается некий новый глагол в комбинации с определенным показателем. Перед ним будет очень непростая, а скорее, невыполнимая задача: решить, какое значение этого показателя проявится при комбинации именно с новым глаголом. Запоминание же значения комбинации конкретного глагола с конкретным показателем, истолкованного с помощью определенного глагола (или нескольких глаголов) из родного для обучающихся языка лишь усиливает нежелательный эффект интерференции родного языка, ибо такое толкование не раскрывает ни истинную семантику, ни условия применения этих комбинаций.

Конструкция как ментальная модель и идея о категоризации перемен

Следует отметить, что сегодня в целом меняется взгляд на язык, соответственно и подход к его исследованию. В частности, активно развивается лингвистика конструкций, когда в качестве основной единицы языка рассматривается как раз конструкция. При этом под

конструкцией понимается «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» (Рахилина, Кузнецова, 2010, с. 20). Такой взгляд избавляет нас как от ложного искушения выделить элементарные единицы языка и описания правил функционирования языка путем выявления взаимоотношений между элементарными единицами, так и от неэффективной попытки описать семантику конструкции как процесс комбинирования значений ее составляющих частей. Рассмотрение конструкции должно начинаться с порождающего ее человека-субъекта познания. Значит, прежде всего надо найти правдоподобный ответ на вопрос о том, почему именно с показателями направления произошла подобная «грамматикализация».

Не так давно этологи Марк Хаузер и Уильям Текумзе Фитч совместно с лингвистом Ноамом Хомски на основе явления рекурсии – сходства между построением сложной структуры высказывания и навигационной способностью запоминания сложного маршрута – выдвинули гипотезу о том, что человеческая способность строить высказывание эволюционировала из мозговой структуры, отвечающей у животных за другие функции, такие как навигация (Hauser et al, 2002). На наш взгляд, в пользу этой гипотезы говорит еще и тот факт, что языковые элементы, имеющие отношение к ориентации, в том числе и интересующие нас показатели направления, выполняют чрезвычайно важную грамматическую функцию. Анализируя применение разных синтаксических конструкций как структурирование и переструктурирование событий, Стивен Пинкер отмечает, что «в английском языке изменяющаяся сущность трактуется так же, как сущность перемещающаяся» (Пинкер, 2016, с. 64). Крайне важно отметить, что трактовка изменения через перемещение характерна не столько какому-то конкретному языку, сколько человеку как субъекту познания, который воспринимает процесс движения как процесс, приводящий к переменам. Строго говоря, во время физического движения в физическом пространстве в каждый конкретный момент человек может двигаться только в одну сторону, но в языке существует целый набор показателей направления. Языковая дифференциация направления происходит

за счет включения в фокус внимания местонахождения до и после перемещения, а также возможное препятствие на пути перемещения. Осознание разницы между нахождением в начальном пункте и нахождением в конечном пункте влечет за собой представление о переменных. Таким образом, направленность движения в пространстве и направленность перемен во времени для человека – практически одно и то же. То, что показатели направления в разных языках выполняют схожую грамматическую функцию в плане выражения «результативности» – следствие такого отождествления.

Если говорить о русском языке, то все глагольные приставки также непосредственно связаны с восприятием направления. Термины «приставка» и «префикс» по отношению к показателям направления в русском языке, так же как и «направительная морфема», «модификатор», «результатив» по отношению к показателям направления в китайском языке, отражают исходный подход к рассмотрению языка как системы единиц – от элементарных до крупных, и вытекающее из данного подхода представление о морфологической и семантической комбинаторности. При этом признается исследователями семантики приставок то, что приставка может доминировать над глаголом, при взаимодействии значений приставки, глагольной основы и других элементов ближайшего контекста центральное место отведено приставке (Добрушина, Пайар, 2001), и именно приставка задает некоторый сценарий развития ситуации, и в осуществлении этого сценария участвуют разные факторы, в том числе – глагольная основа (Кронгауз, 1998). Налицо сходство с нашим выводом о том, что показатель направления имеет отношение далеко не только к самому действию.

Таким образом, если отложить в сторону априорное представление о результативной конструкции как двухкомпонентной единице и семантической комбинаторности, то очевидной становится когнитивная функция показателей направления: с их помощью человек определяет характер перемен. Выбор того или иного показателя направления при конструировании события зависит от оценки первоначального и конечного состояния, подобно тому, как человек определяет направление движения в физическом пространстве на основе

оценки первоначального и конечного местоположения. Объективно наблюдаемый процесс «грамматикализации» в языке по сути является процессом не семантическим, а когнитивным, и мы в действительности имеем дело с категоризацией перемен с помощью показателей направления: каждый показатель направления является овеществленным фиксатором определенной ментальной модели движения, способной конструировать большое количество перемен. С этой точки зрения, конструирующей ситуацию основой является не глагол, а показатель направления, с помощью которого человек определяет тенденцию и характер перемен, а обозначенное глаголом действие – лишь конкретный способ осуществления перемен.

Вся сложность заключается в том, что дифференциация направления движения для определенного этноса носит интересубъективный характер, и набор интересующих нас показателей направления варьируется в естественных языках³. Иными словами, при общности умения построения моделей с опорой на собственную навигацию в физическом пространстве допускается множество вариаций подобных моделей. Эти вариации в равной степени приемлемы для человека, но в каждом языке функционирует лишь определенный набор возможных моделей. Оказавшись в раннем детстве в определенной языковой среде, мозг человека «закрепляет» присущий этому языку набор моделей. В этом, на наш взгляд, и проявляется функция языка, названная А. В. Кравченко как «биосоциальная». А закрепленный набор моделей в дальнейшем уже работает, скорее всего, в фоновом режиме, и обеспечивает «понимание» друг друга внутри языкового коллектива в различных ситуациях.

Мотивированность выбора показателя направления

Итак, вернемся к нашему вопросу: чем же мотивирован носитель китайского языка при выборе того или иного показателя направления, когда совершается одно и то же действие «обмен денежных средств на какой-то объект»? Когда мы рассматриваем

³ Об интересубъективном характере дифференциации направления движения хорошо свидетельствуют результаты психолингвистического эксперимента, проведенного нами среди носителей русского и китайского языков (Цзинь, 2014).

показатель направления как основу конструирования перемен, то его функция уже не ограничивается самой результативной конструкцией, т. е. выбор того или иного показателя направления прежде всего связан не с действием как таковым, а с пропозициональной установкой человека-субъекта познания: при порождении сообщения о некоем результате человек оценивает состояния «до» и «после», определяя сущностные различия между ними. От этой оценки и зависит выбор того или иного показателя направления. Поскольку применение определенного показателя направления для конструирования перемещения в физическом пространстве и перемен во времени сигнализирует нам о реализации одной и той же модели движения, то анализ ситуаций, пространственных и непространственных, приводит нас к выяснению того, как абстрагируется первоначальное восприятие перемещения в пространстве человеком-субъектом познания, какое представление о характере перемен формируется в ходе такой абстракции и почему.

Показатель 到 dao акцентируется на «достижении пункта назначения», и в этом акцентировании заложено, прежде всего, выделение некой точки в пространстве среди всех возможных точек. «Достижение» в этом случае может подразумевать «попадание в нужную точку среди множества точек»⁴, что сопряжено с пониманием выполнения ряда условий, в том числе «держание правильного курса», «преодоление возможных сложностей на пути к нужной точке»⁵. Следовательно, модель достижения нужной точки подходит к ситуациям, когда некий целевой объект изначально «размещен» человеком-субъектом познания в некой точке в пространстве (физическом или

⁴ За одним показателем направления может быть закреплено несколько возможных вариаций модели движения. В рамках этой статьи наша цель заключается в иллюстрации объяснительной силы идеи о категоризации на примерах, когда в определенную вариацию допускается интеграция такого действия, как «покупать». Подробный анализ показателя 到 и различия между ним и русским «до» проведен в другой работе (Цзинь, 2022)

⁵ «Курс» и «путь» в модели движения указывает на тенденцию перемен, а не только на траекторию перемещения, реализуемого в физическом пространстве.

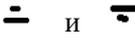
воображаемом) среди всех возможных. В свою очередь, такое «размещение» может быть мотивировано тем, что человек-субъект познания знает, что целевой объект существует только в единичном варианте, или только в одном месте, или по какой-то причине целевой объект может исчезнуть с этого места. В такую модель может быть интегрировано действие «покупать», при этом размещение целевого объекта – товара – в особую точку продиктовано знанием о том, что товар является дефицитным или пользуется большим спросом (его можно найти только в определенных местах и/или в определенное время). Кроме «покупать», в модель могут быть интегрированы разного рода действия, в которых допускается присутствие аспекта «поиск». Например:

事问到了吗? Shi wendaolema? ‘дело, событие, происшествие + спрашивать + 到 + оператор переключения состояния + вопросительная частица’ – *Удалось узнать?*

Применение 到 продиктовано тем, что говорящий предполагает наличие некоего источника информации касательно некоего дела и размещает его в некую особую точку в пространстве. Для получения нужной информации инициатор действия «спрашивать» должен найти или попасть в «нужную точку» среди множества возможных источников.

我怎么没有想到这一点。Wo zenmo meiyou xiangdao zheyidian. ‘я + как + не, нет + думать + 到 + эта точка’ – *Как это я не подумал(-ла) об этом. Как это я не учел (учла) этого.*

Ситуация конструирована по аналогии с размещением физического объекта на некой особой точке в физическом пространстве: любая единица сознания, включая все, что хранится в памяти, и все, что может сформироваться в ходе мыслительного процесса, получает локализованную, оперируемую ментальную репрезентацию в виде «точки». В данном применении 到 просматривается наше представление о собственном мыслительном процессе как о процессе не совсем подвластном, иными словами, его ход не всегда нами осознается, но его результат становится осознанным, как только достигнет некой «точки» – единицы памяти или новосформированной мысли.

Показатели 上 shang и 下 xia образно симметричны и носят иконический характер. Их прообраз – и (Ханьцзыюанлюцзидянь, 2003, 24, 19) – еще нагляднее отражают подобие между означающим и означаемым: восприятие ВЕРХ и НИЗ опирается на некую линию отсчета, а короткой черточкой обозначается соответствующая зона относительно этой линии. Опрос носителей языка показывает, что для обоих показателей характерен синкретизм восприятия статичного положения и динамического процесса (Цзинь, 2014, 47). За 上 shang зафиксировано одновременно представление о статичном ВЕРХ как некой точке на вертикально направленной линии и представление о динамическом процессе ВВЕРХ для достижения данной точки. 下 xia указывает одновременно на зону, расположенную ВНИЗУ, и процесс, приводящий к позиционированию субъекта самокаузации или объекта каузации в этой зоне.

上 применяется для конструирования перемен с тенденцией ВВЕРХ, включая ситуации, когда некий целевой объект «размещен» в положении ВЕРХ. Вертикально направленная линия может служить некой шкалой, а движение вверх по этой линии сигнализирует об усилении некоего признака. Когда целевой объект действия «покупать» «размещается» говорящим в положении «ВЕРХ», то объект оценивается как нечто «дорогостоящее», «престижное». В целом речь идет не только о результативности покупки в отношении такого объекта, но и о подъеме покупательной способности у инициатора действия. Иными словами, моделью движения вверх конструируются перемены к некоему улучшению. Примечательно, что это улучшение может не иметь прямого отношения к интегрируемым в данную модель действиям, решающим фактором является именно мотивированность «размещения» объекта на более высоком положении по вертикальной шкале.

Выражение 买上一套房子 maishang yitao fangzi ‘покупать +上+ квартира’ корректно, например, в контексте 要多少年才能买上一套房子? Yao duoshao nian caineng maishang yitao fangzi ‘требоваться + сколько лет + только + возможно + покупать +上+ квартира’ – *Сколько лет нужно (копить деньги), чтобы купить квартиру?*

«Размещение» объекта на более высоком положении по вертикальной шкале продиктовано знанием о его высокой стоимости.

用上了煤气 yongshangle meiqi ‘использовать + 上 + оператор переключения состояния + природный газ’ – *Подключили газ*. Выражение корректно на фоне знания о том, что природный газ без соответствующей инфраструктуры недоступен населению, и потому может быть «размещен» на более высоком положении по шкале, и 上 указывает на перемены к лучшему, когда ранее недоступный газ стал доступным.

吃上了鲜鱼 chishangle xianyu ‘есть, кушать + 上 + оператор переключения состояния + свежая рыба’ – *(Теперь) можно приготовить блюда и из свежей рыбы*. Выражение корректно благодаря наличию оговорки о свежести рыбы. На фоне знания о том, что натуральные продукты быстро портятся, мотивированность «размещения» *свежей рыбы* на более высоком положении по шкале оценки очевидна, и 上 указывает на перемены, когда свежая рыба стала доступной простым людям благодаря, например, улучшению логистики. А выражение без элемента «свежесть» – 吃上了鱼 – может показаться некорректным из-за того, что причина «размещения» *рыбы* на более высоком положении по шкале оценки не столь ясна. Такая неясность может быть снята, например, при добавлении географического ограничения: 这里的人也吃上了鱼 Zhelide ren ye chishangle yu ‘здешний + человек, люди + тоже + есть, кушать + 上 + оператор переключения состояния + рыба’ – *Блюда из рыбы появились и на столе здешнего населения*. В этом случае мотивированность «размещения» *рыбы* на более высоком положении по шкале оценки становится понятным на фоне знания о том, что рыбу можно добыть не везде. Применение 上 сообщает о том, что для *здешнего населения* до перемен к улучшению «рыба» ценилась из-за ее отсутствия в данной местности.

下 xia указывает на место, расположенное ВНИЗУ, и некий процесс, приводящий к позиционированию некоего объекта в этой зоне. Крайне важно при этом понимать, каким образом

определяется эта зона, иными словами, относительно какого ориентира определяется зона ВНИЗУ. По сравнению с 到 и 上, при применении 下 для конструирования ситуации с действием «покупать» наиболее жестким образом регламентируются объекты, на которые может быть направлено такое действие. По сути, речь может идти только о приобретении права собственности на недвижимость или предприятие: 买下一套房子 maixia yitao fangzi ‘买 + показатель движения вниз + квартира’ подчёркивает, что приобретено право по дальнейшему распоряжению имуществом.

Это обстоятельство наводит на мысль о том, что зона ВНИЗУ в китайском языковом сознании коррелируется с пониманием «подконтрольности» и «фиксации». Такая корреляция выглядит вполне естественной, если зона ВНИЗУ определяется относительно самого субъекта познания – человека, прямо стоящего на поверхности земли⁶. Возникающее при этом ощущение «реальности, определенности и покоя» переносится на восприятие результата фиксации НЕЧТО внизу от себя. Эта логика не чужда и русскому языковому сознанию, корреляция «фиксация – определенность, неизменность» усматривается, например, в таких выражениях, как «*постановление*», «*установлено*». А применение предлога *под* в выражении «*под контролем*» уже эксплицирует восприятие зоны «низ» как подконтрольной зоны. 下, таким образом, приобретает возможность конструировать перемены как воображаемое перемещение некоего целевого объекта в воображаемую зону НИЗ как зону под полным контролем и зону фиксации. В эту модель движения могут быть интегрированы действия, не противоречащие цели получения контроля или фиксации, например:

拿下冠军 (брать + 下 + чемпионство) – *стать чемпионом*;

⁶ Вывод о том, что 下 указывает на зону НИЗ от человека-субъекта познания в качестве ориентира, сделан не только благодаря жесткому регламентированию объектов при конструировании ситуации с действием «покупать». Говорит в пользу данного вывода сравнительный анализ метафорического потенциала этого показателя и русской приставки «с-» (Цзинь, 2020).

攻下阵地 (атаковать + 下 + фронт) – *взять позицию противника*;
定下日子 (определять + 下 + день) – *определить дату (для важного события)*;
许下诺言 (обещать + 下 + обещание, слово) – *дать слово*.

Заключение

Обучение языку как иностранному проигрывает естественному филогенезу, главным образом, отсутствием реальных кооперативных взаимодействий, в ходе которых ребенком «угадывается» видение ситуации у взрослого и переменяется это видение. Когнитивный подход к трактовке результативной конструкции может «напомнить» обучающимся об их же потенциальной способности угадывать модели движения с опорой на пространственную ориентацию, тем самым способствовать повышению активности мышления у обучающихся и пониманию внутренних когнитивных схем и смысловой интенции языковых единиц.

С теоретической же точки зрения, представление о результативной конструкции как ментальной модели и идея о категоризации перемен меняет приоритет исследования: вместо поиска связи между семантическими признаками выявляется механизм генерации семантики. Перспективным, на наш взгляд, окажется сравнение возможностей категоризации перемен у показателей направления в разных языках, которые способны конструировать одно и то же или схожее перемещение в физическом пространстве. Расхождение в их возможностях конструирования перемен сигнализирует о том, что при восприятии одного и того же или схожего физического опыта перемещения в физическом пространстве наш мозг обладает «свободой» создавать разные вариации моделей. Таким образом, у нас появляется возможность конкретизировать наше знание о причинах возникновения культурных различий в плане применения показателей направления и объяснить их путем выявления возможных вариаций моделей. Исследование в этом направлении поможет ответить на вопрос о том, насколько велика произвольность мозга в создании ментальных моделей, или же

«свобода» лишь видимая и на самом деле регулируется весьма ограниченными по количеству факторами.

Литература

1. Антонян К. В. Морфология результативных конструкций в китайском языке. М.: Муравей, 2003.
2. Антонян К. В. 'Вверх' и 'вниз': ориентационная метафора в китайском и английском языках // Сборник материалов Международной конференции по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. 2014. С. 11-17.
3. Беляевская Е. Г. Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 5 (32). С. 76-83.
4. Беляевская Е. Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания (критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. трудов. Серия «Теория и история языкознания» / Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания: Редколл. Кубрякова Е. С., Лузина Л. Г. М., 2008. С. 64-81.
5. Глебкин В.В. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 368 с.
6. Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставочная парадигма русского глагола: семантические механизмы // Русские приставки: многозначность и семантическое единство / Е. Р. Добрушина, Е. А. Меллина, Д. Пайар (отв. ред.). М.: Русские словари, 2001. С. 11–254.
7. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
8. Кошелев А. Д. Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии // Вопросы языкознания. 2008. №4. С. 15–40.
9. Кравченко А. В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3 (41). С. 14–26.
10. Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998.

11. Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85–109.
12. Пикок А. Эволюция – тайный друг веры: Пер. с англ. М.: Изд-во ББИ, 2013. 375 с. (Серия «Богословие и наука»).
13. Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу: Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: УРСС, 2016. 560 с.
14. Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теории, сторонники, близкие идеи. Лингвистика конструкций / Е. В. Рахилина (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2010. С. 18–79.
15. Табаченко Т. С. Когнитивный подход к обучению в современном лингвистическом образовании // Ученые записки Сахалинского государственного университета. 2009. № 1 (8). С. 104–109.
16. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.
17. Цзинь Т. Психолингвистический портрет глаголов перемещения (на материале русского и китайского языков) // Вопросы психолингвистики. 2014. С. 42–55.
18. Цзинь Т. Неэквивалентность полисемантов и механизм формирования со-знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 15-36. DOI 10.20916/1812-3228-2022-2-15-36.
19. Цзинь Т. Модели ДВИЖЕНИЯ ВНИЗ и их метафорический потенциал (на материале русского и китайского языков) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 277-292. DOI 10.17223/18137083/73/19.
20. Hauser M., Chomsky N., Fitch W. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? // Science. 2002. № 298. P. 1569–1579.
21. Lakoff, G., Johnson, M. (1980) *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
22. Лю Юэхуа. Цюйсянбуйтунши (Толкование дополнительных элементов направления). Пекин: Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 1998. 704 с. (На кит. яз.)

23. Сунь Цзянь, Цянь Чжифу 'Вверх': ориентационная метафора в китайском и английском языках [孙健, 钱志富 英汉“上”隐喻对比研究. 现代语文(语言研究版) // Современная филология. Серия «Лингвистические исследования». 2014. № 12. С. 133–135. (На кит. яз.)
24. Чэнь Яньпин. Сравнительный анализ концептов ориентационной метафоры 'верх' и 'низ' в английском и китайском языках [陈燕平 空间隐喻概念“上、下”的英汉对比研究. 山西师大学报(社会科学版)] // Вестник Шаньсийского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 38 (S1). С. 102–104. (На кит. яз.)
25. Ханьцзыюанлюоцзыдянь [汉字源流词典. 北京, 华夏出版社]. Этимологический словарь китайских иероглифов. Пекин: Изд-во Хуася, 2003. 863 с. (На кит. яз.)
26. Ханьюйдунцыюнфацзыдянь [汉语动词用法词典. 北京, 商务印书馆] Словарь по употреблению глаголов китайского языка. Пекин: Изд-во Шану, 1999. 495 с. (На кит. яз.)

References

- Antonyan, K. V. (2003). *Morfologiya rezul'tativnykh konstruksiy v kitayskom yazyke [Morphology of resulting constructions in Chinese]*. М.: Muravey, 2003.
- Antonyan, K. V. (2014). 'Vverkh' i 'vniz': orientatsionnaya metafora v kitayskom i angliyskom yazykakh ['Up' and 'down': an orientational metaphor in Chinese and English]. In *Collection of materials of the International Conference on the Languages of the Far East, Southeast Asia and West Africa* (pp. 11-17).
- Belyaevskaya, E. G. (2013). Kognitivnaya lingvistika i prepodavanie inostrannykh yazykov [Cognitive linguistics in second language acquisition]. *MGIMO Review of International Relations*, 5 (32), 76-83.
- Belyaevskaya, E. G. (2008). Semantika v trekh paradigmakh lingvisticheskogo znaniya (kriterii vybora metoda) [Semantics in three paradigms of linguistic knowledge (method selection

- criteria)]. In *Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics. Collection of scientific papers. Ser. "Theory and History of Linguistics" Center for Humanitarian Scientific Information Research, Department of Linguistics; editorial board: Kubryakova E.S., Luzina L.G.* (pp. 64-81). Moscow.
- Glebkin, V.V. (2014). *Smena paradigm v lingvisticheskoy semantike: ot izolyatsionizma k sotsiokul'turnym modelyam [Paradigm shift in linguistic semantics: from isolationism to sociocultural Models]*. M.; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives.
- Dobrushina, E. R., & Payar D. (2001). *Pristavochnaya paradigma russkogo glagola: semanticheskie mekhanizmy [Prefixed paradigm of the Russian verb: semantic mechanisms]*. In E. R. Dobrushina, E. A. Mellina, D. Payar (Eds.), *Russian prefixes: polysemy and semantic unity* (pp. 11–254). Moscow: Russian Dictionaries.
- Kibrik, A. E. (2003). *Konstanty i peremennye yazyka [Constants and variables of language]*. St. Petersburg: Aleteyya, 2003.
- Koshelev, A.D. (2008). *Ob osnovnykh paradigmakh izucheniya estestvennogo yazyka v svete sovremennykh dannyykh kognitivnoy psikhologii [On the principal paradigms of studying natural languages in the light of cognitive linguistics]*. *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 15–40.
- Kravchenko, A. V. (2016). *Epistemologicheskaya lovushka yazyka [The Epistemological Trap of Language]*. *Tomsk State University Journal of Philology*, 3 (41), 14–26.
- Krongauz, M. A. (1998). *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika [Prefixes and verbs in Russian: semantic grammar]*. M.: Yazyki russkoy kul'tury.
- Kustova, G. I. (2000). *Kognitivnye modeli v semanticheskoy derivatsii i sistema proizvodnykh znacheniy [Cognitive models in semantic derivation and the system of derived meanings]*. *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 85–109.
- Peacocke, A. (2013). *Evolution. The Disguised Friend of Faith?* Russ. ed.: Seriya «Nauka i bogoslovie». M.: Izd. BBI.
- Pinker, S. (2016). *The Stuff of Thought. Language as a Window into Human Nature*. Russ. ed. Izd. 2-e. M.: URSS.
- Rakhilina, E. V., & Kuznetsova, Yu. L. (2010). *Grammatika konstruktsiy: teorii, storonniki, blizkie idei. [Grammar of*

- constructions: theories, supports, related ideas]. In *E. V. Rakhilina (Ed.) Linguistics of constructions* (pp. 18–79). M.: Azbukovnik.
- Tabachenko, T. S. (2009). Kognitivnyy podkhod k obucheniyu v sovremennom lingvisticheskom obrazovanii [Cognitive approach to learning in modern linguistic education] *Scientific Notes of Sakhalin State University*, 1 (8), 104-109.
- Tan, Aoshuan. (2002). *Problemy skrytoy grammatiki: Sintaksis, semantika i pragmatika yazyka izoliruyushchego stroya (na primere kitayskogo yazyka)* [Problems of hidden grammar: syntax, semantics and Pragmatics of language of the isolating system (on the example of the Chinese language)]. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Tszin, T. (2014). Psikholingvisticheskiy portret glagolov peremeshcheniya (na materiale russkogo i kitayskogo yazykov) [The Psycholinguistic Portrait of Russian and Chinese Verbs]. *Journal of psycholinguistics*, 2, 42–55.
- Tszin, T. (2022). Neekvivalentnost' polisemantov i mekhanizm formirovaniya so-znaniya [Nonequivalence of Polysemants and the mechanism of Forming Co-knowledge]. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 15-36. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-2-15-36.
- Tszin, T. (2020). Modeli DVIZHENIYa VNIZ i ikh metaforicheskiy potentsial (na materiale russkogo i kitayskogo yazykov) [Models of DOWNWARD Motion and their Metaphorical Potential (in Russian and Chinese)]. *Siberian Journal of Philology*, 4, 277-292. DOI: 10.17223/18137083/73/19.
- Hauser, M., Chomsky, N., & Fitch, W. (2002). The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? *Science*, 298, 1569–1579.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
- Liu, Yuehua. (1998). *Quxiangbuyutongshi [Interpretation of additional elements of direction]*. Beijing.
- Sun, Jian, Qian, Zhifu. (2014). Yinghan “shang” yinyu duibi yanjiu [A comparative study of "UP" metaphors in English and Chinese]. *Modern Chinese*, 12, 133-135. DOI: CNKI:SUN:YWLY.0.2014-12-044.
- Chen, Yanping. (2011). Kongjian yiyugainian “shang, xia” de yinghan duibiyuanjiu [A contrastive study of the spatial metaphor concept "up

- and down" in English and Chinese]. *Journal of Normal University (Social Science Edition)*, 38 (S1), 102-104.
- Hanyudongcidian. (1999). [*Chinese verb usage dictionary*]. Ed.: Meng Cong, Zheng Huaide, Meng Qinghai, Cai Wenlan. Beijing, Printing House Shangwu.
- Huanziyuanli cidian. (2003). [*Chinese etymological dictionary*]. Ed.: Gu Yankui. Beijing, Printing House Huaxia.

УДК 811. 161.1. 5

Чжи Ли,

Н.Е. Якименко

Санкт-Петербургский государственный университет,

Т.Р. Писарская

Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики

**СПОСОБЫ СТРУКТУРНОЙ ОПТИМИЗАЦИИ
СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
ЭВФЕМИЗМОВ**

В настоящей статье проводится исследование учебного словаря как особого типа лексикографического произведения с целью определения оптимального компонентного содержания словарной статьи лингвокультурологического словаря социально-политических фразеологических эвфемизмов. В статье также осуществляется детальное описание сопутствующих проблем, анализируемых на примере скомпилированного авторами словаря. В статье предложены интерпретации релевантных терминов, включая «социально-политический эвфемизм», «устойчивые словесные комплексы», «коллокация» и «фразеологический эвфемизм». Материалом исследования послужили 947 единиц социально-политических эвфемизмов, отобранных из толковых словарей русского языка. Согласно результатам исследования, при работе над учебным словарем эвфемизмов решению подлежат такие вопросы, как объем языкового материала, его репрезентация, иллюстративные контексты и необходимость лингвокультурологического комментирования. В статье

предлагаются решения некоторых вопросов из этого перечня. Авторы приходят к выводу о целесообразности разделения содержания учебного лингвокультурологического словаря на три части: фразеологические эвфемизмы, эвфемизмы-коллокации и эвфемизмы-штампы. При этом словарная статья словаря фразеологических эвфемизмов русского языка должна содержать компоненты, разделенные на шесть зон.

Ключевые слова: социально-политический эвфемизм, фразеологический эвфемизм, коллокация, учебный словарь, словарная статья.

UDC 811. 161.1. 5

Zhi Li,

N.E. Yakimenko

St. Petersburg State University, St. Petersburg,

T.R. Pisarskaya

**St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics**

**MEANS OF STRUCTURAL OPTIMIZATION OF DICTIONARY
ENTRIES OF A LINGUOCULTURAL DICTIONARY OF
EUPHEMISMS**

The article studies the learner's dictionary as a special type of lexicographic work to determine the optimal componential content of a dictionary entry of a linguoculturological dictionary of socio-political phraseological euphemisms. The article also provides a detailed description of related problems analyzed drawing on the example of a dictionary compiled by the authors. The article offers interpretations of relevant terms, including "socio-political euphemism", "stable word complexes", "collocation" and "phraseological euphemism". Study material comprised 947 units of socio-political euphemisms retrieved from explanatory dictionaries of the Russian language. Study results have shown that working on a learning dictionary of euphemisms involves addressing issues such as the amount of language material, its representation, illustrative contexts, and the need for a linguocultural commentary. The article proposes solutions to some of the issues from this list. The authors conclude that it is expedient to divide the content of

the educational linguoculturological dictionary into three parts: phraseological euphemisms, euphemisms-collocations and euphemisms-stamps. At the same time, a dictionary entry of the dictionary of phraseological euphemisms of the Russian language should contain components divided into six zones.

Keywords: socio-political euphemism, phraseological euphemism, collocation, learner's dictionary, dictionary entry.

Введение

Лексические эвфемизмы были предметом детального изучения в трудах Б.А. Ларина, Л.П. Крысина, В.Н. Телии, В.П. Москвина, М.Л. Ковшовой, Е.П. Сеничкиной, А.М. Кацева и других ученых. Фразеологические эвфемизмы в отечественном языкознании детальному изучению и описанию еще не подвергались, хотя идет стремительное накопление знаний и работ в этом направлении. Несмотря на то, что учеными были предложены разнообразные интерпретации термина «эвфемизм», разработанные трактовки объединяет фокус на такие характеристики рассматриваемого понятия, как семантическая нейтральность и применимость с целью замены единиц, рассматривающийся в качестве неподходящих по контексту, неприличных или нетактичных. Среди ключевых принципов функционирования эвфемизмов при этом выделяют манипулирование и маскировку предмета сообщения, направленные на сглаживание денотата.

Представляя собой субституты табуированных слов и вульгарных языковых единиц (Варбот, 1979, с. 343; Буй, 2005, с. 368), эвфемизмы реализуются в речи в необходимых контекстах как заменители обозначений, которые оцениваются адресантом как неподходящие, грубые или неучтивые (Крысин 2004, с. 34; Москвин, 2017, с 18; Сеничкина, 2008, с. 9).

Наиболее полным, интегрирующим все основные признаки, представляется определение эвфемизмов, трактующее их, как слова-заменители, которые позволяют «избегать эстетически грубых слов и слов из табуированных тем, камуфлировать негативные реалии действительности, выразить субъективную оценку и влиять на мнение читателя (слушателя)» (Петрова, 2011, с. 7).

Изучение особенностей создания учебных словарей эвфемизмов является актуальной темой в лексикографии и практических языковых науках. В современном мире эвфемизмы используются в широком спектре областей, включая политику, медицину, образование, бизнес и т.д. При этом использование эвфемизмов в научных, деловых и учебных контекстах требует особой осторожности и внимания к тонкостям и нюансам их использования.

Учебные словари эвфемизмов должны предоставлять студентам и учащимся необходимые инструменты для успешной коммуникации и понимания профессиональных текстов и дискурсов. Они должны содержать достоверную информацию о том, как использовать эвфемизмы в конкретных ситуациях и как они могут варьироваться в зависимости от контекста и аудитории.

Также важно, чтобы учебные словари эвфемизмов регулярно обновлялись и адаптировались к меняющимся социальным и культурным условиям. В современном мире, где стандарты и нормы языка постоянно меняются, учебные словари должны отражать актуальное состояние языка и учитывать новые тенденции и изменения в использовании эвфемизмов.

Кроме того, изучение особенностей создания учебных словарей эвфемизмов имеет значение для развития лексикографической теории и практики. Это позволяет лексикографам и лингвистам развивать новые методы и подходы к созданию словарей, а также исследовать специфические особенности языка в контексте эвфемизмов.

Таким образом, изучение особенностей создания учебных словарей эвфемизмов является важной задачей в лексикографии и практических языковых науках, которая имеет практическое значение для обучения и коммуникации в современном мире.

В настоящей статье проводится исследование учебного словаря как особого типа лексикографического произведения с целью определения оптимального компонентного содержания словарной статьи лингвокультурологического словаря социально-политических эвфемизмов. В статье также осуществляется детальное описание проблем, связанных с созданием учебного лингвокультурологического словаря социально-политических эвфемизмов на примере скомпилированного авторами словаря.

Поскольку словарь лексических эвфемизмов уже создан (Сеничкина, 2008), наш словарь нацелен на описание связанных словосочетаний по формальному признаку. Процесс отбора материала для учебного словаря может вызвать ряд сложностей в силу отсутствия в научной литературе унифицированных принципов идентификации таких субститутов. Результатом такого рода противоречий становится ситуация, когда «целый пласт лексики вторичных номинаций остаётся нигде не учтенным, ни в теоретическом, ни в практическом плане (т.е. в словарях)» (Сеничкина, 2008, с. 6).

При создании учебного лингвокультурологического словаря авторы должны решить для себя целый ряд задач, важнейшими из которых становятся отбор языкового материала, выбор способа расположения этого материала в словаре (алфавитный или тематический), а также определение характера описания социально-политических эвфемизмов в лингвокультурологическом аспекте. Однако самой трудной является задача отбора лексико-фразеологического материала.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили данные различных словарей русского языка, в первую очередь – «Словарь эвфемизмов русского языка» Е.П. Сеничкиной (Сеничкина, 2008). При описании лексических эвфемизмов нельзя избежать включения в словарь словосочетаний. Словосочетания из этого словаря стали основой компилируемой картотеки. Материал извлекался из толковых словарей, включая «Современный толковый словарь русского языка» (Кузнецов, 2001), «Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения» (Солганик, 2008), «Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка» (Бирюк, 2002), «Словарь сочетаемости слов русского языка» (Денисов, 2002), «Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени» (Кустова, 2008), «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» (Химик, 2004), «Толковый словарь русского сленга» (Елистратов, 2010), «Словарь современного русского города» (Осипов, 2003). Объем материала составил 947 единиц эвфемизмов. Материал оказался очень разнородным, состоящим, по степени слитности компонентов, по

крайне мере, из трёх блоков: фразеологизмы (идиомы), коллокации, свободные словосочетания.

Нас интересовали, в первую очередь социально-политические фразеологические эвфемизмы, которые являются «наиболее распространенным способом сокрытия истинных политических намерений» (Морозов, 2016). Когда речь заходит о неприятных социально-политических вопросах, таких как международные отношения и непопулярные правительственные меры, необходимо использование более мягких и непонятных выражений. Социально-политические эвфемизмы используют при описании таких социальных пороков, как преступность, наркомания, взяточничество, алкоголизм, бедность (Крысин, 1994, с. 38). Ковшова выделяет две группы социально-политических эвфемизмов: эвфемизмы власти и эвфемизмы народа (Ковшова, 2007, с. 72). Социально-политические эвфемизмы камуфлируют негативные явления в экономической, политической и социальной сферах (Кипрская, 2005, с. 25). Участники политического дискурса часто используют социально-политические эвфемизмы, чтобы избежать коммуникативных конфликтов, завуалировать реальное положение дел.

Лингвисты выделяют четыре обязательных признака эвфемизма: 1) обозначение нежелательного денотата; 2) семантическая неопределённость, отражающая функциональный потенциал эвфемистической единицы к невилированию негативной оценки денотата; 3) улучшение характера денотата; 4) формальный характер улучшения денотата. Благодаря этому признаку, говорящий понимает, о каком предмете или явлении идет речь (Сеничкина, 2008, с. 8-10).

Обзор литературы

Социально-политические эвфемизмы представляют собой слова и выражения, которые заменяют неприятные или оскорбительные термины, чтобы избежать конфликтов и смягчить выражение неприятных фактов или идей в социально-политической сфере. Это явление присутствует в нашей жизни повсюду: в политических дебатах, СМИ, образовании, медицине, религии и т. д. Социально-политические эвфемизмы играют важную роль в формировании общественного мнения и влияют на восприимчивость адресатов к различным социальным и политическим вопросам.

Одной из форм социально-политических эвфемизмов является употребление слов и выражений, которые заменяют термины, связанные с расовой или этнической принадлежностью. Использование эвфемизмов в отношении расовых и этнических групп может влиять на способ восприятия этих групп обществом в целом. Например, замена термина «афроамериканец» на «чернокожий» может ослабить отрицательное восприятие первого термина и создать более нейтральную ассоциацию со вторым.

Другой формой социально-политических эвфемизмов является использование слов и выражений, которые скрывают или смягчают неприятные факты, связанные, например, с такими явлениями, как бедность, безработица, преступность и т. д. Например, вместо слова «бедность» может быть использовано выражение «экономический неблагополучный статус». Это может создать иллюзию, что проблема менее серьезная или что она не связана с конкретными причинами.

Социально-политические эвфемизмы могут использоваться для манипулятивного воздействия на общественное мнение и создания определенного образа или мнения о конкретных социальных и политических вопросах. Одним из ключевых механизмов манипулятивного воздействия социально-политических эвфемизмов является изменение значения слов и выражений, чтобы создать определенный образ или мнение о конкретных явлениях или группах людей (положительные или негативные коннотации и ассоциации, которые влияют на общественное мнение). Например, замена термина «нелегальные иммигранты» на «люди без документов» может создать более благоприятное отношение к этой группе людей и вызвать более эмоциональную реакцию на их проблемы.

Другой механизм манипулятивного воздействия социально-политических эвфемизмов – это скрытие неприятных фактов или проблем, чтобы создать иллюзию благополучия или уменьшить важность проблем, таких как коррупция или нарушение прав человека. Например, замена термина «нарушение прав человека» на «неправильное поведение» может создать иллюзию, что проблема менее серьезная или что она не связана с конкретными причинами.

Эвфемистические словосочетания представляют собой особую единицу номинации и, условно, делятся на несколько групп.

Эвфемизмы анализируют с разных позиций. Нас будут интересовать группы эвфемизмов со структурой словосочетаний, и в первую очередь, фразеологизмы и устойчивые словесные комплексы (УСК) газетно-публицистического стиля речи. По степени слитности компонентов и по сфере функционирования социально-политические эвфемизмы устойчивого словесного комплекса (УСК) делятся на три группы: эвфемизмы – фразеологизмы; коллокации; эвфемизмы-штампы газетно-публицистического стиля речи.

Для представления этих единиц в словаре, необходимо знать их особенности, которые учитываются при фразеографировании и отборе материала.

УСК называют «устойчивыми раздельнооформленными соединениями слов, которые, как правило, имеют единичную сочетаемость компонентного состава и обладают целостным значением, возникающим в результате семантического преобразования компонентного состава» (Fleischer, 1997, p. 42). Сейчас уже можно сказать, что эти признаки характеризуют первые две группы эвфемизмов: эвфемизмы-фразеологизмы; коллокации.

Рассмотрим широко распространенный термин «коллокация». Термину «фразеологическое сочетание», принятому в русском языке, соответствует англоязычный термин «лексическая коллокация» (*restricted collocation*), под которым понимается «устойчивое сочетание, обычно состоящее из двух слов, с переосмыслением одного из компонентов и ограниченной сочетаемостью с другими словами» (Бялек, 2004, с. 223-231). «Основной характерной особенностью этой группы является лексико-фразеологическая обусловленная сочетаемость слов в речи, что соответствует значению термина «фразеологическое сочетание», т.е. сочетание, характеризующееся, в первую очередь, устойчивостью в языке и воспроизводимостью в речи» (Ахманова, 1969, с. 183). Коллокацию следует отличать от фразеологизма, то есть, идиомы. «Под коллокацией в широком смысле понимается комбинация двух и более слов, которые имеют тенденцию к совместной встречаемости, при этом один из компонентов коллокации сохраняет свое лексическое значение при устойчивости словосочетания в целом. Значение образности и эмоционально-оценочной нагрузки ослабевает или теряется» (Влавацкая, 2015, с.

57). Для того, чтобы понять, чем эвфемизмы/фразеологизмы отличаются от эвфемизмов-не фразеологизмов, остановимся на понятии «фразеологизм». Фразеологизм рождается в языке не для названия предметов, признаков, действий, а для образно-эмоциональной их характеристики. Образуются фразеологизмы в результате метафорического переноса, переосмысления значений свободных словосочетаний.

Основоположником отечественной семантической классификации, совершенно заслуженно, считают В.В. Виноградова (Виноградов, 1977, с. 140-161). По степени семантической слитности компонентов, он разделил все фразеологизмы на три класса, с последующим добавлением четвертого Н.М. Шанским (Шанский, 1985, с. 76). Это: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения. Следовательно, первые две группы обладают абсолютной спаянностью компонентов, их значения не выводятся из составляющих их компонентов. Фразеологические единства и сочетания имеют фразеологически связанное значение, которое проявляется у слова только в сочетании с определенным ограниченным числом лексических единиц. Многие фразеологизмы выполняют эвфемистическую функцию, но на практике понять, как и когда – очень трудно. На данном этапе развития фразеологии существует множество определений этих терминов. Далее представлены определения, принимаемые в данном исследовании. Н.А. Азарх трактовал фразеологические единицы как «сочетания слов, существующие в языке в готовом виде, воспроизводимые, а не вновь организуемые в процессе речи» (Азарх, 1956, с. 23-32). Под «воспроизводимостью» автор подразумевает «отсутствие необходимости создания фразеологических единиц, так же, как и слов, в процессе речи, а также большое количество их наличия в памяти и языке большинства индивидов той или иной языковой культуры» (Азарх, 1956, с. 23-32). В.М. Мокиенко, утверждает, что «основными признаками для фразеологизма являются устойчивость, воспроизводимость и целостность значения при экспрессивной сочетаемости лексем» (Мокиенко, 1979, с. 160-167). Под «устойчивостью» автор понимает «степень структурно-

семантической слитности и неразложимости компонентов фразеологической единицы, которая является устоявшейся единицей языка, а не вновь получившимся образованием» (Мокиенко, 1979, с. 160-167). А.В. Кунин под структурно-семантической устойчивостью фразеологизма понимает «меру семантической сочетаемости его структуры и значения» (Кунин, 1967, с. 167). «Воспроизводимость фразеологизмов – проявление устойчивости в речи: употребление фразеологизмов либо в «готовом виде», либо в соответствии с закономерностями лексически и семантически связанного выбора слова со связанным значением. Фразеологизмы устойчивы не потому, что они воспроизводятся в готовом виде, а, наоборот, они воспроизводятся в готовом виде потому, что являются устойчивыми образованиями» (Кунин, 1996, с. 51).

Экспрессивность большинством авторов понимается как свойство слова или выражения, выражающее эмоциональную окраску, выразительность или эмоциональную насыщенность. Это свойство проявляется в способности слова или выражения вызывать в читателе или слушателе определенные эмоциональные реакции. Помимо этого, экспрессивность может быть выражена в разных языковых средствах, таких как интонация, тембр голоса, громкость, нагрузка на определенные слова и т. д. Слова, обладающие экспрессивностью, могут использоваться для передачи различных эмоциональных состояний, таких как радость, гнев, удивление, страх и т. д. Экспрессивность является важным аспектом лексического значения слова, и может играть важную роль в общении и коммуникации на различных языках.

Средствами экспрессивной выразительности фразеологизмов является метафоричность, образность. Важность образности фразеологизмов заключается в том, что именно этот признак лежит в основе всех остальных их выразительных качеств: эмоциональности, оценочности, экспрессивности. Эмоциональность фразеологии – это способность фразеологизма не только называть предмет, явление, но и выразить определённое чувство говорящего или пишущего. Оценочность фразеологических единиц – качество, производное от их эмоционального значения. С точки зрения оценочности фразеологизмы можно разделить на две группы: фразеологизмы с

положительной оценкой и фразеологизмы с отрицательной оценкой. К первой группе относятся фразеологизмы с эмоциональностью одобрительности; почтительного уважения; восхищения. Ко второй группе относятся фразеологизмы с эмоциональностью ироничности; пренебрежительности. «Экспрессивность – это интенсивность проявления действия или признака» (Гришечко, 2011, с. 5).

Целостное значение фразеологизма – это специфическое значение, которое присуще всей фразеологической единице в целом, а не ее отдельным составляющим. Оно возникает в результате совокупности всех лексических и грамматических характеристик, а также контекстуальных особенностей, в которых используется данный фразеологизм. Целостное значение фразеологизма может отличаться от значения, которое можно получить путем простого сложения значений его составляющих. Оно может иметь более широкий или специфический смысл, который может быть узнан только через длительный опыт употребления данной фразеологической единицы в языковом сообществе. Важным аспектом целостного значения фразеологизма является его стереотипность, то есть возможность использования фразеологической единицы в том виде, в котором она устоялась в языке, без изменений и переосмысления ее значений. Это связано с тем, что фразеологизмы обладают высокой степенью конвенциональности и культурной связанности, и их употребление может быть ограничено определенными общественными и культурными контекстами. Целостное значение фразеологизма является важным объектом изучения фразеологии и лексикографии, и может быть представлено в словарных статьях фразеологических словарей (Каримова, 2008).

Собственно фразеологизмы обладают следующими дифференциальными признаками: устойчивость, воспроизводимость, идиоматичность, экспрессивность. Фразеологические сочетания (коллокации) имеют только два признака – устойчивость и воспроизводимость. Не носителю языка крайне трудно определить степень слитности компонентов. Анализ словарей и текстов НКРЯ дал следующие результаты: в подгруппе «взятка» семантического поля «политика» выделяется три группы единиц, первая из них – эвфемические фразеологизмы.

Фразеологизмы: *Барашек в бумажке [Давать (дать) барашка в бумажке, приносить (принести) барашка в бумажке;]; Безгрешные доходы; Замолвить словечко.*

Эти единицы обладают всеми признаками фразеологизмов.

Коллокации (или фразеологические сочетания) – это устойчивое сочетание, обычно состоящее из двух слов, с переосмыслением одного из компонентов и ограниченной сочетаемостью с другими словами», т.е. это такие словосочетания, как: *Золотым ключом отпираться; Для хорошего человека ничего не жалко; Всем кушать надо, всем надо жить, у него большая семья; Вести себя нескромно; Принимал подарки; Статусная рента.*

Эти единицы отличаются, благодаря минимальной метафоричности, минимальной экспрессией (выразительностью), оценочностью, эмоциональной ироничностью, пренебрежительностью.

Третья группа единиц – *Антикоррупционное законодательство; Материальное стимулирование; Политическая ангажированность.*

Таким устойчивым сочетаниям не свойственна образность, они не содержат оценки, однозначны. Составляющие их слова обычно употребляются в своих прямых значениях. Они, несомненно, обладают в публицистических текстах определенной устойчивостью и воспроизводимостью.

Речевые штампы – это устойчивые выражения, которые используются в повседневной речи и имеют устойчивый смысл, часто применяемый в определенной ситуации. Речевые штампы могут быть как положительными, так и отрицательными, и они могут отражать мнение говорящего, его убеждения, культурные и исторические традиции. В лексикологии и стилистике речевые штампы рассматриваются как специфический вид лексических единиц, который отличается от общих слов и выражений своей устойчивостью и стандартизацией. Они являются важным элементом языка и используются для создания определенной атмосферы, эмоционального настроения, акцентирования внимания на чем-то конкретном.

В стилистике речевые штампы рассматриваются как один из способов создания яркости и эмоционального насыщения речи. Они помогают выделить некоторые мысли и идеи, подчеркнуть

интонационную экспрессию, сделать высказывание запоминающимся. Однако, использование речевых штампов может привести к ограничению свободы выражения и созданию эффекта стереотипности. В лексикологии речевые штампы также являются объектом изучения, особенно в рамках лексикографии, где их включение в словари, включающие устойчивые сочетания слов, играет важную роль в описании и систематизации языка.

«Особенность штампа – не формальная, а функциональная: штампы не участвуют в языковом манипулировании или языковой игре» (Рахимов, 2016).

Эвфемизмы-штампы газетно-публицистического стиля речи можно представить так: *либерализация цен, свободные цены, непопулярные меры, миротворческая операция, братская помощь (война)*.

Фразеологические эвфемизмы социально-политической подгруппы – это единицы, для которых характерно смягчение негативного денотата (*взятка*), камуфлирование и вуалирование сути высказывания (*Статусная рента*). Они обладают семантической неопределенностью и носят формальный характер улучшения значения (*Для хорошего человека ничего не жалко*). Как и фразеологические единицы, они обладают следующими отличительными признаками: воспроизводимостью, идиоматичностью, структурно-семантической устойчивостью и целостностью значения, а также составным строением. (*Определение наше: Чжи Ли*).

Результаты и обсуждения

Согласно результатам проведенного исследования, учебный лингвокультурологический словарь целесообразно разделить на три части: фразеологические эвфемизмы, эвфемизмы-коллокации и эвфемизмы-штампы.

Учебный словарь – это особый тип словаря, он характеризуется как «лексикографическое произведение любого жанра и объёма, специально предназначенное для оказания помощи в изучении языка как средства передачи своих и восприятия чужих информационных состояний» (Морковкин, 1992, с. 81-86). Отличие учебного словаря от неучебного заключается в подходе к лексикографированию: «они создаются специально для целесообразного воздействия на языковое сознание человека»

(Шахматова, 2011, с. 138). В них сосредоточена необходимая для обучения информация в концентрированном виде.

Основными задачами учебного словаря являются выявление и описание корпуса фразеологических эвфемизмов русского языка; разработка структуры и содержания словарной статьи; разработка лингвокультурологических комментариев для семантизации эвфемизмов в учебном словаре.

Учебные словари являются важной частью лексикографии, которая занимается изучением словарей и их составлением. Одним из ключевых аспектов учебных словарей является их целевая аудитория, чьи потребности и способности должны учитываться при создании учебных словарей. Например, для начинающих учащихся необходимо представлять простые и наиболее часто употребляемые слова, а для продвинутых учащихся – более сложные и специализированные термины. Также важно учитывать культурные и социальные особенности целевой аудитории.

Еще одним аспектом учебных словарей является их структура и организация. Существуют различные подходы к организации учебных словарей, такие как алфавитный, тематический, лексикографический и другие. Каждый из этих подходов имеет свои преимущества и недостатки, и выбор структуры должен быть основан на потребностях целевой аудитории.

Одним из вызовов при создании учебных словарей является выбор технических решений и форматов с использованием технологий, таких как компьютерные программы, Интернет-ресурсы и мобильные приложения. К преимуществам этих технологий относятся более быстрый доступ к информации и возможность персонализированного обучения.

Учебные словари должны быть актуальными и обновляться регулярно по нескольким причинам с точки зрения лексикографии. Во-первых, язык постоянно меняется и развивается, поэтому новые слова и выражения часто появляются в речи и письменности. Если учебный словарь не обновляется, то учащиеся могут не знать новых слов и не понимать их значение в разговорах или при чтении текстов. Таким образом, актуальность словаря является важным фактором для обеспечения качественного обучения языку. Во-вторых, изменения в языке также могут включать изменения в значениях слов, что может привести к тому, что учебный словарь

станет устаревшим или неактуальным. Лексикографы должны постоянно следить за изменениями в значениях слов и обновлять словари, чтобы учащиеся могли правильно понимать и использовать слова в речи и письме. В-третьих, учебные словари должны быть обновлены для того, чтобы отражать изменения в социокультурном контексте. Например, социальные изменения, такие как изменения в технологиях, могут привести к созданию новых терминов, которые не были использованы ранее. Лексикографы должны следить за такими изменениями и включать новые термины в учебные словари, чтобы учащиеся могли быть в курсе этих изменений и использовать новые термины в своей речи и письме. Таким образом, актуальность и обновление учебных словарей играют важную роль в обеспечении качественного обучения языку и понимания социокультурных изменений в обществе. Лексикографы должны постоянно следить за изменениями в языке и обновлять словари, чтобы учащиеся могли овладеть языком на самом высоком уровне.

Тематическими рубриками словаря служат слова «политика» и «экономика». Подрубриками являются названия фразеологических групп, входящих в каждое поле – «взятки», «цены», «бедность», «смерть». Эти слова набираются прописными буквами полужирным прямым шрифтом. Под тематическим рубриком по алфавиту первого слова следует описание отдельных эвфемизмов, т.е. помещаются собственно словарные статьи, включающие несколько зон.

Словарная статья словаря фразеологических эвфемизмов русского языка должна содержать следующие компоненты.

Первая зона содержит заголовочную единицу. Она набирается прописными буквами жирным курсивом, например, **ВЕЖЛИВЫЕ ЛЮДИ**, при заголовочной единице при необходимости даются пометы. Стилистическая характеристика фразеологизмов включает следующие параметры 1. Шкала стилистических характеристик (в узком смысле) функционально-стилистическая помета (*разг.*, *прост.*, *шутл.*, *книжн.* и т.п.); 2. Есть принадлежность фразеологических единиц к определенному речевому жанру (ср. книжная, народная речь, дискурс современной военной идеологии и т.д.); 3. Шкала временных характеристики фразеологии,

(актуальным или устаревшим). Пометы набираются светлым курсивом строчными буквами.

Вторая зона представляет собой описательное толкование смысла эвфемизма (набирается прямым шрифтом без выделения). Например, толкование эвфемизма **ВЕЖЛИВЫЕ ЛЮДИ** (*положит., уважит., воен., совр.*) будет следующим: этим выражением обозначают таинственно появившихся вооруженных людей в зеленой форме, обеспечивших мирный переход полуострова Крым в состав России; военнослужащих Вооружённых сил Российской Федерации в военной форме без знаков различия. А само выражение «**вежливые люди**» стало крылатым после того, как российские военные взяли под контроль Верховный совет Крыма.

«У вооруженных помощников Крымской весны, которых сначала называли «зеленые человечки», появилось имя, мгновенно ставшее мемом: «Вежливые люди». Позже президент России Владимир Путин снял завесу тайны с происхождения «вежливых людей», признав участие российских военных в крымских событиях, а многие из них были удостоены медалей «За возвращение Крыма» (Amarok Map, 2018).

Третья зона – это зона культурологического комментария, раскрывающего особенности формирования значения эвфемизма в рамках той или иной лингвокультурной ситуации (ЛКС). Например, для эвфемизма *вежливые люди* культурологический комментарий может выглядеть следующим образом.

Культурологический комментарий:

История. Крым вошел в состав Российской империи 237 лет назад. Отвоёван у Турции. В 1954 году Хрущев Н.С. «дарит» Крым Украине, чтобы получить голоса на предстоящих ему выборах. О правомерности таких деяний идут сейчас ожесточенные споры.

Крым является неотъемлемой территорией России, населенной этническими русскими людьми, и был неотъемлемой частью России с древних времен. Н.С. Хрущев подарил Крым Украине, когда Россия считала Украину дружественным государством, а украинцев – братским народом. Однако, на Украине махровым цветом распустился нацизм, украинские нацисты издевались над людьми их избивали, калечили, пытали... а жители Крыма хотели вернуться под юрисдикцию России. Президент России Владимир

Путин откликнулся на их призыв, и Россия начала справедливую акцию по присоединению Крыма.

Вскоре после трагических событий в Киеве в феврале 2014 года в Крыму и Севастополе относительно мирно произошла смена исполнительных органов власти, а 16 марта состоялся **знаменитый референдум** по вопросу о будущем статусе полуострова. На референдуме **абсолютным большинством** голосов было принято решение о вхождении Республики Крым и Севастополя в состав России. **На основании результатов референдума** Верховный совет Крыма принял Декларацию о независимости. После этого Крым в одностороннем порядке объявил о выходе из состава Украины и подписал с Москвой договор о вхождении в состав РФ. То же самое сделал и Севастополь, получив статус отдельного субъекта РФ (Вежливые люди, 2018).

Сегодня Украина – это враждебное государство, которое собрало против России всех наёмников и поставило под вопрос сам факт существования России. Как сказал во время дебатов один журналист: Россия воюет, стоя спиной к пропасти, и, если она не победит – ей конец.

Четвертая зона, в этой зоне приводятся примеры из современной публицистики (интернета). В иллюстративных контекстах эвфемизмы выделяются полужирным курсивом. Например:

1. Тут к этому сантехнику под десятки иностранных телекамер подошла украинская журналистка и сказала: «Иван Иванович, вас били? Вам закладывали пальцы в двери?» Он долго скреб щетину, не зная, что ответить. Тогда эта журналистка спросила: «Какие они, эти военные люди?» Он ответил: «Вы знаете, они какие-то **вежливые**». Отсюда и пошло выражение «**вежливые люди**» (Вежливые люди, 2015).

2. Интересно про «**вежливых**». Я не знала, что тут сантехник «виноват». Но как у него в тему получилось-то, нарочно такого не придумаешь (Вежливые люди, 2015).

3. Набор солдатиков «**Вежливые люди**». Сборная модель (Набор солдатиков «Вежливые люди», 2023).

4. **Вежливые люди**, они в каждом из нас (Вежливые люди, 2015).

5. Лучшее средство от бардака – **вежливые люди** (Вежливые

люди, 2015).

Пятая зона включает иноязычные аналоги русскоязычных единиц (при их наличии), поэтому данная зона статьи присутствует не всегда, является факультативной.

Шестая зона – зона эвфемистических синонимов. Например: см.: (*также* «зелёные человечки», «их\там\нет\ы») – эвфемизм и интернет-мем.

Таким образом, предлагаемая нами модель словарной статьи включает шесть зон, четыре – постоянные и две – факультативные: 1) заголовочная единица, при необходимости ее функционально-стилистическую характеристику; 2) описательное толкование; 3) культурологический комментарий, раскрывающий особенности формирования значения перифразы в рамках той или иной лингвокультурной ситуации; 4) иллюстрации; 5) иноязычные аналоги; факультативная зона; 6) эвфемистические синонимы; факультативная зона.

Выводы

Эвфемизмы являются одними из наиболее распространенных речевых штампов. В научной литературе были проведены множественные исследования, чтобы выявить причины, формы и функции использования эвфемизмов в различных контекстах. Одной из главных функций эвфемизмов является смягчение выражений, связанных с неприятными, нежелательными или табуированными явлениями или предметами. В своих работах лингвисты утверждают, что использование эвфемизмов может быть связано с желанием уменьшить воздействие неприятного или шокирующего на слушателя или читателя. Эвфемизмы также могут использоваться для создания политических или социальных манипуляций. Например, использование эвфемизмов для описания болезней или травм, связанных с войной или боевыми действиями, может уменьшить их значимость и снизить публичный интерес к ним. В этом случае эвфемизмы используются для скрытия или минимизации трагических последствий конфликта. Эвфемизмы также могут использоваться для формирования или поддержки определенных социальных стереотипов и представлений. Например, использование эвфемизмов в описании женщин может служить установлению социальных стереотипов, которые уменьшают их значимость и ограничивают возможности для

проявления их личности. Некоторые исследователи также указывают на то, что эвфемизмы могут иметь негативные эффекты на коммуникацию, так как они могут приводить к различным интерпретациям тех выражений, которые заменяются эвфемизмами. Кроме того, частое использование эвфемизмов может привести к их избитости и потере оригинальности.

Таким образом, использование эвфемизмов как речевых штампов может иметь различные функции и приводить к разным результатам, что указывает на актуальность создания учебных словарей эвфемизмов.

В статье проведено исследование учебного словаря как важного инструмента для изучения языка, обладающего определенными характеристиками, которые обеспечивают его эффективность в учебном процессе. Учебный словарь в данном исследовании трактуется как словарь, созданный с целью использования в учебном процессе и включающий определения, переводы, примеры употребления и другую информацию о словах, необходимую для изучения языка. В отличие от общих словарей, учебные словари уделяют большое внимание описанию грамматических особенностей и стилистических нюансов употребления лексических единиц. Учебные словари предназначены для широкого круга пользователей, включая учащихся, студентов, преподавателей, иностранных граждан и всех, кто изучает язык в профессиональных целях. Они могут быть написаны на разных языках, и могут включать как общую лексику, так и специализированную, отражающую термины и выражения из разных областей знаний. Основными критериями для создания учебного словаря являются актуальность, понятность и доступность информации. Важно, чтобы словарь был актуальным и содержал новые слова и выражения, которые появились в языке. Также необходимо, чтобы определения и переводы были понятными и легко доступными для пользователей, особенно для начинающих изучать язык.

Согласно результатам проведенного исследования, учебный лингвокультурологический словарь целесообразно разделить на три части: фразеологические эвфемизмы, эвфемизмы-коллокации и эвфемизмы-штампы. При этом словарная статья словаря

фразеологических эвфемизмов русского языка должна содержать компоненты, разделенные на шесть зон:

- 1) заголовочная единица;
- 2) описательное толкование смысла эвфемизма;
- 3) культурологический комментарий, раскрывающий особенности формирования значения эвфемизма в рамках той или иной лингвокультурной ситуации;
- 4) актуальные примеры из современной публицистики;
- 5) иноязычные аналоги русскоязычных единиц (при наличии);
- 6) эвфемистические синонимы.

Литература

1. Азарх Н.А. Фразеологические единицы в современном английском языке / Н.А. Азарх. – М.: Астрель, 1956. – С. 23-32.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 199 с.
3. Бирюк О.Л. Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка / О.Л. Бирюк, В.Ю. Гусев, Е.Ю. Калинина. – 2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php (дата обращения: 17.01.2023).
4. Буй В. Русская заветная идиоматика. Веселый словарь народных выражений Текст. / В. Буй. - М.: Альта-принт, 2005. - 368 с.
5. Бялек Э. Коллокация как единица перевода // Cuadernos de Rusística Española. – 2004. – No.1. – С. 223-231.
6. Варбот Ж.Ж. Табу // Русский язык: энциклопедия / под ред. Ф.П. Филина. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 345 с.
7. Вежливые люди. 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ani-al.livejournal.com/2222922.html> (дата обращения: 07.01.2023).
8. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Лексикология и лексикография: избранные труды. – Москва: Наука, 1977. – С. 140–161.
9. Влавацкая М.В. Комбинаторная лексикология: функционально-семантическая классификация коллокаций / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и

- практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 11(53): в 3-х ч. Ч. I. – 57 с.
10. Гришечко Е.Г. Средства реализации коммуникативной стратегии вежливости в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2011.
 11. Денисов П.Н. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В. В. Морковкина. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 2002.
 12. Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга / В.С. Елистратов. – М.: Аст-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 672 с.
 13. Каримова З.С. Проблема определения фразеологизма в современной лингвистике // Вестник Башкирск. ун-та. – 2008. – №3. – 580 с.
 14. Кипрская Е.В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003-2004 гг.). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. - Ижевск, 2005. – 125 с.
 15. Ковшова. М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. / М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
 16. Вежливые люди. 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://amarok-man.livejournal.com/3197455.html> (дата обращения: 029.01.2023).
 17. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин // Русистика. – Берлин, 1994. – № 1-2. – 38 с.
 18. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи /Л.П. Крысин. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 34 с.
 19. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 960 с.
 20. Кунин А.В. Изучение фразеологии в советском языкознании / А.В. Кунин // Иностранные языки в школе. – 1967. – 167 с.
 21. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.– 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996. – 51 с.
 22. Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени / Г.И. Кустова – М., 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 17.01.2023).
23. Мокиенко В.М. Bohemistika na Leningradské universitě // Materiály ze symposia o bohemistice v zahraničí. – Praha: Univerzita Karlova, 1979. – S. 160-167.
 24. Морковкин В.В. О единицах лексической системы // Лексика и лексикография: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Ю. Г. Коротких, А. М. Шахнарович. – М., 1992. – С. 81–86.
 25. Морозов М.А. Социально-политический эвфемизм как стереотип и символ в современном публицистическом тексте // Наука и мир. – 2016. – № 9-2(37). – С. 51-56.
 26. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – М.: Ленанд, 2017.
 27. Набор солдатиков «Вежливые люди». 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://polesie-igrushki.ru/catalog/soldatiki_igrushki/sbornaya-model-soldatikov-vezhlivye-lyudi.html (дата обращения: 07.01.2023).
 28. Осипов Б.И. Словарь современного русского города / Б.И. Осипов. – М.: «Русские словари», 2003. – 565 с.
 29. Петрова. Н.Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии / Н.Е. Петрова., Л.В. Рацибурская. – М., 2011. – 7 с.
 30. Рахимов В. Речевые штампы и языковые клише в СМИ. 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://http://psihdocs.ru/v-yazike-vlastvuet-mishlenie-e-sepir-v-slove-vlastvuet-misle-v2.html?page=8> (дата обращения: 07.01.2023).
 31. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е.П. Сеничкина. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
 32. Солганик Г.Я. Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения / Г.Я. Солганик. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 749 с.
 33. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В.В. Химик. – СПб.: НОРИНТ, 2004. – 762 с.
 34. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. - 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1985. – 76 с.
 35. Шахматова М.А. Учебная лексикография: учебное пособие / под ред. М.А. Шахматовой. – СПб: филологический факультет

СПИ6ГУ, 2011. – 138 с.

36. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. / W. Fleischer – 2. Aufl. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1997.

Refereneces

- Ahmanova, O.S. (1969). Slovar' lingvisticheskikh terminov [Glossary of linguistic terms]. Moscow: Soviet Encyclopaedia.
- Azarh, N.A. (1956). Frazеologicheskie edinicy v sovremennom anglijskom yazyke [Phraseological units in modern English]. (Pp. 23-32). Moscow: Astril.
- Biryuk, O.L., Gusev, V.Y. & Kalinina E.Y. (2002). Slovar' glagol'noj sochetaemosti nepredmetnyh imen russkogo yazyka [Dictionary of the Verb Combinability of Non-Subject Names in the Russian Language]. Retrieved from: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php (Accessed: 17.01.2023).
- Buj, V. (2005). Russkaya zavetnaya idiomatika. Veselyj slovar' narodnyh vyrazhenij Tekst. [Russian cherished idiomatics. Jolly dictionary of folk expressions]. Moscow: Alta Print.
- Byalek, E. (2004). Kollokaciya kak edinica perevoda [Collocation as a unit of translation]. *Spanish Roosevelt*, 1, 223-231.
- Denisov, P.N. (1978). Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka [Dictionary of the Combinability of Words in the Russian Language]. Moscow: Russian language.
- Denisova, P.N. (1983). Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka. Okolo 2500 slovarnyh statej [Dictionary of combination of words of Russian language. About 2500 dictionary entries]. Moscow: Russian language.
- Denisova, P.N. (2002). Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka [Dictionary of combination of words of Russian language]. Moscow: Russian language.
- Elistratov, V.S. (2010). Tolkovyj slovar' russkogo slenga [Explanatory dictionary of Russian slang]. Moscow: Ast-Press BOOK.
- Evgen'eva, A.P. (1988). Slovar' russkogo yazyka v 4 tomah (Malyj akademicheskij slovar') [Dictionary of Russian Language in 4 volumes (Small Academic Dictionary)]. Moscow: Russian language.
- Grishechko, E.G. (2011). Sredstva realizatsii kommunikativnoj strategii vzhlivosti v sovremennom anglijskom yazyke: avtoref. dis. ... kand.

- filol. nauk [Means of realizing the communicative strategy of politeness in contemporary English language]. Rostov-on-Don: Southern Federal University.*
- Karimova, Z.S. (2008). Problema opredeleniya frazeologizma v sovremennoj lingvistike [The problem of phraseological definition in modern linguistics]. *Vestnik Bashkirsk. University*, 3, 580.
- Kiprskaya, E.V. (2005). *Politicheskie evfemizmy kak sredstvo kamuflirovaniya dejstvitel'nosti v SMI (na primere konflikta v Irake 2003-2004 gg.) [Political Euphemisms as a Means of Camouflaging Reality in Mass Media (on the Example of the 2003-2004 Conflict in Iraq)]*. (Candidate thesis, Izhevsk, Russia).
- Kovshova, M.L. (2007). *Semantika i pragmatika evfemizmov. Kratkij tematicheskij slovar' sovremennyh russkih evfemizmov [Semantics and Pragmatics of Euphemisms. A Brief Topical Dictionary of Modern Russian Euphemisms]*. Moscow: Gnosis.
- Krymskaya vesna-2014. "Vezhlivye lyudi". (2018). [Crimean spring 2014. "Polite People. - 2018]. Retrieved from: <https://amarokman.livejournal.com/3197455.html> (Accessed: 29.01.2023).
- Krysin, L.P. (1994). Evfemizmy v sovremennoj russkoj rechi [Euphemisms in modern Russian speech]. *Russystika*, 1-2, 38.
- Krysin, L.P. (2004). *Evfemizmy v sovremennoj russkoj rechi [Euphemisms in modern Russian speech]*. Moscow: Yaz. of Slavic culture.
- Kunin, A.V. (1967). Izuchenie frazeologii v sovetskom yazykoznanii [The study of phraseology in Soviet linguistics]. *Foreign languages at school*, 167.
- Kunin, A.V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka [Course of Modern English Phraseology]*. Moscow: Vyssh. shk., Dubna: Publishing Center "Phoenix".
- Kustova, G.I. (2008). *Slovar' russkoj idiomatiki. Sochetaniya slov so znacheniem vysokoj stepeni [Dictionary of Russian Idiomatics. Combinations of words with the meaning of high degree]*. Moscow. Retrieved from: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (Accessed: 17.01.2023).
- Kuznecov, S.A. (2001). *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Modern explanatory dictionary of Russian language]*. SPb: Norint, 2001.

- Mokienko, V.M. (1979). Bogemistika v Leningradskom universitete [Bohemian Studies at Leningrad University]. (Pp. 160-167).
- Morkovkin, V.V. (1992). O edinichah leksicheskoj sistemy [On the units of the lexical system]. In Y. G. Korotkikh, A. M. Shakhnarovich (Eds.), *The lexicon and lexicography* (pp. 81–86). Moscow.
- Nabor soldatikov "Vezhlivye lyudi". Sbornaya model'. (2023). [The set of soldiers "polite people". Assemblage model]. Retrieved from: https://polesie-igrushki.ru/catalog/soldatiki_igrushki/sbornaya-model-soldatikov-vezhlivye-lyudi.html (Accessed: 7.01.2023).
- Osipov, B.I. (2003). *Slovar' sovremennogo russkogo goroda [Dictionary of Modern Russian City]*. Moscow: Russian Dictionaries.
- Petrova, N.E., & Ratsiburskaya, L.V. (2011). *Yazyk sovremennyh SMI: sredstva rechevoj agressii [Language of modern mass media: means of speech aggression]*. Moscow.
- Rahimov, V. (2016). Rechevye shtampy i yazykovye klishe v SMI. [Speech stamps and language cliches in the media]. Retrieved from <http://psihdocs.ru/v-yazike-vlastvuet-mishlenie-e-sepir-v-slove-vlastvuet-misle-v2.html?page=8> (Accessed: 7.01.2023).
- Senichkina, E.P. (2008). *Slovar' evfemizmov russkogo yazyka [Dictionary of euphemisms of the Russian language]*. Moscow: Flint: Nauka.
- Solganik, G.YA. (2008). *Tolkovyj slovar'. YAzyk gazety, radio, televideniya [Explanatory dictionary. Language of newspapers, radio, television]*. Moscow: AST: Astril.
- Sredstva ekspressivnoj vyrazitel'nosti frazeologizmov. (2015). [Means of expressive expression of idioms]. mydocx.ru. Retrieved from: <https://mydocx.ru/8-122419.html> (Accessed: 7.01.2023).
- Varbot, Zh. Zh. (1979). Tabu [Taboo]. In *Russian language: encyclopaedia*. (pp. 345). Moscow: Sovetskaya Encyclopaedia.
- Vezhlivye lyudi. (2015). [Polite people]. Retrieved from: <https://anial.livejournal.com/2222922.html> (accessed: 7.01.2023).
- Vezhlivye lyudi. (2023). [Polite people]. Retrieved from: https://mail.ru/search?search_source (accessed: 17.01.2023).
- Vinogradov, V.V. (1977a). Ob osnovnyh tipah frazeologicheskikh edinic v russkom yazyke [On the main types of phraseological units in Russian]. In *Lexicology and lexicography: selected works* (pp. 140-161). Moscow: Nauka.

- Vlavackaya, M.V. (2015). Kombinatornaya leksikologiya: funkcional'no-semanticheskaya klassifikaciya kollokacij [Combinatorial lexicology: functional-semantic classification of collocations]. *Philological sciences. Problems of Theory and Practice*, 11(53), 57.
- Himik, V.V. (2004). *Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj ekspressivnoj rechi* [Large dictionary of Russian colloquial expressive speech]. SPB.: NORINTH.
- Shanskij, N.M. (1985). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. Moscow: High School.
- Shahmatova, M.A. (2011). *Uchebnaya leksikografiya: uchebnoe posobie* [Teaching lexicography: textbook]. SPb: Philological Faculty of St. Petersburg State University.
- Flejsher, V. (1997). *Frazeologiya sovremennogo nemeckogo yazyka* [Phraseology of the contemporary German language]. Tuebingen: Max Niemeyer Publishing House.